

{ Биографии,
автобиографии,
мемуары }

Элизабет Гаскелл
**Жизнь
Шарлотты
Бронте**

Элизабет Гаскелл
Жизнь Шарлотты Бронте
Серия «Биографии, автобиографии, мемуары»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10020048

Элизабет Гаскелл. Жизнь Шарлотты Бронте: КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва; 2015
ISBN 978-5-389-10104-3

Аннотация

Эта книга посвящена одной из самых знаменитых английских писательниц XIX века, чей роман «Джейн Эйр» – история простой гувернантки, сумевшей обрести настоящее счастье, – пользуется успехом во всем мире. Однако немногим известно, насколько трагично сложилась судьба самой Шарлотты Бронте. Она мужественно и с достоинством переносила все невзгоды и испытания, выпадавшие на ее долю. Пережив родных сестер и брата, Шарлотта Бронте довольно поздно вышла замуж, но умерла меньше чем через год после свадьбы – ей было 38 лет. Об этом и о многом другом (о жизни семьи Бронте, творчестве сестер Эмили и Энн, литературном дебюте и славе, о встречах с писателями и т. д.) рассказала другая известная английская писательница – Элизабет Гаскелл. Ее знакомство с Шарлоттой Бронте состоялось в 1850 году, и в течение почти пяти лет их связывала личная и творческая дружба. Книга «Жизнь Шарлотты Бронте» – ценнейший биографический источник, основанный на богатом документальном материале. Э. Гаскелл включила в текст сотни писем Ш. Бронте и ее корреспондентов (подруг, родных, литераторов, издателей). Книга «Жизнь Шарлотты Бронте» впервые публикуется на русском языке.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	22
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	64
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Элизабет Гаскелл

Жизнь Шарлотты Бронте

© А. Д. Степанов, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство КоЛибри®

Часть первая

Глава 1

Железнодорожная ветка из Лидса в Бредфорд проходит в долине Эра – сонной и вялой реки, особенно если сравнить ее с рекой Уорф. На этой ветке есть станция Китли, расположенная примерно в четверти мили от городка с таким же названием. Число жителей, равно как и значение этого городка, сильно выросло за последние двадцать лет благодаря увеличивающемуся спросу на шерстяную материю – именно ее производством по преимуществу и занято фабричное население той части Йоркшира, главным городом которой и является Бредфорд.

Можно сказать, что Китли сейчас пребывает в переходном состоянии: еще до недавних пор большая старинная деревня обещает теперь превратиться в многолюдный и процветающий город. Приезжий замечает, что стоящие на широких улицах домики с двускатными крышами, выдающимися вперед, уже пустуют. Они обречены на снос и скоро уступят место современным зданиям, тем самым открыв возможность для проезда экипажей. Старомодные узкие витрины, какие было принято устраивать пятьдесят лет назад, сменяются широкими оконными рамами и зеркальными стеклами. Почти все дома служат тем или иным коммерческим целям. Быстро проходя по улицам города, вы вряд ли догадаетесь, где живет нужный вам адвокат или врач: в отличие от старых городов с их кафедральными соборами, здесь слишком мало домов, внешний вид которых достоин людей этих профессий, представителей среднего класса. Трудно отыскать большее несходство во всем – в жизни общества, в образе мыслей, в отношении к вопросам морали, в поведении и даже в политике и религии, – чем различие между новыми промышленными центрами на севере, такими как Китли, и исполненными собственного достоинства, неспешными, живописными городами юга. Будущее сулит Китли очень многое, но только не по части живописности. Здесь царит серый камень. Ряды выстроенных из него домов сохраняют в своих единообразных устойчивых очертаниях прочность и величие. Дверные каркасы и перемычки окон, даже в самых маленьких домиках, изготовлены из каменных блоков. Нигде не видно крашеного дерева, которое требует постоянного обновления и в противном случае скоро начинает казаться запущенным. Почтенные йоркширские домохозяйки тщательно следят за чистотой камня. Если прохожий посмотрит через окно внутрь дома, то увидит изобилие домашней утвари и повсеместные следы женского прилежания и заботы. Вот только голоса людей в здешних местах грубы и немелодичны. От здешних жителей не ждешь музыкальных талантов, хотя именно ими и славится здешний край, давший музыкальному миру Джона Карродуса¹. Фамилии их (вроде только что произнесенной), которые можно увидеть на вывесках магазинов, кажутся странными даже приезжим из соседних графств и несут в себе явные признаки местного колорита.

От Китли идет дорога на Хаурт – череда домов вдоль нее почти не прерывается, хотя, по мере того как путник поднимается на серые приземистые холмы, уходящие в западном направлении, расстояния между жилищами увеличиваются. Сначала вы увидите несколько вилл, расположенных так далеко от дороги, что становится ясно: вряд ли они принадлежат тем, кого могут спешно вызвать в город, оторвав от удобного кресла у камина, с просьбой облегчить страдания или помочь в тяжелой ситуации. Адвокаты, врачи и священники обычно селятся ближе к центру города, а не в таких строениях на окраине, скрытых зарослями кустарника от любопытных глаз.

В городе вы не увидите ярких красок: их можно встретить только на витринах, где разложены товары на продажу, но не в природе – в цвете листвы или неба. Однако за городом невольно ожидаешь больше блеска и живости, и от этого проистекает чувство разочарования, охватывающее вас при виде множества оттенков серого, которые окрашивают все, что встречается вам на пути от Китли к Хаурту. Расстояние между ними – около четырех миль, и, как я уже сказала, все оно заполнено вилами, большими трикотажными фабриками, домами рабочих, а также изредка попадающимися старомодными фермами с многочисленными пристройками. Такой пейзаж едва ли можно назвать «сельской местностью». На протяжении двух миль дорога идет по более-менее равнинной местности, оставляя слева холмы, а справа – луга, по которым протекает речка, вращающая колеса построенных по ее берегам фабрик. Все застилает дым, поднимающийся из труб домов и фабрик. Растительность в долине (или в «яме», как ее тут называют) довольно богатая, но по мере того, как дорога поднимается вверх, влаги становится все меньше, и растения уже не произрастают, а влачат жалкое существование, и дома окружают не деревья, а только заросли кустарника. Живые изгороди сменяются каменными оградами, а на клочках пахотной земли растет бледный серо-зеленый овес.

И вот перед глазами путника, поднимающегося по этой дороге, неожиданно вырастает деревенька Хаурт. Ее видно за две мили: она расположена на склоне крутого холма, под которым простираются тускло-коричневые и пурпурные вересковые поля. Холм же поднимается дальше, за церковь, построенную в самой высокой точке длинной и узкой улицы. Вплоть до самого горизонта видны волнистые линии все таких же холмов; пространства между ними открывают вид только на другие холмы того же цвета и формы, увенчанные все теми же дикими и блеклыми вересковыми пустошами. В зависимости от настроения смотрящего эти пустоши могут произвести различное впечатление: могут показаться величественными тому, кто почувствует разлитое в них одиночество, или же хмурыми, суровыми – тому, кто увидит только их монотонность и безграничность.

Дорога ненадолго отклоняется от Хаурта, огибая подножие холма, а затем пересекает мост через речку и начинает подниматься в деревню. Плиты, которыми замощена улица, уложены так, чтобы дать лучшую опору для лошадиных копыт, но, несмотря на это, лошади подвергаются постоянной опасности сорваться вниз. Старые каменные дома кажутся больше по высоте, чем ширина улицы. Перед тем как выйти на ровную площадку, мостовая делает столь резкий поворот, что ее крутизна становится больше похожа на отвесную стену. Одолев этот подъем, вы оказываетесь у церкви, расположенной несколько в стороне от дороги – ярдах в ста или около того. Здесь кучер может расслабиться, а лошади – вздохнуть свободно: экипаж въезжает в тихую боковую улочку, которая и ведет к дому священника – в хауртский пасторат. По одну сторону этого проулка находится кладбище, а по другую – школа и дом церковного сторожа, где прежде жили младшие священники.

Пасторат стоит боком к дороге, и из его окон открывается вид вниз, на церковь. Получается, что этот дом, церковь и школьное здание с башенкой образуют три стороны неровного прямоугольника, четвертая сторона которого остается открытой и выходит на вересковые пустоши. Внутри прямоугольника помещается заполненное надгробными памятниками кладбище, а также маленький садик, или дворик, у дома священника. Войти внутрь можно через вход, расположенный посередине дома, а от него тропинка заворачивает за угол и пересекает небольшую поляну. Под окнами – узкая клумба, за которой много лет ухаживают, хотя и без особого успеха: на ней все равно вырастают только самые неприхотливые растения. Кладбище окружает каменная ограда, вдоль нее растут бузина и сирень; оставшееся пространство занимают квадратный газон и посыпанная гравием дорожка. Двухэтажный дом построен из серого камня, крыша покрыта плитами, чтобы противостоять ветрам, способным сорвать более легкое покрытие. Возведен он, по-видимому, лет сто назад. На каждом

этаже имеется по четыре комнаты. Если посетитель подходит к дому со стороны церкви, то справа он видит два окна кабинета мистера Бронте, а слева – два окна гостиной. Все в этом доме говорит о прекрасном вкусе и исключительной опрятности его обитателей. На ступенях – ни пятнышка, стекла в старомодных рамах блестят, как зеркала. И внутри и снаружи опрятность достигает, так сказать, абсолюта – полной чистоты.

Как я уже сказала, церковь располагается выше большинства деревенских домов. Еще выше находится кладбище, где теснятся высокие прямые памятники. Часовня или церковь считается старейшей постройкой в этой части королевства, хотя по внешнему виду сохранившегося здания этого не скажешь. Исключение составляют два восточных окна, которых не коснулись перестройки, а также нижняя часть колокольни. Внутри по виду колонн можно заключить, что их возвели до воцарения Генриха VII². Вероятно, в стародавние времена на этом месте стояла «филд-кирк», или часовня, а записи в книгах Йоркского архиепископства свидетельствуют о том, что в 1317 году в Хаурте уже была часовня. Тем, кто интересуется датой основания, местные жители показывают следующую запись на одном из камней в церковной башне:

Hic fecit Cænobium Monachorum Auteste fundator. A. D. Sexcentissimo³.

Другими словами, надпись утверждает, что церковь построена еще до принятия христианства в Нортумбрии⁴. Уитейкер утверждает, что причина появления этой ошибки заключается в том, что некий малограмотный камнерез неправильно скопировал надпись, сделанную во времена Генриха VIII⁵ на соседнем камне: «Orate pro bono statu Eutest Tod»⁶.

В наше время любой антиквар знает, что молитвенная формула «bono statu» всегда относится к здравствующему. Я подозреваю, что это единственное христианское имя было ошибочно принято камнерезом за «Austet» вместо «Eustatius», а слово «Tod» было неправильно прочитано как арабская цифра «600», хотя это слово вырезано весьма четко и прекрасно читается. На основании этой нелепой претензии на древность местные жители развернули борьбу за свою независимость и потребовали, чтобы бредфордский викарий сам назначал священника в Хаурт.

Я привожу этот фрагмент, чтобы стало понятно то ошибочное основание, которое породило смятение, происшедшее в Хаурте примерно тридцать пять лет назад, о чем я при случае расскажу подробнее.

Внутри убранство церкви самое обыкновенное: оно не слишком старо и не слишком ново, чтобы заслуживать отдельного описания. Скамьи для важных лиц сделаны из черного дуба и отгорожены друг от друга высокими перегородками, на дверцах которых белыми буквами написаны имена владельцев. Нигде не видно ни медных памятных досок, ни роскошных гробниц в виде алтарей, ни памятников, только справа от деревянного стола, заменяющего в реформаторской церкви алтарь, вделана в стену доска со следующей надписью:

Здесь покоятся останки Марии Бронте, жены преподобного П. Бронте, бакалавра, священника в Хаурте.

Ее душа вознеслась к Спасителю 15 сент. 1821 года на 39-м году жизни.
«Потому и вы будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф. 24: 44).

А также покоятся здесь останки Марии Бронте, дочери вышеупомянутой, умершей 6 мая 1825 года на 12-м году жизни,
а также Элизабет Бронте, ее сестры,
умершей 15 июня 1825 года на 11-м году жизни.

«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3).

Также покоятся здесь останки Патрика Брэнвелла Бронте, умершего 24 сент. 1848 года в возрасте 30 лет.

А также Эмили Джейн Бронте,

умершей 19 декабря 1848 года в возрасте 29 лет,

сына и дочери преподобного П. Бронте, приходского священника.

Этот камень посвящен также памяти Энн Бронте,

младшей дочери преподобного П. Бронте, бакалавра,

умершей в возрасте 27 лет¹ 28 мая 1849 года

и похороненной в старой церкви в Скарборо.

В верхней части этой доски строчки разделяют большие интервалы: когда делались первые записи, поглощенные горем домочадцы не думали о том, что надо оставить место и для имен тех, кто еще был жив. Но по мере того как члены семьи уходили один за другим, строчки теснились, а буквы мельчали и сжимались. После записи о смерти Энн места уже ни для кого не осталось.

Однако еще одной из того же поколения – последней из шести рано лишившихся матери детей – предстояло последовать за всеми, чтобы покинуть на земле в полном одиночестве своего отца. На другой доске, расположенной ниже первой, к скорбному списку была добавлена следующая запись:

Рядом с ними покоятся останки Шарлотты, супруги преподобного Артура Белла Николлса, бакалавра, и дочери преподобного П. Бронте, бакалавра, приходского священника.

Она умерла 31 марта 1855 года на 39-м году жизни.²

¹ Рецензент заметил несоответствие между указанным на доске возрастом Энн Бронте в год ее смерти (двадцать семь лет в 1849 году) и тем, что она родилась в Торнтоне, откуда мистер Бронте уехал 25 февраля 1820 года. Я знала об этом несоответствии, но оно не казалось мне столь существенным, чтобы устранять его, обращаясь к книгам, в которых регистрируются рождения. По словам мистера Бронте, на которых я основываю свое суждение о месте рождения Энн, «в Торнтоне родились: Шарлотта, Патрик Брэнвелл, Эмили Джейн и Энн». Жители Хаурорта, к которым я обращалась с этим вопросом, утверждали, что все дети мистера и миссис Бронте родились до переезда семейства в Хаурорт. По-видимому, ошибка заключена в надписи на доске. – *Здесь и далее постраничные примечания принадлежат автору.*

² В апреле 1858 года в алтарном ограждении хаурортской церкви была закреплена памятная доска, посвященная умершим членам семьи Бронте. Она изготовлена из белого каррарского мрамора на основе из серого мрамора, с карнизом над украшенным орнаментом основанием скромного и простого рисунка. Между креплениями, на которых держится доска, вписана священная монограмма I. H. S. [Jesus Homini Salvator – Иисус, Спаситель человечества (*лат.*).] староанглийским шрифтом. Эта доска, исправляющая ошибку предыдущей в определении возраста Энн Бронте, несет следующую надпись римским шрифтом (хотя инициалы выполнены староанглийским): «В память о Марии, жене преп. П. Бронте, бакалавра, священника в Хаурорте, умершей 15 сентября 1821 года в возрасте 39 лет, а также о Марии, их дочери, умершей 6 мая 1825 года в возрасте 12 лет, а также о Элизабет, их дочери, умершей 15 июня 1825 года в возрасте 11 лет, а также о Патрике Брэнвелле, их сыне, умершем 24 сентября 1848 года в возрасте 30 лет, а также об Эмили Джейн, их дочери, умершей 19 декабря 1848 года в возрасте 30 лет, а также об Энн, их дочери, умершей 28 мая 1849 года в возрасте 29 лет и похороненной у старой церкви в Скарборо, а также о Шарлотте, их дочери, супруге преп. А. Б. Николлса, бакалавра, умершей 31 марта 1855 года в возрасте 39 лет. „Жало же смерти – грех; а сила греха – закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!“ (1 Кор. 15: 56–57)».

Глава 2

Для лучшего понимания истории жизни моей дорогой подруги Шарлотты Бронте читателю следует познакомиться с весьма своеобразным характером людей, среди которых прошли ее ранние годы и от которых и она, и ее сестры получили первые жизненные впечатления. Поэтому, прежде чем продолжить свой труд биографа, я представлю читателю общую характеристику населения Хауорта и близлежащей местности.

Даже жители соседнего графства Ланкастер удивляются необыкновенной силе духа, которую выказывают йоркширцы и которая придает им весьма примечательные черты. Волевые качества сочетаются у них с редкой самодостаточностью, придающей им вид столь независимый, что он способен даже отпугнуть приезжего. Слово «самодостаточность» я использую в расширительном смысле. Йоркширцы из области Уэст-Райдинг⁷, кажется, с рождения отмечены такой смышленостью, упрямством и силой воли, что каждый из здешних уроженцев полагается только на самого себя и никогда не надеется на помощь соседа. Те редкие случаи, когда кто-либо просил о такой помощи, порождали сомнение в ее целесообразности: достигнув успеха, человек становился зависим от других и вынужден был переоценить свои собственные силы и энергию. Местные жители принадлежат к тем сообразительным, но недалеким людям, которые с подозрением относятся ко всякому, чья честность не являет собой доказательство мудрости. Практические качества человека ценятся здесь очень высоко, но чужаков встречают подозрительно и ко всякой новизне относятся с недоверием, которое распространяется даже и на добродетели. Если добрые качества не дают немедленного практического результата, то их отвергают как негодные для этого мира, в котором нельзя ничего достичь без усилий и борьбы, особенно если это качества, относящиеся к размышлению, а не к действию. Страсти в душе йоркширца сильны, и причины этого залегают очень глубоко. Однако эти страсти редко выплескиваются наружу. Грубых и диких местных жителей едва ли можно назвать любезными в обращении. Разговаривают они отрывисто, а их манера речи и выговор непривычному человеку, скорее всего, покажутся грубыми. Таковы черты их характера. Одни из них, по-видимому, обязаны своим появлением традициям вольности, присущей горцам, а также уединенности их края, другие могут быть обусловлены их происхождением в древности от грубых скандинавов. Однако в то же время йоркширцы весьма восприимчивы и обладают чувством юмора. Всякий, кто решится поселиться среди них, должен быть готов к тому, что услышит про себя совсем не лестные, хотя и правдивые, замечания, высказанные, как правило, уместно и ко времени. Пробудить чувства у них непросто, но, если удастся, эти чувства сохранятся надолго. Отсюда происходят такие качества, как крепость дружбы и верность своему господину. Чтобы узнать, в каких формах обычно проявляется последнее, достаточно перечитать те страницы «Грозового перевала», где говорится о герое по имени Джозеф.

По тем же причинам в местных жителях развита и ворчливость, которая подчас перерастает в мизантропию, передающуюся от поколения к поколению. Я помню, как однажды мисс Бронте привела мне поговорку жителей Хауорта: «Храни камень в кармане семь лет, потом переверни его и храни еще семь – пусть он будет у тебя всегда под рукой на случай, если твой враг подойдет поближе».

Когда же дело касается денег, жители Уэст-Райдинга превращаются в настоящих гонимых. Мисс Бронте описала моему мужу забавный случай, наглядно показывающий эту тягу к богатству. Некий ее знакомый, мелкий фабрикант, занимался торговыми операциями, которые неизменно заканчивались удачно, в результате чего он составил себе некоторое состояние. Этот человек уже давно прошел середину жизненного пути, когда ему взбрело в голову застраховаться. Не успел наш герой получить страховой полис, как вдруг заболел, причем

настолько серьезно, что не возникало сомнений: через несколько дней наступит фатальный исход. Доктор не без колебаний открыл больному, что его положение безнадежно. «Ага! – вскричал фабрикант, миглом обретая прежнюю энергию. – Значит, я сделаю этих страховщиков. О, я всегда был счастливым!»

Здесь народ сообразителен и схватывает все на лету, набожен и настойчив в преследовании добрых целей, хотя способен и заблуждаться. Местные жители не слишком эмоциональны, у них нелегко вызвать дружеские или враждебные чувства, но если они кого-то полюбят или возненавидят, то заставить их изменить свое отношение бывает почти невозможно. Это сильные в физическом и душевном отношении люди, одинаково способные и к добрым, и к злым поступкам.

Шерстяные мануфактуры появились в этой области еще при Эдуарде III⁸. Принято считать, что в те времена сюда прибыла целая колония фламандцев, осевших в Уэст-Райдинге и обучивших местных жителей тому, как можно использовать шерсть. Та смесь сельскохозяйственного и фабричного труда, которая заняла после этого господствующее положение в Уэст-Райдинге и доминировала вплоть до самого последнего времени, выглядит очень привлекательно лишь с большой временной дистанции, оставляющей впечатление чего-то классического, пасторального, когда детали либо забылись, либо погребены в трудах ученых, исследующих те немногие отдаленные уголки Англии, где еще сохраняются старинные обычаи. Картина, представляющая хозяйку дома и ее служанок, наматывающих шерсть на большие барабаны, в то время как хозяин пашет в поле или пасет свои стада на пурпурных вересковых пустошах, весьма поэтична и вызывает ностальгию. Но там, где подобные картины сохраняются в наши дни, мы слышим из уст живущих такой жизнью людей множество рассказов о деревенской грубости в сочетании с купеческой прижимистостью, о беспорядочности и беззакониях – рассказов, мало что оставляющих от образов пастушеской простоты и невинности. Было бы большим преувеличением считать, что для той эпохи, память о которой все еще жива в Йоркшире, не подходили преобладавшие тогда формы общественного устройства, хотя мы и понимаем сейчас, что они постоянно приводили к злоупотреблениям. Неуклонный прогресс заставил их навеки уйти в прошлое, и стараться воскресить их сейчас было бы так же нелепо, как взрослому человеку пытаться натянуть на себя собственную детскую одежду.

Патент, полученный олдерменом Кокейном и последовавшие за тем ограничения, наложенные Яковом I⁹ на экспорт неокрашенного шерстяного сукна, на которое Голландские штаты ответили запретом импорта сукна, окрашенного в Англии¹⁰, нанес сильный удар по уэст-райдингским фабрикантам. Любовь к независимости и неприязнь к власти, равно как их умственное развитие, подталкивали к восстанию против религиозного диктата таких князей церкви, как Лод¹¹, и против правления Стюартов. Ущерб, нанесенный королями Яковом и Карлом¹² тому делу, которым в Уэст-Райдинге зарабатывали на жизнь, превратил большинство его жителей в сторонников республики. У меня еще будет впоследствии возможность дать несколько примеров проявления добрых чувств, равно как и обширных знаний по вопросам внутренней и внешней политики, которые выказывают в наше время жители деревень, лежащих по сторонам горного хребта, отделяющего Йоркшир от Ланкашира; эти люди принадлежат к одному типу и обладают сходными свойствами характера.

Потомки воинов, сражавшихся в войсках Кромвеля при Данбаре¹³, владеют землями, некогда завоеванными их предками, и, наверное, нет в Англии другого уголка, где республиканские традиции и память о Содружестве¹⁴ сохранялись бы так долго, как здесь, среди работников шерстяных фабрик Уэст-Райдинга, для которых восхитительная коммерческая политика лорд-протектора отменила все торговые ограничения. Я слышала из надежного источника, что не далее как тридцать лет назад фраза «во дни Оливера» еще всю использо-

валась для обозначения времени необыкновенного процветания. Имена, которые дают новорожденным в том или ином месте, всегда указывают, кого здесь считают героями. Серьезные люди, имеющие твердые политические убеждения и непоколебимые в делах веры, не видят ничего смешного в именах, выбранных для своих потомков. И сейчас еще можно найти неподалеку от Хаурта детей, которым предстоит прожить жизнь Ламартинами, Кошутами или Дембинскими¹⁵. Кроме того, свидетельством вышеописанных качеств жителей этого района является тот факт, что библейские имена, распространенные у пуритан, все еще сохраняются в йоркширских семьях, принадлежащих к среднему и низшему классу, причем это не зависит от их религиозных убеждений. Есть многочисленные письменные свидетельства того, что отставленные от своих мест во время репрессий Карла II¹⁶ священники получали теплый прием как у местного дворянства, так и у здешних бедняков. Все это говорит о давнем еретическом духе независимости, отличающем до сего дня население Уэст-Райдинга.

Приход Галифакс граничит с бредфордским приходом, частью которого является хауртская церковь. Оба расположены на схожей – холмистой и невозделанной – земле. Изобилие угля и горных речек делает этот район крайне привлекательным для строительства фабрик. Поэтому, как я уже отмечала, местные жители в течение столетий занимались не только сельским хозяйством, но и ткачеством. Однако торговые отношения долго не приводили к улучшению жизни и приходу цивилизации в эти отдаленные деревеньки и разбросанные по холмам дома. Мистер Хантер в своей «Жизни Оливера Хейвуда»¹⁷ приводит суждение из воспоминаний некоего Джеймса Ритера, жившего во времена королевы Елизаветы, которое отчасти верно и сегодня: «У них нет привычки ни почтительно относиться к старшим, ни быть любезными вообще. Следствием этого является мрачный и неуступчивый характер, так что пришелец из других мест поначалу оказывается ошарашен вызывающим тоном любого разговора и свирепым выражением на любом лице».

И в наше время такой пришелец, задав какой-нибудь вопрос местному жителю, наверняка получит резкий и грубый ответ, если только вообще получит. Иногда угрюмость и грубость йоркширцев кажутся даже оскорбительными. Однако если «иностранец» отнесется к их нахальству добродушно, как к чему-то естественному, и отдаст должное их скрытой доброте и гостеприимству, то эти люди покажутся ему достойными, щедрыми и надежными. В качестве небольшой иллюстрации того, что у жителей этих отдаленных поселений грубоватость манер присуща всем слоям общества, я могу рассказать о случае, происшедшем со мной и моим мужем три года назад в городке Аддингаме, – этот город упоминается в стихах:

Из Пениджента, Пендл-Хилл,
Из Линтона, из Аддингама,
Из Крейвена всего мужи
За сильным Клиффордом пришли...¹⁸

Этот городок – один из тех, которые послали своих воинов сражаться в битве при Флорден-Филд, – расположен неподалеку от Хаурта.

Мы ехали по улице и вдруг увидели истекающего кровью человека, – по-видимому, он был из тех несчастливцев, которые притягивают к себе беды, как магнит железо. Его угрозило прыгнуть в речку, протекавшую через деревню, куда все бросали битое стекло и бутылки. Теперь он, обнаженный, шел по улице к близлежащему домику, шатаясь и обливаясь кровью. У него не просто была ранена рука, а оказалась перерезана артерия, и дело вполне могло завершиться смертельным исходом. Впрочем, шедший навстречу родственник успокоил его, сказав, что если это произойдет, то «много возиться не придется».

Мой муж остановил кровотечение, перетянув руку несчастного ремнем, одолженным одним из зевак, и спросил, послали ли за доктором?

– Та послали, – последовал ответ. – Только он не придет.

– Почему же?

– Та старый он, понимаешь, и с астмой, а тут в гору переть.

Мой муж, взяв в качестве провожатого мальчишку, поспешил за врачом, чей дом находился, как выяснилось, менее чем в миле от места происшествия. Когда они подошли к дверям, оттуда вышла тетушка раненого парня.

– Идет доктор? – спросил мой муж.

– Та не. Нейду, грит.

– Но вы ему сказали, что раненый может истечь кровью?

– А то.

– Ну и что он ответил?

– Та грит: хрен с ним, мне что за дело?

Кончилось тем, что врач выслал на помощь своего сына, который был «не по докторской части», но тем не менее сумел оказать первую помощь – забинтовал руку. Оправдание поступка врача местные находили в том, что «ему восемьдесят почти, он не петрит уже ничего, а детей у него аж двадцать».

Самым спокойным среди зевак выглядел брат поранившегося парня. Пока тот лежал в луже крови на полу, жалуясь, что «руку так и жжет», его стоический родственник невозмутимо покуривал свою черную трубочку, не произнося ни слова сочувствия или сожаления.

Грубые лесные обычаи сохранялись на опушках темных лесов, покрывавших отлогие склоны холмов, до середины семнадцатого столетия. Смертная казнь через отсечение головы была общим наказанием для всех, кто признавался виновным даже в мелких преступлениях, и это привело к тому, что безразличие к человеческой жизни вошло у местных в привычку. Дороги еще тридцать лет назад были до того плохи, что деревни почти не сообщались между собой, хотя при этом их жители очень старались вовремя доставлять продукты своего труда на рынок. А в одиноко стоящих на склонах холмов домах и в убежищах местных карликовых магнатов преступления могли совершаться совершенно незаметно и безнаказанно, без риска вызвать народный гнев, который привлечет сюда сильную руку закона. Следует напомнить, что в старые годы в сельской местности не было полиции, и немногие имевшиеся тогда судьи были вынуждены действовать без всякой поддержки. Часто они находились в родстве с местными жителями, смотрели сквозь пальцы на правонарушения и только подмигивали, видя злоупотребления, похожие на их собственные.

Люди среднего и старшего возраста со смешанными чувствами вспоминают о днях своей юности, проведенных в этих краях. В зимние месяцы им приходилось подниматься на холмы в телегах, вязнущих в грязи, и только самые неотложные дела могли заставить их покинуть свой двор. Дела эти приходилось осуществлять, преодолевая такие трудности, которые теперь им, несущимся на Бредфордский рынок в первоклассном быстроходном экипаже, уже кажутся непреодолимыми. Так, например, один владелец шерстяной фабрики вспоминает, что менее четверти века назад ему приходилось зимним утром отправляться из дому затемно, чтобы вовремя доставить в Бредфорд подводу, нагруженную отцовским товаром. Груз укладывали всю ночь, а утром вокруг подводы суетился народ: повсюду мелькали фонари, осматривали подковы лошадей, и вот наконец медлительная повозка трогалась в путь. Кто-то должен был на ощупь идти впереди, стуча перед собой палкой по острым и скользким каменным выступам, а иногда даже опускаясь на четвереньки, пока повозка не выезжала на сравнительно удобный, с глубокой колеёй большак. До покрытых вереском нагорий добирались верхом, двигаясь по следам нагруженных лошадей, перевозивших посылки, товары и грузы между городами, еще не соединенными большой дорогой.

Однако зимой все эти транспортные средства становились бесполезны из-за снега, а он долго не тает в открытой всем ветрам горной местности. Я была знакома с людьми, которые во время поездки в почтовой карете за Блэкстоунский кряж задержались чуть ли не на неделю, если не больше, на маленьком постоялом дворе почти у самой вершины. Им пришлось провести там и Рождество, и Новый год. Истребив хозяйский запас провизии, незваные гости принялись за индеек, гусей и йоркширские пироги, которые перевозила карета. Но и эти продукты скоро подошли к концу. Как раз в это время, на их счастье, потеплело, и узники смогли покинуть свою тюрьму.

Горные деревеньки кажутся оторванными от всего мира, однако их одиночество – ничто по сравнению с той изоляцией, в которой пребывают серые наследственные дома, разбросанные тут и там среди пустошей. Обычно эти жилища невелики, но прочны и достаточно просторны для их обитателей – хозяев окружающей дом земли. Здесь нередко можно встретить семьи, владеющие своим наделом еще со времен Тюдоров¹⁹. Это остатки старого сословия йоменов²⁰, однодворцы, мелкие помещики, число которых стремительно сокращается в наше время. Можно назвать две причины подобного упадка. Либо землевладелец ленится и пьянствует и в конце концов бывает принужден продать свой участок, либо, наоборот, он оказывается человеком практичным, с авантюрной жилкой и тогда решает, что сбегаящая с горы речка или минералы у него под ногами принесут ему богатство. Тогда он оставляет прежнюю трудовую жизнь мелкого землевладельца и превращается в фабриканта, начинает копать уголь или разрабатывать карьер, чтобы добывать камень.

Некоторые представители йоменского сословия продолжают жить прежней жизнью и в наше время. Эти обитатели отдаленных, затерянных в горах домов отличаются крутым характером и большой эксцентричностью. Более того, полудикие люди, почти никогда не видящие себе подобных, воспринимающие общественное мнение всего лишь как невнятное эхо дальних голосов, могут иметь и противоестественные, преступные наклонности.

Уединенная жизнь порождает фантазии, которые со временем превращаются в мании. И тогда сильный йоркширский характер, не подчинившийся «деловому городу и оживленному рынку», в самых отдаленных уголках принимает странные, своенравные формы. Недавно мне довелось услышать любопытный рассказ об одном землевладельце, живущем, правда, на ланкаширской стороне гор, но по происхождению и воспитанию относящемся к той же породе йоркширцев, что и жители противоположной стороны. Его доход составлял, вероятно, семьсот или восемьсот фунтов в год, а дом являл собой пример прекрасно сохранившейся старины и всем своим видом показывал, что предки нынешнего владельца в течение долгого времени были людьми уважаемыми и небедными. Моему собеседнику очень понравился внешний вид этого поместья, и он попросил сопровождавшего его деревенского парня: «Я хотел бы подойти поближе, чтобы получше разглядеть дом». Однако тот ответил: «Та лучше б вам не подходить, сэр. Хозяин вас облает, а то и палить начнет, как недавно в тех, что подошли прямо к дому». Убедившись, что у помещика из вересковых пустошей и впрямь имеется столь негостеприимный обычай, джентльмен оставил свое намерение. Я полагаю, этот дикий йомен здравствует до сих пор.

Рассказывают и о другом сквайре, происходившем из более благородного рода и куда более состоятельном, а это позволяет надеяться на лучшее образование и воспитание, хотя надежды оправдываются далеко не всегда. Этот человек умер в своем доме неподалеку от Хаурта всего несколько лет назад. Его любимым развлечением и главным занятием были петушиные бои. Когда этот господин, подкошенный болезнью, которой суждено было стать последней, уже не мог выходить из своей комнаты, он приказал принести петухов и наблюдал за их кровавой схваткой из постели. Когда же ему стало плохо настолько, что он уже не мог поворачивать голову, чтобы следить за битвой, сквайр велел расставить вокруг себя зеркала и умер, наблюдая в них поединок.

Это всего лишь примеры той эксцентричности, которая служит фоном рассказам о преступлениях и насилии, царивших в этих уединенных местах, – рассказам, до сих пор сохранившимся в памяти старожилов, среди которых есть и те, кто, несомненно, был знаком с авторами «Грозового перевала» и «Незнакомки из Уайлдфелл-холла»²¹.

Однако нельзя сказать, что развлечения простолюдинов были гуманнее, чем у людей богатых и образованных. Джентльмен, который поведал мне многое из изложенного выше, вспоминает о травле собаками привязанного быка, – такая забава была в ходу в Рочдейле еще лет тридцать назад. Быка приковывали цепью или привязывали длинной веревкой к столбу, врытому в дно реки. В день, когда происходила травля, мельники обычно останавливали колеса своих мельниц, чтобы повисить уровень воды в реке и дать возможность простому народу от души насладиться этим диким зрелищем. Бык иногда резко разворачивался, так что веревка, которой он был привязан, натягивалась и опрокидывала тех, кто, забыв осторожность, заходил слишком далеко в воду, и тогда добрые жители Рочдейла радовались, глядя на тонущих соседей, не меньше, чем самой травле быка собаками.

Жители Хаурта обладают такой же физической силой и крутым нравом, как и их соседи на другом склоне холма. Деревня, окруженная вересковыми пустошами, находится между двумя графствами на старой дороге из Китли в Колн. В середине прошлого столетия она получила известность как место служения преподобного Уильяма Гримшоу, который исполнял обязанности хауртского викария на протяжении двадцати лет²². До того времени викарии были, вероятно, такими же, как некий мистер Николз, йоркширский священник, живший в первые десятилетия после Реформации, о котором известно, что он «был весьма привержен к крепким напиткам и дружеству» и часто говаривал своим приятелям так: «Не берите с меня пример и смотрите на меня только тогда, когда я стою на три метра выше земли», то есть на кафедре в церкви.

Жизнь мистера Гримшоу описана мистером Ньютоном, другом Купера²³. Из этого жизнеописания можно извлечь весьма любопытные примеры того, как человек, глубоко верующий и осознающий важность своей миссии, способен подчинить себе неотесанных мужланов. Похоже, что этот священник не отличался религиозным фанатизмом, но, однако, вел высоконравственную жизнь и добросовестно выполнял свои пасторские обязанности. Жизнь его не была отмечена особенными событиями вплоть до воскресного дня в сентябре 1744 года. В тот день его служанка, поднявшись в пять утра, нашла своего хозяина уже стоящим на молитве. По ее словам, мистер Гримшоу, помолившись некоторое время в своей комнате, отправился выполнить пасторский долг в доме одного из прихожан, затем снова молился, вернувшись домой, и затем, так и не съев ни крошки, проследовал в церковь, чтобы отслужить утреню. Здесь, читая отрывок из Нового Завета, мистер Гримшоу внезапно упал и лишился чувств. Когда он пришел в себя, ему помогли выйти из церкви. Стоя на паперти, он обратился к пастве и попросил прихожан не расходиться, поскольку ему нужно будет им кое-что сказать, как только он вернется. Его отвели в дом церковного служителя, где он снова потерял сознание. Служанка стала растирать его, чтобы восстановить кровообращение. Когда пастор пришел в себя, он показался ей «вдохновенным», и первые слова, им произнесенные, были: «Мне было восхитительное видение, сошедшее с третьих небес». Однако он не уточнил, что именно увидел, а вместо этого вернулся в церковь и возобновил службу. Это было в два часа пополудни, а служба закончилась только в семь вечера.

С того дня мистер Гримшоу начал отдавать всего себя с пылом, достойным Уэсли, и с рвением, свойственным Уайтфилду²⁴, тому, чтобы привести свою паству на истинно христианский путь. У жителей деревни был обычай играть по воскресеньям в футбол, используя вместо мяча камни. При этом они вызывали на состязание другие приходы и сами принимали такие вызовы. Случались также скачки на лошадях по вересковым пустошам за деревней, а

дальше следовало пьянство и распутство. В деревне не прошло ни одной свадьбы, которая не сопровождалась бы грубым развлечением в виде состязаний в беге, когда полуобнаженные бегуны скандализировали всех добропорядочных людей. А старый обычай «арвиллов» – поминок на похоронах – частенько приводил к генеральному сражению между перепившимися скорблящими. Таковы были нравы тех людей, с которыми приходилось иметь дело мистеру Гримшоу. Однако ему удалось посредством различных способов – и некоторые из них были самого практического свойства – во многом изменить жизнь своего прихода. Во время службы ему иногда помогали Уэсли и Уайтфилд, и тогда маленькая церковка оказывалась не способна вместить толпу прихожан из отдаленных деревень или уединенных домов в пустошах. Часто многие оставались молиться на открытом воздухе: внутри не хватало места даже для причастников. Однажды приглашенный на сослужение в Хаурт мистер Уайтфилд начал говорить о том, что не нужно долго распространяться перед паствой, в течение долгих лет имевшей в качестве пастыря столь набожного и благочестивого священника. В этот момент «мистер Гримшоу поднялся со своего места и попросил во всеуслышание: „О сэр, ради Господа, не говорите так! Умоляю, не льстите мне. Боюсь, что бо́льшая часть этой паствы направляется в ад вполне сознательно“».

Если это и была правда, то виной тому отнюдь не недостаток усердия со стороны мистера Гримшоу. Он проводил в неделю по двадцать-тридцать служб в домах своих прихожан. Если кто-то из паствы проявлял невнимание, то пастор прерывался, обращался к нему с увещанием и не возобновлял службы до тех пор, пока все не становилось на колени. Он проявлял особое усердие, требуя ото всех посещать церковь по воскресеньям, и даже не разрешал прихожанам погулять в полях между двумя службами. Выбирал самые длинные псалмы (говорят, особенно он любил 119-й²⁵) и, пока прихожане пели, спускался с кафедры и, прихватив кнут, отправлялся в таверну, где принимался хлестать тех, кто отлынивал от посещения церкви. Только самые шустрые успевали выскочить через черный ход и избежать побоев. Мистер Гримшоу обладал отменным здоровьем, был весьма подвижен и часто отправлялся в отдаленные горные районы, чтобы «открыть глаза» тем, кто забыл о религии. При этом, чтобы сэкономить время и не быть в тягость тем, в чьих домах он проводил свои службы, пастор брал с собой немного провизии – всего лишь кусок хлеба с маслом или луковицей, и этого ему хватало на целый день.

Скачки вызывали у мистера Гримшоу справедливое возмущение: они привлекали в Хаурт большое число бездельников и мотов и были подобны спичке, которой только и не хватало местному горючему материалу, чтобы в округе ярким пламенем разгорелось нечестие. Мистер Гримшоу использовал все возможные способы воздействия, вплоть до запугивания, чтобы отменить скачки, однако не преуспел. Тогда, дойдя до предела отчаяния, пастор принялся молиться с таким пылом, что на землю внезапно хлынул ливень и буквально залил поле для скачек. Бега не состоялись, даже несмотря на то, что многие были согласны смотреть на них под дождем. С этого дня скачки в Хаурте больше не возобновлялись, а память о славном священнике сохраняется до сих пор. Его набожные богослужения и человеческие достоинства – поистине гордость прихода.

Однако боюсь, что тьма язычества, из которой вызволил этих людей своими личными усилиями неистовый священник, вновь сгустилась после его смерти. Он построил часовню для методистов, последователей Уэсли, а вскоре после этого баптисты также построили здесь молельный дом. Местные жители, как справедливо замечает доктор Уитейкер, «сильно веруют», однако в наше время, пятьдесят лет спустя, их вера не всегда воплощается в делах. Еще четверть века назад здешние представления о морали во многом определялись традициями предков-викингов. Кровная месть передавалась от отца к сыну как некий наследственный долг, а способность много выпить, избежав головной боли, почиталась одной из главных добродетелей. Игра в футбол по воскресеньям с принявшими вызов жителями соседних

приходов возобновилась, а с ней возобновился и приток буйных гостей, наводнявший кабаки и заставлявший трезвомыслящих жителей со вздохом вспоминать крепкую руку славного мистера Гримшоу и его всегда готовый к услугам кнут. Старый обычай поминок-арвиллов расцвел, как встарь. Могильщик, стоя у открытой могилы, провозглашал, что арвилл состоится в «Черном быке» или в какой-нибудь другой таверне, выбранной друзьями покойного, после чего скорбящие и их знакомые направлялись туда дружной толпой, чтобы утешиться. Происхождение этого обычая связано с необходимостью отдыха для тех, кто пришел на похороны издалека, чтобы отдать последний долг усопшему другу. В жизнеописании Оливера Хейвуда есть два фрагмента, которые показывают, какую именно еду подавали на арвиллах в тихом диссентерском²⁶ приходе в семнадцатом столетии: на первом, состоявшемся в Торесби²⁷ по случаю кончины Оливера Хейвуда, упоминаются «холодные посеты²⁸, чернослив, пирог и сыр». Второй фрагмент говорит о более скупом угощении, в соответствии с духом времени (он написан в 1673 году): «Ничего, кроме куска пирога, глотка вина и веточки розмарина».

В Хаурте поминки обычно проходили куда веселее. Небогатым устроителям предписывалось принести всего лишь по булочке со специями для каждого из пирующих, а стоимость спиртных напитков – рома, эля или их смеси, именуемой «собачий нос», – как правило, оплачивали гости: они клали деньги на тарелку, поставленную посередине стола. А те, кто был побогаче, могли угостить своих гостей бесплатным ужином. В день похорон преподобного мистера Чарнока, который служил здесь после мистера Гримшоу и еще двух священников, на арвилл собрались около восьмидесяти человек, и стоимость пиршества составила четыре шиллинга шесть пенсов с каждого, причем эти деньги внесли друзья покойного. Ближе к концу дня, когда гости «заливали глаза», возникали «отдельные потасовки», в том числе с ужасными последствиями в виде «резаных ран» и даже укусов.

Хотя я описываю в основном те черты жителей Уэст-Райдинга, ярко проявившиеся в первой четверти нашего столетия (а может быть, и чуть позднее), у меня нет сомнения, что и в настоящее время в повседневной жизни людей, столь независимых, своенравных, суровых, найдется немало такого, что приведет в шок и замешательство тех, кто привык к более тонким манерам, свойственным южанам. Нет у меня сомнений и в том, что практичные, здравомыслящие и энергичные йоркширцы оплатят манерным «иностранцам» ничуть не меньшим презрением.

Как я уже сказала, очень вероятно, что на том месте, где сейчас возвышается хауртская церковь, некогда стояла древняя «филд-кирк», или часовня. По саксонским законам такие постройки принадлежали к третьему, низшему разряду религиозных сооружений, и потому в них нельзя было совершать ни погребения, ни главные христианские таинства²⁹. «Филд-кирками», то есть полевыми церквями, их называли потому, что они не имели ограды и стояли прямо среди поля или вересковой пустоши. Основатель церкви, согласно законам Эдгара³⁰, был обязан, не тратя церковной десятины, поддерживать служащего здесь священника из остальных девяти десятых своего дохода. После Реформации право выбора священнослужителя во всех часовнях, раньше считавшихся «полевыми», было даровано свободным землевладельцам и членам церковного совета, которые одобряли кандидатуру священника своего прихода. Однако из-за некоторой нерадивости прихожан в Хаурте это право было утрачено землевладельцами и членами совета еще во времена архиепископа Шарпа³¹, и пастора стал назначать бредфордский викарий. Так, по крайней мере, утверждают некоторые авторитетные источники. Вот что пишет мистер Бронте: «Этот приход имел в качестве патронов викария Бредфорда и нескольких попечителей. Мой предшественник получил место с согласия бредфордского викария, но при сопротивлении со стороны попечителей. И вследствие этого

он, будучи не в силах сопротивляться обструкции, попросил об отставке всего лишь через три недели после назначения».

Доктор Скорсби³², бывший некоторое время викарием Бредфорда, в разговоре о свойствах характера жителей Уэст-Райдинга упомянул о некоем бунте, случившемся во время представления к должности мистера Редхеда, предшественника мистера Бронте в Хаурте. По его словам, в данном эпизоде проявилось столько примечательных особенностей нравов местных жителей, что он посоветовал мне как следует разобраться в этом деле. Я так и поступила и теперь могу со слов ныне здравствующих участников и свидетелей рассказать о средствах, к которым прибегли жители деревни, чтобы изгнать назначенного против их воли священника.

Как уже было сказано, третьим по счету после мистера Гримшоу в Хаурте служил мистер Чарнок. Он долго болел, и болезнь сделала его неспособным выполнять свои обязанности без посторонней помощи – именно в качестве его помощника в деревне и появился мистер Редхед. Пока был жив мистер Чарнок, младший священник вполне устраивал прихожан и даже пользовался их уважением. Но все переменялось после смерти мистера Чарнока в 1819 году. Тогда жители решили, что члены церковного совета несправедливо лишены своего права бредфордским викарием, который назначил мистера Редхеда настоятелем в их приходе.

В то воскресенье, когда мистер Редхед приготовился провести свою первую службу, хауртская церковь была заполнена так, что народ стоял даже в проходах. Большинство собравшихся явились в обуви на деревянной подошве, распространенной в здешних местах. Когда мистер Редхед принялся читать второй отрывок из Писания, полагавшийся на этот день, вся паства вдруг дружно, как один человек, поднялась и двинулась к выходу из церкви, громко стуча деревянными башмаками. Продолжать богослужение остались лишь мистер Редхед и его служка. Все это выглядело просто ужасно, однако в следующее воскресенье было еще хуже. Скамьи на этот раз оказались полностью заняты, как и раньше, но проходы остались свободными. Оказалось, сделано это было специально, а для чего – выяснилось на том же этапе службы, на котором начались неприятности неделей раньше. В церковь въехал человек верхом на осле, причем сидел он задом наперед, а на голове у него было надето множество старых шляп – столько, сколько могло удержаться. Он принялся подгонять осла, чтобы тот сделал круг по проходам между скамьями, и крик, возгласы и смех прихожан совершенно заглушили голос мистера Редхеда, так что ему пришлось замолчать.

До поры до времени никто не прибегал к насилию. Однако в третье воскресенье жители, похоже, сильно разозлились, увидев, что мистер Редхед, явно пренебрегая их волеизъявлением и даже бросая им вызов, проехался по деревенской улице в компании нескольких джентльменов из Бредфорда. Эти господа оставили своих лошадей в «Черном быке» – таверне и постоялом дворе, – ради удобства проведения арвиллов или по какой-то другой причине расположенном неподалеку от церкви, а сами вошли в церковь. Местные жители последовали за ними в сопровождении трубочиста, которого заранее наняли почистить трубы этим утром в постройках при кладбище, а после работы напоили так, что он пришел в почти бессознательное состояние. Трубочиста посадили непосредственно перед кафедрой, чтобы всем было видно, как кивает его черная голова, выражая пьяное и тупое одобрение всему, что говорит мистер Редхед. В конце концов, повинувшись каким-то своим пьяным мыслям, а может быть, и подговоренный заранее неким бузотером, трубочист взобрался по ступеням, ведущим к кафедре, и попытался обнять мистера Редхеда. Тут совсем не благоговейное веселье среди собравшихся стало усиливаться, как стихия, и вскоре превратилось в неистовство. Мистер Редхед хотел бежать, но прихожане подталкивали покрытого сажей трубочиста так, чтобы тот преграждал священнику путь. Затем обоих вытащили на руках во двор и опустили на землю в том месте, где вытряхивают мешки с сажей. Мистер Ред-

хед вырвался и побежал к «Черному быку». Он бросился внутрь, после чего двери немедленно захлопнулись. Люди пришли в ярость и начали угрожать, что забросают камнями священника и его приятелей. Один из тех, с кем я беседовала, ныне глубокий старик, а в те годы владелец «Черного быка», вспоминает: толпа была разъярена до такой степени, что представляла самую серьезную угрозу для жизни мистера Редхеда. Этот кабатчик, однако, сумел организовать побег непопулярным пленникам своего заведения. «Черный бык» стоит почти на вершине длинной и крутой Хауорт-стрит, а внизу, вблизи моста, на дороге в Китли, находится застава со шлагбаумом. Объяснив своим загнанным гостям, что надо выбираться через черный ход (тот самый, сквозь который некогда сбегали бездельники, чтобы избежать кнута мистера Гримшоу), хозяин и несколько его работников сели на коней, принадлежащих джентльменам из Бредфорда, и принялись гарцевать прямо у входа в трактир, среди разъяренной толпы. Между домами были проходы, и всадники видели сквозь них, как мистер Редхед и его приятели крадутся вниз по закоулкам. Подождав, когда те спустятся, спасители пришпорили лошадей и поскакали вниз к заставе. Ненавистный священник и его друзья успели вскочить в седла и ускакать раньше, чем их враги обнаружили, что добыча уходит. Прихожане бросились к заставе, но не обрели там ничего, кроме закрытого шлагбаума.

После этого мистер Редхед не появлялся в Хауорте много лет. Когда же он все-таки приехал провести службу, то при большом собрании весьма внимательных слушателей добродушно напомнил им об обстоятельствах, которые описаны выше. Местные жители оказали ему самый радушный прием: теперь им не на что было сердиться, хотя раньше они были готовы закидать его камнями, лишь бы отстоять то, что считали своими правами³³.

Этот рассказ я слышала от двух местных жителей в присутствии друга, который может подтвердить точность моего пересказа, а кроме того, он отчасти подтверждается следующим письмом от того йоркширского джентльмена, чьи слова я уже приводила.

Меня не удивили те сложности, с которыми Вы столкнулись в определении некогда происходившего здесь. Мне бывает трудно припомнить то, что я слышал собственными ушами, как и удостовериться в подлинности услышанного. Но как бы там ни было, история про осла, похоже, подлинная. Мистер Редхед и доктор Рэмсботам, его зять, – люди, мне хорошо знакомые, и к каждому из них я отношусь с симпатией.

Я побеседовал на днях с двумя хауортцами, жившими здесь в те времена, о которых Вы рассказываете. Это сын и дочь бывшего попечителя, им обоим сейчас уже за шестьдесят. Они заверили меня, что действительно осел был введен в церковь. Один из моих собеседников утверждает, что верхом на осле сидел полусумасшедший: он сидел задом наперед, а на голове у него было надето несколько шляп, одна на другую. Надо признать, что ни один из моих свидетелей сам при этом не присутствовал. Насколько я могу судить, во время воскресной службы ничего особенного не происходило вплоть до самого конца, и полагаю, что не следует считать причиной случившегося неприязнь жителей деревни именно к мистеру Редхеду. Это был чрезвычайно дружелюбный и достойный человек, с которым меня лично связывают многочисленные связи и обязанности. Только в Вашей книге я впервые прочел, что трубочист поднялся по ступеням кафедры. Надо признать, однако, что он действительно находился в церкви и был одет в соответствии со своей профессией. <...> Надо добавить, что в то воскресенье, когда произошли эти прискорбные события, в церкви присутствовало множество прихожан, не являвшихся местными жителями. Они пришли из «твердынь», расположенных на пустошах в самых отдаленных уголках прихода, – «из-за гор», как у нас говорится; такие люди

по своему развитию отстоят гораздо дальше от современной цивилизации, чем хауортцы.

Приведу несколько примеров неотесанности таких прихожан.

Однажды холодным зимним днем хауортский курьер принес посылку в контору моего приятеля и при этом не закрыл за собой дверь. «Робин! Закрой дверь!» – приказал ему хозяин. Тот никак не отозвался. «Эй! У вас в деревне есть двери?» – спросил мой друг. «Та есть, – ответил Робин, – только мы их никогда не прикрываем». И действительно, мне часто приходилось замечать настежь распахнутые двери даже зимой.

Если уметь управляться с местными жителями, то их вольный нрав и неукротимая энергия не причинят вам вреда, но в противном случае вам может грозить опасность. Никогда не забуду яростной ругани, услышанной от одного из них, страдавшего белой горячкой. Его лицо, выражавшее и гнев, и презрение, и испуг, казалось какой-то дьявольской маской.

Однажды я зашел к одному весьма уважаемому йомену, и он принялся уговаривать меня – со всем деревенским простодушием – воспользоваться его гостеприимством. Я согласился. Он говорил: «Да-да, майстер, отдохните-ка, чайку попейте». Вскоре был накрыт обильный стол; все делалось быстро в мои молодые годы, когда я гулял по тамошним холмам. Нам прислуживала весьма почтенная женщина. Наполнив кружки, она обратилась ко мне с такими словами: «Ну а теперь, майстер, можете встать из-за стола». Я опешил, а хозяин пояснил: «Она хочет сказать: молитву прочтите, как гость». Поняв, в чем дело, я встал и прочел благодарственную молитву.

Как-то раз мне довелось беседовать с пожилой женщиной, которая так определила свои способности к красноречию: «Слава Господу, красноротой я никогда не была!» Особенно трудно бывает их понять, когда они пишут. Я видел письмо, в котором слово «извините» было написано так: «дзвиньте».

Однако есть и такие подробности хауортской жизни, которые смягчают общее впечатление грубости. Трудно найти деревню, где у местных жителей были бы так хорошо развиты музыкальные способности, – в то время как во всех других отношениях они далеко отстают от современных требований. Когда я приехал в Хауорт, меня встречал целый оркестр с хором, и этим людям были хорошо знакомы лучшие произведения Генделя, Гайдна, Моцарта, Марчелло и т. д. По своему репертуару, вкусу, вокальным данным они значительно отличались от обычных деревенских хоров, и их наперебой приглашали на большие праздники для исполнения как сольных, так и хоровых песен. В деревне до сих пор живет человек, певший в этом хоре на протяжении пятидесяти лет. Он обладал одним из лучших теноров, какие мне приходилось слышать, и в то же время он отличался тонким вкусом, присущим только образованным людям. Много раз ему и его товарищам предлагали уехать в город, но никто из них не пожелал оставить свежий воздух и просторы родных гор. Я с умилением вспоминаю их концерты, а ведь самому раннему из этих воспоминаний уже шестьдесят лет. У жителей здешних мест сильны и привязанности, и антипатии, и традиции гостеприимства – они все делают пылко и просто, от всего сердца. Именно сердечность я бы выделил как самую характерную их черту. Эти горцы, сколько я их помню, всегда отличались благородством и правдивостью, но только попробуйте заронить в них малейшее подозрение, что вы хотели

их обидеть, и вам не поздоровится. Любое принуждение вызывает у них протест.

Мне довелось сопровождать мистера Хипа в его первом пастырском визите в Хаурт после назначения бредфордским викарием. Это было на Пасху, то ли в 1816-м, то ли в 1817 году. Его предшественник, преподобный Джон Кросс, известный как «слепой викарий», относился к своим обязанностям нерадиво. Духовные власти решили провести дознание, и нам пришлось услышать немало сильных и крепких слов от опрашиваемых прихожан. Со стороны эта грубость могла показаться забавной, однако по ней нетрудно было предвидеть то, что потом и произошло: по прибытии нового священника прихожане отнеслись к нему как к незваному гостю.

Прихожане ревностно и упорно отстаивали свои собственные интересы и решительно воспротивились новому налогу на содержание церкви. Хотя главная церковь прихода была в десяти милях от деревни, их обязали выплачивать немалую часть ее содержания – по-моему, одну пятаю. Кроме этого, они должны были заботиться о собственной церковке и т. д. и т. п. В результате жители энергично выступили против того, что посчитали насилием и несправедливостью.

Они спустились со своих холмов и посетили собрание прихожан в Бредфорде, не преминув показать там, что *suaviter in modo* свойственно им куда меньше, чем *fortiter in re*³⁴. К счастью, в дальнейшем поводы для подобных действий больше не возникали в течение многих лет.

В этих местах было принято использовать отчества. Попробуйте найти человека, не назвав его по отчеству, и местные жители вам, скорее всего, не помогут. Но спросите «Джорджа Недовича», «Дика Бобовича» или «Тома Джековича», и человек отыщется. Часто к этому прибавляется еще и место жительства. Помню, в юности мне пришлось разыскивать Джонатана Уитекера, владельца немаленькой фермы в деревне. Меня отсылали от одного дома к другому, пока я не догадался спросить про «Джонатана, который у ворот», и все трудности исчезли. Подобные странности происходят от прикрепленности к одному месту и отсутствию контактов с другими людьми.

Если жених и невеста на хауртской свадьбе происходят из зажиточных семейств, то гости нескоро забудут это событие. Со всей округи собирают лошадей, и веселая кавалькада всадников и всадниц, одиночных и двойных упряжек направляется к бредфордской церкви. Происходит постоянное перемещение публики от церкви к трактиру, и, поскольку интересы трезвости не всегда соблюдаются, находится занятие и членам Общества трезвости. Собравшиеся взгромождаются на лошадей, чтобы устроить скачки, и зачастую нетрезвые всадники или всадницы не достигают финиша, тем более что такие соревнования, завершающие свадьбу, часто проходят на дистанции от моста до хауртского шлагбаума на большой дороге, то есть на пути совсем непологом.

Вот в эту-то среду не знающих закона, хотя и не лишенных добродушия людей в феврале 1820 года мистер Бронте привез свою жену и шестерых маленьких детей. До сих пор живы те, кто помнит семь тяжело нагруженных повозок, с трудом поднимавшихся по плитам длинной улицы. Повозки везли имущество «нового пастора», которое предстояло разместить в его жилище.

Можно только догадываться, какое впечатление незавидный вид пастората – низкого продолговатого каменного дома, стоящего высоко на вершине, но все равно ниже бескрайних вересковых пустошей, – оказал на нежную душу супруги мистера Бронте, чье здоровье уже тогда начинало угасать.

Глава 3

Преподобный Патрик Бронте – уроженец графства Даун в Ирландии. Его отец Хью Бронте осиротел в очень раннем возрасте. Он перебрался с юга острова на север и поселился в приходе Ахадерг, вблизи Лоуфбрикленда. Хотя Хью и был человеком очень скромного достатка, он принадлежал к семейству, имевшему давние традиции. Рано женившись, он сумел вырастить и воспитать десятерых детей на доходы от крошечного клочка земли, который возделывал своими руками. Все его потомство отличалось завидной физической силой и редкой красотой. Даже сейчас, в старости, мистер Бронте прекрасно выглядит: это человек выше среднего роста, у него благородное лицо и прямая осанка. В юные годы он, вероятно, был удивительно красив.

Он родился в День святого Патрика (17 марта) 1777 года и очень рано проявил необыкновенную самостоятельность и редкую сообразительность. Кроме того, молодой человек был весьма амбициозен. О его рассудительности и предусмотрительности свидетельствует то, что уже в возрасте шестнадцати лет, понимая, что отец не сможет поддерживать его финансово, Патрик открыл собственную общедоступную школу и в течение пяти или шести лет продолжал ею заниматься. Затем он стал домашним учителем в семействе преподобного мистера Тая, настоятеля драмгулендского прихода. После этого поступил в Сент-Джон-колледж в Кембридже – это произошло в июле 1802 года, когда Патрику исполнилось уже двадцать пять лет от роду. После четырех лет учебы он получил степень бакалавра, был посвящен в духовный сан и направлен в приход в Эссексе, откуда впоследствии переехал в Йоркшир. Тот жизненный путь, который описывает это краткое перечисление событий, мистер Бронте, отличающийся сильным и незаурядным характером, прошел с присущей ему решительностью и независимостью. Подумайте, что этот мальчик, шестнадцатилетний юнец, решил уйти из семьи и добывать средства к существованию самостоятельно, причем не сельским хозяйством, как было принято в семье, а собственным умом.

Я слышала, что мистера Тая чрезвычайно заинтересовал учитель его детей и потому он решил не только помочь юноше выбрать область занятий, но дал совет получить образование в английском университете и подсказал, каким образом в него поступить. Сейчас в речи мистера Бронте нет и следа ирландского акцента; кельтское происхождение не заметно и в его внешности – прямом греческом носе и вытянутом овале лица. Однако можно себе представить, какую силу воли и презрение к насмешкам должен был проявить ирландец, никогда не выезжавший за пределы родных мест, чтобы в возрасте двадцати пяти лет постучаться в ворота Сент-Джон-колледжа.

Еще будучи студентом Кембриджа, он вступил в ополчение, которое в то время собирали по всей стране для того, чтобы противостоять ожидавшемуся французскому вторжению³⁵. Позднее в нашем с ним разговоре мистер Бронте упоминал лорда Пальмерстона³⁶ как человека, который был для него в те годы образцом воинского долга и на которого он хотел походить.

Итак, мы застаем его уже приходским священником в Хартсхеде, в Йоркшире, – весьма далеко от родных мест и ирландских знакомых. Я полагаю, что мистер Бронте не слишком старался поддерживать с ними связи и, насколько мне известно, начиная с кембриджских времен ни разу не навестил родные места.

Хартсхед – маленькая деревушка, расположенная восточнее Хаддерсфилда и Галифакса. Она находится на холме, окруженном округлой чашей других холмов, и потому из нее открывается весьма величественный вид. Мистер Бронте прожил там пять лет и именно там, в Хартсхеде, женился на Марии Брэнвелл.

Она была третьей дочерью купца Томаса Брэнвелла из Пензанса. Девичья фамилия ее матери была Карн. Как с отцовской, так и с материнской стороны семейство Брэнвелл было достаточно почтенного происхождения и принадлежало к лучшему обществу тогдашнего Пензанса. Мистеру и миссис Брэнвелл и их детям – четырем дочерям и одному сыну – довелось жить в том старомодном мире, который так хорошо изобразил доктор Дэви в жизнеописании своего брата³⁷.

В этом городе, насчитывавшем тогда около двух тысяч жителей, имелся всего один ковер (полы в комнатах посыпали морским песком) и не было ни одной серебряной вилки.

В те времена наши колониальные владения были еще совсем невелики, армия и флот – немногочисленны, и потому в отсутствие большого запроса на умственный труд младшим отпрыскам благородных семейств часто приходилось заниматься торговлей или ремеслами, и в этом не видели никакого унижения для их дворянского достоинства. Если родители не хотели, чтобы старший сын стал сквайром-бездельником, они посылали его в Оксфорд или Кембридж, чтобы он приобрел там знания и навыки, необходимые для занятий одной из трех свободных наук – богословием, юриспруденцией или физикой. Второй сын мог поступить в ученики к врачу, аптекарю или стряпчему. Третьего отправляли учиться у жестянщика или часовщика, четвертого – к упаковщику или торговцу тканями, и так далее, – всем, до последнего, хватало занятий.

После того как молодой человек заканчивал учение, он почти всегда направлялся в Лондон, чтобы усовершенствоваться в своем ремесле или искусстве. А по возвращении в деревню брался за работу и при этом отнюдь не был исключен из того, что мы теперь назвали бы светским обществом. Визиты тогда совершались совсем не так, как в наше время. Гостей на обед не приглашали, разве что во время крупных праздников. Рождество, правда, и тогда было временем веселья и потворства своим желаниям, в это время дозволялись определенные развлечения, но они состояли в основном из званых чаепитий и ужинов. В другое время визиты ограничивались приглашениями на чаепития, которые начинались в три часа и продолжались до девяти вечера, и главным развлечением на них были карточные игры, такие как «Папесса Иоанна» или «Коммерция». Простолюдины были в то время весьма малообразованны, однако и представители высших классов отличались суеверностью: сохранялась даже вера в ведьм, и нельзя было найти человека, который совсем не верил бы в духов и монстров. Едва ли нашелся бы хоть один приход в Маунтс-Бей, где не было бы дома с привидениями и нельзя было бы указать на карте место, не связанное с чем-нибудь ужасным и сверхъестественным. С детства я помню дом на лучшей улице Пензанса, стоявший пустым, потому что в нем, по общему мнению, водились привидения. Проходя мимо него вечером, молодые люди ускоряли шаг и чувствовали сердцебиение. Средний класс и высшее общество не уделяли внимания ни литературе, ни тем более науке, и их интересы редко можно было назвать умственными и благородными. Охота, борьба, петушинные бои, после которых все собирались на пирушке, – вот занятия, приносящие здесь наибольшее удовольствие. Многие зарабатывали контрабандой, и это естественным образом способствовало распространению пьянства и нечестия. Контрабанда служила для отчаянных авантюристов средством

приобрести состояние, а пьянство и разгул, случалось, разрушали самые уважаемые семейства.

Я привела эти отрывки из сочинения доктора Дэви, поскольку, как мне кажется, они имеют некоторое отношение к жизни мисс Бронте, разум и воображение которой получили свои первые впечатления либо от слуг (в патриархальном доме слуги, как правило, считались равными хозяевами и вели себя соответственно), привносивших в дом деревенские обычаи и новости, либо от мистера Бронте, чье общение с детьми было, насколько я знаю, весьма ограниченным, либо от тетушки, мисс Брэнвелл, которая приехала в пасторский дом, чтобы взять на себя заботу о детях умершей сестры, когда Шарлотте исполнилось шесть или семь лет от роду. Тетушка была старше миссис Бронте и долго жила в том самом обществе жителей Пензанса, которое описывает доктор Дэви. Однако в семействе Брэнвелл не было в чести ни насилия, ни беззакония. Они принадлежали к методистской церкви и, как утверждают их знакомые, были искренне верующими людьми, отличавшимися чистотой и тонкостью чувств. Мистер Брэнвелл, отец семейства, по рассказам его потомков, обладал музыкальным талантом. И он, и его жена дожили до того времени, когда их дети стали взрослыми. Супруги умерли с разницей в один год: он в 1808-м, а она – в 1809 году, когда их дочери Марии было около двадцати пяти лет.

Мне разрешили прочесть девять ее писем, адресованных мистеру Бронте и относящихся к тому короткому промежутку времени в 1812 году, когда они были помолвлены. Эти послания полны самых нежных и изящных выражений и отличаются девичьей скромностью. В них сквозит та глубокая набожность, о которой я уже упоминала как о семейной черте Брэнвеллов. Позволю себе привести небольшие отрывки из них, чтобы показать, какой была мать Шарлотты Бронте. Однако, прежде чем это сделать, надо рассказать об обстоятельствах, при которых эта корнуольская леди встретила школяра из прихода Ахадерг, близ Лоуфбрикленда. В начале лета 1812 года, незадолго до своего 29-летия, она поехала навестить дядю, преподобного Джона Феннела, священника англиканской церкви, жившего вблизи Лидса. Надо заметить, что, прежде чем стать англиканином, он был методистским пастором. Мистер Бронте уже служил настоятелем в Хартсхеде и имел среди соседей репутацию весьма красивого молодого человека, обладавшего к тому же присущей ирландцам способностью легко влюбляться. Мисс Брэнвелл была очень маленького роста и не отличалась яркой красотой. Однако она была весьма элегантна и одевалась всегда с простотой и вкусом, которые шли к ее характеру, – этими качествами ее дочь наделяла своих любимых героинь. Мистер Бронте вскоре оказался покорен нежным хрупким созданием и объявил, что сохранит свое чувство на всю жизнь. В первом письме к нему, датированном 26 августа, мисс Брэнвелл словно бы удивляется тому обстоятельству, что она обручена, и напоминает, сколь коротким было их знакомство. Чувства ее напоминают переживания Джульетты:

Но верь мне, друг, – и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет³⁸.

Они строят планы поездки на пикник в Киркстольское аббатство в прекрасные сентябрьские деньки, когда «дядя, тетушка и кузина Джейн» – последняя была помолвлена с мистером Морганом, еще одним священником, – смогли бы принять участие в прогулке. Всех их, кроме мистера Бронте, сейчас уже нет в живых. Против будущего брака не возражал никто из близких мисс Брэнвелл. Мистер и миссис Феннел благословили его, и братья и сестры невесты в далеком Пензансе также полностью его одобрили. В письме, датированном 18 сентября, Мария пишет:

В течение нескольких лет я была полновластной хозяйкой самой себе, мною никто не командовал. Более того, мои сестры, которые гораздо старше меня, и даже моя дорогая матушка обычно советовались со мной по каждому важному поводу и никогда не выражали сомнений в уместности моих мнений и поступков. Возможно, Вы обвините меня в суетности за то, что я пишу об этом, но Вы должны принять во внимание, что я совсем не хвастаю. Много раз я находила это неудобным. И хотя, слава Богу, я не впала в греховное заблуждение, однако мне приходилось многократно сожалеть, что в трудных обстоятельствах у меня нет наставника и учителя.

В том же письме она рассказывает мистеру Бронте, что объявила сестрам о помолвке и что ей не следует в ближайшее время снова встречаться с ними, как она планировала раньше. Мистер Феннел, ее дядя, также написал им с той же почтой и с похвалой отозвался о мистере Бронте.

Поездка из Пензанса в Лидс в те дни была долгой и весьма дорогостоящей, а влюбленные не располагали лишними деньгами на путешествия, которых можно было избежать. Поскольку родителей мисс Брэнвелл уже не было в живых, молодые договорились о том, что свадьба состоится в доме дядюшки невесты. Долго откладывать помолвку не имело смысла. Они уже давно вышли из юного возраста и имели достаточно средств для удовлетворения своих скромных нужд. Приход в Хартсхеде приносил 202 фунта в год, а мисс Брэнвелл отец оставил наследство, дававшее небольшую ренту (50 фунтов, насколько мне известно). В конце сентября жених с невестой начали обсуждать покупку собственного дома: мистер Бронте, надо полагать, довольствовался до того времени съемным жильем. Дело гладко и беспрепятственно шло к свадьбе, которая должна была состояться зимой, как вдруг в ноябре случилось несчастье, о чем Мария пишет с присущим ей смирением.

Полагаю, Вы не рассчитывали разбогатеть, женившись на мне, но я с прискорбием должна сообщить, что стала еще беднее, чем раньше. Я писала Вам о том, что выслала свои книги, одежду и прочее. В субботу вечером, как раз тогда, когда Вы сидели за описанием своего воображаемого кораблекрушения, я прочитала письмо, где сообщалось о кораблекрушении настоящем. Сестра написала мне, что судно, на котором она отправила мой сундук, было выброшено на берег в Девоншире, вследствие чего сундук был разбит на части яростью стихии и все мои пожитки, если не считать нескольких вещей, поглотила бездна. Если только это не предисловие к чему-то гораздо худшему, о чем я и не думала, то надо признать, что это первое несчастье, случившееся со мной с тех пор, как я покинула родной дом.

Последнее из писем датировано 5 декабря. Мисс Брэнвелл и ее кузина собираются приняться за свадебный торт на следующей неделе, и это значит, что свадьба не за горами. Невеста выучила наизусть «очень милый маленький гимн», сочиненный самим мистером Бронте³⁹, и читает «Совет леди» лорда Литтлтона⁴⁰, причем уместные и верные суждения по поводу этой книги показывают, что она не только читает, но и думает о прочитанном. Затем Мария Брэнвелл исчезает из нашего поля зрения: ее живого слова мы больше не услышим. Мы узнаем о ней как о миссис Бронте – но уже смертельно больной, близкой к смерти. И в эти годы она остается терпеливой, неунывающей и набожной. Почерк ее писем весьма изящен. Те места, где она говорит о домашнем хозяйстве – о том же приготовлении свадебного торта, например, – содержат намеки на книги, которые она прочитала или читает, и показывают весьма развитый ум. Не имея такого редкого таланта, которым будет обладать ее дочь, миссис Бронте тем не менее была, как мне кажется, необычной женщиной, отличавшейся спокойствием и постоянством характера. Стиль ее писем легок и ясен, и то же можно сказать

о другом сохранившемся документе, написанном ее рукой и озаглавленном «Преимущества бедности в религиозном отношении». По-видимому, эта статья писалась гораздо позже и предназначалась для публикации в каком-то журнале.

Свадьба состоялась в йоркширском доме дядюшки 29 декабря 1812 года, в тот самый день, когда в далеком Пензансе выходила замуж ее сестра Шарлотта Брэнвелл. Вряд ли миссис Бронте когда-либо вновь посетила Корнуолл, но у корнуолльцев остались очень приятные воспоминания о «любимой тетушке», к которой «все семейство относилось как к особе талантливой и доброжелательной» и в то же время «кроткой, скромной, хотя и обладавшей весьма неординарными дарованиями, унаследованными ею от отца; притом благочестие ее было искренним и ненавязчивым».

В течение пяти лет мистер Бронте занимал место в Хартсхеде, принадлежащем к приходу Дьюсбери. Там он женился, там родились его старшие дети – Мария и Элизабет. По истечении пятилетнего срока он переехал в Торнтон, бредфордского прихода. Надо сказать, что некоторые из больших уэст-райдингских приходов по количеству населения и церквей не уступают епархиям. Однако торнтонская церковь – это небольшая епископальная часовня, находящаяся вдали от главной приходской церкви. В ней сохранилось много надгробных плит диссентеров, например Аксептида Листера и его друга доктора Холла⁴¹. Городок выглядит полузаброшенным, со множеством пустырей, он окружен каменными валами, за которыми виднеются Клейтонские высоты. Сама церковь кажется древней и одинокой, словно забытой среди больших каменных фабрик, принадлежащих конгрегационалистам; она теряется на фоне основательной квадратной церкви, находящейся в распоряжении той же конфессии. Это место не так приятно на вид, как Хартсхед, когда смотришь сверху на его испещренную солнечными пятнами, прорезавшимися сквозь облачное небо, долину и на холмы, длинной чередой уходящие к горизонту.

Здесь, в Торнтоне, 21 апреля 1816 года и родилась Шарлотта Бронте. Вслед за ней появились на свет Патрик Брэнвелл, Эмили Джейн и Энн. После рождения последней дочери миссис Бронте совсем занемогла. Очень трудно заботиться о множестве маленьких детей, когда твои силы на исходе. Обеспечиваешь их едой и одеждой, но уже не можешь дать им не менее необходимые внимание, заботу, утешение, развлечение и сочувствие. Старшей из шестерых детей, Марии, едва исполнилось шесть лет, когда мистер Бронте решил переехать в Хаурт. Это произошло 25 февраля 1820 года. Те, кто знал эту девочку тогда, описывают ее как серьезную, задумчивую и не по годам спокойную. В детстве Мария была лишена детства. Впрочем, редко бывает так, чтобы люди, обладающие большими талантами, оказывались счастливы в детские годы: в душе у них кипят страсти, и вместо того чтобы воспринимать окружающее объективно (как называют это немцы), они начинают размышлять и жить внутренней, субъективной жизнью.

Маленькая Мария Бронте была небольшого роста и деликатного сложения, что, по-видимому, сыграло не последнюю роль в ее столь раннем развитии. Она, по всей вероятности, много помогала матери по дому и нянчила младших детей, поскольку мистер Бронте, разумеется, постоянно занимался разными делами у себя в кабинете. Кроме того, по складу характера он не очень тяготел к детям и считал, что их частое появление подрывает силы его жены и делает жизнь в доме менее удобной.

Пасторат в Хаурте, как я уже писала, представляет собой длинный каменный дом, стоящий, как и вся деревня, на холме. Его крыльцо расположено как раз напротив западных дверей церкви, и расстояние между двумя постройками – не более ста ярдов. Двадцать из них занимает садик, едва ли превышающий шириной пасторское жилище. Кладбище окружает дом и сад со всех сторон, кроме одной. Дом двухэтажный, на каждом этаже по четыре комнаты. Когда в нем поселились Бронте, они расширили гостиную, находящуюся слева от входа, чтобы в ней могла собираться вся семья. Комната же справа от входа стала служить

кабинетом мистера Бронте. За этой комнатой находилась кухня, а за гостиной – кладовая, где пол выложен каменными плитами. Наверху располагались четыре спальни одинакового размера, а также маленькое помещение над лестницей, которое у нас на севере называют «лобби». Окно этой комнатки выходило на фасад, и лестница вела наверх, начинаясь прямо от входа. У каждого окна в доме были чудесные старомодные сиденья. Пасторат строили в то время, когда не было недостатка в дереве, – об этом можно догадаться, глядя на массивные балясины лестничных перил, на деревянные стенные панели и на крепкие оконные рамы.

Сверхштатная комнатка наверху была отдана детям. Несмотря на свои крошечные размеры, она не называлась детской. К числу ее достоинств относился камин. Две сестры-служанки – грубоватые, но весьма сердечные девицы, которые до сих пор не могут вспомнить своих хозяев без слез, – называли эту комнату «детский класс». Однако возраст самой старшей ученицы, занимавшейся в этом классе, не превышал в то время семи лет.

Нельзя сказать, что жители Хаурта были совсем бедны. Одни из них работали на соседних ткацких фабриках, другие сами держали маленькие мастерские или мануфактуры, у третьих были мелочные лавочки. Однако за медицинской помощью, канцелярскими принадлежностями, книгами, юридическим советом, одеждой, деликатесами – за всем этим приходилось ездить в Китли. В истории деревни было несколько воскресных школ, устроенных баптистами. За ними явились методисты – последователи Уэсли, а последней в Хаурте появилась англиканская церковь. Славный мистер Гримшоу, приятель Уэсли, построил скромную методистскую часовню, но она оказалась слишком близко к дороге, ведущей на вересковые пустоши. Баптисты тоже возвели свой молебельный дом, который выгодно отличался тем, что стоял подальше от большой дороги. Глядя на эти сооружения, методисты подумывали, что и им следует возвести церковь – побольше, повыше и еще дальше от дороги. Мистер Бронте всегда относился терпимо к любой конфессии, однако и он, и его семейство сторонились жителей деревни, придерживавшихся иной веры, чем они сами, и вступали с ними в общение только в случае какой-нибудь просьбы. «Они всегда были вместе», – вспоминают о мистере и миссис Бронте те, кто еще помнит их приезд. Я полагаю, что многим йоркширцам не нравился обычай, следуя которому священник наносил пасторские визиты в дома прихожан. Природная независимость заставляла их возмущаться самой мыслью о том, что некто имеет право по долгу службы расспрашивать, советовать или предостерегать их. В них был еще жив тот вольный дух, который отразился в стихотворении, написанном на скамье в южной стене алтарной части церкви Уэллийского аббатства, расположенного в нескольких милях от Хаурта:

Кто жить другим спокойно не дает,
Пусть лучше дома гуся подкует.

Я спросила одного человека, жившего неподалеку от Хаурта, что за человек священник той церкви, которую он посещает. «На редкость славный малый, – ответил тот. – Он занимается только своими делами и никогда не беспокоит себя нашими».

Мистер Бронте исправно посещал больных, всегда откликнулся на зов, навещал школы. Так же поступала и его дочь Шарлотта. Однако, весьма высоко ценя собственную независимость, они бывали, пожалуй, чересчур деликатны в тех случаях, когда следовало вмешаться в чужую жизнь.

С самого начала своего пребывания в Хаурте члены семейства Бронте предпочитали выбирать для прогулок те тропинки, которые вели на вересковые пустоши, начинавшиеся на холмах выше пасторского дома, а не те, которые вели вниз, к деревенской улице. Добрая старушка, заботившаяся о миссис Бронте, когда та всего через несколько месяцев после приезда сюда уже угасала от рака, рассказывала мне, что в то время шесть крошек, бывало,

выходили погулять, держась за руки, и направлялись прямо к знаменитым пустошам, которые страстно полюбили, причем старшие трогательно заботились о самых маленьких.

Все они были не по годам серьезны и молчаливы. Возможно, их угнетала страшная болезнь, поселившаяся в доме. В то время, о котором рассказывала моя собеседница, миссис Бронте была уже прикована к постели и все время оставалась в спальне, откуда ей уже не суждено было выйти. «Вы и не догадались бы, что в доме есть дети, – такие они все были тихие, такие бесшумные крошки. Мария, бывало, запрется в детской – а ей ведь было только семь лет! – и молча сидит с газетой, а потом, как выйдет, все-то расскажет – и про споры в парламенте, и я уж не знаю про что еще. А к братикам и сестренкам она относилась совсем как родная мать. Нет, нигде вы таких чудесных детей не сыщете! Мне прямо казалось, что в них жизни нет, так не похожи они были на других детей, которых я когда-либо видела. Это, я думаю, все оттого, что мистеру Бронте пришла фантазия запретить им есть мясо. Не от бедности – в доме-то всего хватало, даже тратили зря, без хозяйки-то и при молодых служанках, – а ради спасения души. Он, мистер Бронте, считал, что детей надо воспитывать в простоте и не давать потачки. Вот они и ели одну картошку на ужин⁴². Но ни разу я не слышала, чтобы они пожелали что-нибудь еще. Нет, они были очень славные детки. А Эмили была самая хорошенькая».

Миссис Бронте оставалась такой же, как и раньше, – терпеливой и приветливой, несмотря на страшные боли. Она редко позволяла себе жаловаться. Когда ей становилось полегче, она просила сиделку приподнять ее на кровати, чтобы посмотреть, как та чистит каминную решетку: «потому что та делала это так, как принято в Корнуолле». Она продолжала нежно любить своего мужа, который отвечал ей полной взаимностью, и никогда не заставляла никого сидеть с собой по ночам. Как рассказывает моя собеседница, миссис Бронте нечасто звала к себе детей. По-видимому, она думала о том, что скоро они останутся сиротами, и потому любая встреча с ними слишком волновала ее. Бедным крошкам приходилось теснее жаться друг к другу: их отец всегда был занят чем-то у себя в кабинете или в церкви либо сидел с их матерью, и они даже за обедом были предоставлены самим себе. Они читали вслух тихим шепотом у себя в детской или, взявшись за руки, бродили по окрестным холмам.

Педагогические идеи Руссо и мистера Дэя⁴³ к тому времени получили широкое распространение и проникли в различные слои общества. Как мне кажется, именно у этих теоретиков мистер Бронте почерпнул некоторые идеи по части воспитания детей. Однако его педагогика вовсе не кажется дикой по сравнению с той, которую довелось испытать на себе моей тетушке, – ее воспитывал один из последователей мистера Дэя. Примерно за четверть века до того времени, о котором здесь рассказывается, этот джентльмен и его супруга удочерили мою тетушку, и она выросла у них в доме. Люди они были зажиточные и добросердечные, но принципы спартанского воспитания заставляли их держать свою воспитанницу в черном теле. Девочка здоровая и веселая, она не слишком расстраивалась из-за ограничений в еде и платьях, однако было одно правило, установленное приемными родителями, которое причиняло ей боль. У семейства была карета, и в ней девочку и любимую собачку вывозили подышать свежим воздухом, однако в разные дни. То из двух живых существ, которому в определенный день было суждено оставаться дома, заворачивали в одеяло – именно этой операции моя тетушка особенно боялась. Ее боязнь, по всей видимости, и послужила причиной того, что взрослые так на этом настаивали. Прежде они обряжались привидениями, чтобы отучить девочку бояться. Теперь привидения ее уже не пугали, и потому для дальнейшего укрепления ее нервов настало время упражнения с одеялом. Хорошо известно, что мистер Дэй отказался от своего намерения жениться на Сабрине – девушке, которую он специально для этого образовывал, – потому что за несколько дней до свадьбы уличил ее во флиртности: она отправилась в гости, надев платье с тонкими рукавами. И мистер Дэй,

и приемные родители моей тетушки были людьми весьма благонамеренными, но слишком убежденными в том, что с помощью подобной системы можно образовать дерзкое и простодушное дитя природы, и не принимали во внимание того, что воспитанные таким образом чувства и привычки приведут в будущем к ужасному одиночеству, когда их воспитаннику придется жить среди всех пороков и удовольствий цивилизованного общества.

Мистер Бронте хотел закалить характеры своих детей и сделать их равнодушными к удовольствиям, которые люди получают от еды и одежды. В последнем он преуспел, по крайней мере по отношению к своим дочерям, однако цели он добивался слишком уж беспощадно. Сиделка миссис Бронте рассказала мне, как однажды, когда дети отправились на прогулку по пустошам, пошел дождь и она, опасаясь, что они наверняка промочат ноги, вытащила расписные ботиночки, подаренные родственником и другом дома мистером Морганом, мужем кухни Джейн. Сиделка расставила эту обувь вокруг очага в кухне, чтобы прогреть ее к приходу детей. Однако, когда дети вернулись в дом, ботинок на кухне не оказалось: от них остался только запах горелой кожи. Как выяснилось, мистер Бронте обнаружил эти красивые ботиночки и решил, что они могут пробудить в его детях суетную страсть к роскоши, а потому и побросал их в огонь. Он не щадил ничего, что нарушало любимую им спартанскую простоту. Незадолго до этого случая кто-то подарил миссис Бронте шелковый халат. Не знаю, что именно – покрой, цвет или материал – не соответствовало представлениям мистера Бронте о должном, но только его супруга ни разу не надела этот халат. Однако она хранила его в своем серванте, обычно закрытом на замок. Однажды, будучи в кухне, она вспомнила, что оставила ключ в замке, и, заслышав наверху шаги мистера Бронте, предсказала злую долю своему халату. Так и случилось: когда она прибежала наверх, то нашла от него только клочки.

Проявления сильного и страстного ирландского характера мистера Бронте обычно ограничивались непоколебимым стоицизмом, но все же иногда выражались в действиях, несмотря на всю его философскую сдержанность и чувство собственного достоинства. Если мистер Бронте был чем-то раздражен или разгневан, то ничего не говорил, но давал выход своей ярости, принимаясь палить из пистолетов на заднем дворе. Миссис Бронте, лежа в постели наверху, слышала эти быстрые и короткие хлопки и по ним узнавала, что сегодня что-то случилось. Однако ее мягкий характер всегда заставлял ее думать о лучшем, и поэтому она говорила: «Но разве не должна я быть благодарна за то, что он ни разу в жизни не сказал мне гневного слова?» В других случаях гнев супруга находил себе иные способы выражения, но всякий раз не словесные. Как-то раз мистер Бронте взял коврик, лежавший перед камином, повесил его на каминную решетку, и тот загорелся. По комнате распространилось ужасное зловоние, но мистер Бронте был в комнате и смотрел, как тлеет коврик, пока тот не сморщился окончательно. В другой раз он схватил несколько стульев, отнес их на задний двор и пилил их там до тех пор, пока они не превратились в табуретки⁴⁴.

Он очень любил прогулки и мог бродить по вересковым пустошам по многу часов, примечая при этом особенности погоды и направление ветра, тщательно рассматривая все произведения живой природы, которые попадались ему на склонах холмов. Он наблюдал за орлами, летавшими низко над землей в поисках пищи для своих птенцов (в наши дни орлов в этих местах уже не увидишь). В политике он был бескомпромиссен и бесстрашно принимал ту сторону, которую считал правой. В дни восстания луддитов⁴⁵ он стоял за жесткое вмешательство закона – и это в то время, когда ни один судья не решался к нему прибегнуть, – и над всеми землевладельцами Уэст-Райдинга нависла страшная опасность. Фабричные рабочие невзлюбили мистера Бронте, и он решил, что длинные одинокие прогулки становятся небезопасны, если не брать с собой оружие. Поэтому мистер Бронте взял за правило (которого он придерживается и до сего дня) всегда иметь при себе заряженный пистолет. Это оружие он клал на свой туалетный столик рядом с карманными часами, вместе с ними забирал писто-

лет утром и вместе с ними клал обратно перед сном. Много лет спустя, когда он уже жил в Хаурте, в окрестностях началась забастовка: рабочие сочли себя обиженными хозяевами и отказались выходить на работу. Мистер Бронте решил, что с рабочими обошлись несправедливо, и стал всеми доступными ему средствами помогать им «отгонять волка от дверей» и учил, как избавиться от бремени долга. Наиболее влиятельными жителями Хаурта являлись владельцы фабрик. Они были очень сильно настроены против священника, но мистер Бронте считал себя правым и продолжал настаивать на своем. Высказывания его часто казались дикими, принципы – странными и эксцентричными, взгляды на жизнь – пристрастными и почти мизантропическими. Но ничто в мире не смогло бы заставить его изменить свое мнение. Он поступал так, как считал должным. И если его отношение к человечеству в целом было не лишено мизантропии, то его обращение с отдельными людьми, являвшимися к нему с просьбами, вступало с этим в явное противоречие. Несомненно, он имел серьезные предрассудки, держался за них с необыкновенным упорством и, возможно, был недостаточно чувствителен, чтобы понять: жизнь, которую он ведет, делает несчастными окружающих. Я не пытаюсь смягчить черты его характера, а только рассказываю о них, желая привести их к единому и ясному целому. Семейство, о котором идет речь, простирает свои корни глубже, чем я могу проникнуть. Я не в силах измерить, а тем более судить о них. Странности отца упомянуты тут только потому, что они бесполезны для понимания характера и жизни его дочери.

Миссис Бронте умерла в сентябре 1821 года, и жизнь ее тихих детей, должно быть, стала еще более тихой и одинокой. Шарлотта впоследствии очень старалась припомнить свою мать, и ей удалось вызвать в памяти несколько образов. Первый из них – мать играет при вечернем освещении со своим маленьким сыном Патриком Брэнвеллом в гостиной хауртского пастората. Увы, воспоминания четырех– или пятилетнего ребенка не могут не быть отрывочными.

Мистер Бронте страдал расстройством желудка и потому был вынужден соблюдать строгую диету. Чтобы избежать соблазнов или же по медицинским соображениям, он еще до смерти жены начал обедать в одиночку и сохранил эту привычку на всю жизнь. Компания ему не требовалась, и он ее не искал ни во время прогулок, ни в повседневной жизни. Спокойная размеренность его распорядка дня нарушалась только появлением церковных старост или посетителей, приходивших по церковным делам. Иногда навевались и соседи – священники из ближних приходов. Путь их – по горам через вересковые пустоши и потом на Хауртский холм – был столь долог, что, дойдя до цели, они обычно решали провести здесь целый вечер. Надо заметить, жены священников никогда не сопровождали своих мужей в их визитах к мистеру Бронте, возможно, оттого, что миссис Бронте умерла вскоре после того, как ее муж получил здесь должность, а возможно, из-за дальних расстояний и малопривлекательной местности, которую надо было пересечь. Поэтому дочери хауртского пастора росли совершенно одни, лишенные того общества, которое соответствовало бы их возрасту, полу и положению. Было всего лишь одно семейство, неподалеку от Хаурта, члены которого проявили необыкновенное внимание и доброту к миссис Бронте во время ее болезни и продолжали оказывать внимание ее детям, иногда приглашая их на чай. Один случай, связанный с этим семейством, после чего общение прекратилось, произвел на Шарлотту очень сильное впечатление в раннем детстве. Этот случай может служить образчиком тех диких слухов, которые так легко распространяются в одиноко стоящих деревнях. Я не ручаюсь за точность деталей, и еще менее могла бы поручиться за них Шарлотта, поскольку событие относится к тем временам, когда она была слишком мала, чтобы понимать его значение. К тому же вся история, надо полагать, рассказывалась шепотом, с теми дополнениями и преувеличениями, которые свойственны людям необразованным. Упомянутое выше семейство принадлежало к диссентерской церкви и ревностно следовало этой вере. Глава семьи владел шер-

стяной мануфактурой и был сравнительно богат. В любом случае тот образ жизни, который он вел, казался «роскошным» простодушным детям Бронте, научившимся различать богатство и бедность в скромной и экономной обстановке пасторского дома. У соседского семейства была теплица, единственная во всей округе, – громоздкое сооружение, построенное из дерева и стекла. Теплица располагалась в саду, который отделялся от дома большой дорогой, ведущей в Хаурт. Семейство было большое, и одна из старших дочерей вышла замуж за богатого фабриканта, жившего «за Китли». Ей вскоре предстояло сделаться матерью, и она попросила любимую младшую сестру приехать к ней в гости и побыть с ней до тех пор, пока не появится малыш. Предложение было принято, и молоденькая девушка пятнадцати или шестнадцати лет отправилась к сестре. Домой она вернулась совершенно больная и павшая духом – так подействовали на нее несколько недель, проведенные в доме зятя. Домашние приступили к ней с расспросами, и выяснилось, что она была соблазнена богатым мужем своей сестры. Последствия этого греха не замедлили сказаться. Отец семейства, вне себя от гнева, запер дочь в ее комнате до той поры, пока он не решит, как следует поступить. Старшие сестры глумились над бедняжкой и проклинали ее. Только мать, которая была не столь сурова, как остальные, сжалилась над своей дочерью. Проходившие по большой хауртской дороге по вечерам видели, как мать с дочерью, плача, прогуливаются в саду уже после того, как все в доме легли спать. Более того, ходили слухи, и их мне пересказывала мисс Бронте, что мать с дочерью продолжают гулять и плакать в этом саду, хотя обе уже давно покоятся в могилах. Ходили и еще более дикие слухи, будто бы жестокий отец, сошедший с ума от бесчестья, свалившегося на его благонравное и религиозное семейство, предложил значительную сумму денег всякому, кто согласится жениться на его несчастной падшей дочери. Такой жених нашелся, он увез ее из Хаурта и довел жестоким обращением до того, что она умерла в совсем юном возрасте.

Столь глубокое чувство обиды кажется весьма естественным в человеке, отличающемся гордой суровостью и придерживающемся строгих принципов религиозной морали. Однако в конечном счете все семейство выродилось. Оставшиеся его члены, в том числе и старшие дочери, продолжали посещать дом своего богатого зятя, словно его прегрешение не превышало во много раз заблуждение несчастной юной девушки, в котором она столь горько раскаивалась. Деревенские жители до сих пор считают, что над потомками этого рода тяготеет проклятие: либо у них плохо идут дела, либо они страдают от болезней.

Таков был единственный дом, который дети Бронте посещали, да и эти визиты очень скоро закончились.

Однако дети и не нуждались в постороннем обществе. Они не были привычны к ребяческим играм и веселью. Едва ли найдется в мире семья, члены которой были бы столь нежно привязаны друг к другу. Мария читала газеты и сообщала почерпнутые из них сведения младшим сестрам, а те слушали с неослабевающим интересом. Я подозреваю, что у них вовсе не было «детских книг» и что они жадно «паслись, никем не потревоженные, на широком пастбище английской литературы», – как выразился Чарльз Лэм⁴⁶. Слуг в доме не раз поражала необыкновенная сообразительность маленьких Бронте. Сам мистер Бронте в письме ко мне, посвященном этому вопросу, пишет так: «Служанки часто говорили, что никогда не видывали столь умного ребенка (как Шарлотта) и что им приходится в ее присутствии всегда быть настороже, следя за тем, что они делают и говорят. Однако при этом они всегда ладили с Шарлоттой».

Эти служанки живы до сих пор: сейчас это старушки, живущие в Бредфорде. Они сохранили благодарные и глубокие воспоминания о Шарлотте и с неизменной теплотой говорят о тех временах, «когда она была еще совсем крошкой». Вспоминают, что она никак не могла успокоиться, пока не добилась того, чтобы старую, уже неиспользуемую колыбельку отдали из пасторского дома в дом родителей одной из служанок, где она могла приго-

даться ее новорожденной сестренке. Рассказывают о множестве добрых дел, которые Шарлотта совершала начиная с ранних лет и до последних дней жизни. Одна из служанок, хотя и оставила место в пасторском доме много лет назад, ездила из Бредфорда в Хаурт, чтобы навестить мистера Бронте и выразить ему свои искренние соболезнования после кончины последней дочери. Возможно, далеко не многие любили семейство Бронте, но эти немногие любили их глубоко и долго.

Вернемся, однако, к письму мистера Бронте. Вот что он пишет.

Когда дети были еще совсем маленькими и только что научились читать и писать, Шарлотта с братом и сестрами разыгрывала пьески собственного сочинения, в которых главным героем-завоевателем выступал герцог Веллингтон – герой Шарлотты. Частенько среди них возникал спор о сравнительных достоинствах герцога, Буонапарте, Ганнибала и Цезаря. Когда страсти накалялись донельзя, то мне (их мать к тому времени уже умерла) приходилось выступать в качестве арбитра и по мере сил успокаивать их. Я частенько задумывался среди этих забот о том, что в них можно приметить искры таланта, который мне никогда не доводилось видеть в детях их возраста... В этой связи мне на память приходит один случай, о котором стоит рассказать. Когда дети были еще очень малы – насколько я могу припомнить, старшей было лет десять, а младшей около четырех, – я подумал, что они знают гораздо больше, чем я подозреваю, однако стесняются говорить. Я стал думать, как сделать их менее застенчивыми, и решил, что этого можно добиться, если дать им возможность скрыть лица. Оказалось, в доме хранится одна маска. Я вручил ее детям и велел по очереди смело отвечать на мои вопросы, прикрывшись ею.

Начал я с самой младшей – Энн, впоследствии писавшей под псевдонимом Эктон Белл. Я спросил, чего же хочет больше всего дитя в ее возрасте? Ответ был таков: «Вырасти и узнать жизнь». Потом я спросил следующую по возрасту – Эмили (впоследствии Эллис Белл), как мне быть с ее братом Брэнвеллом, который плохо себя вел? Она ответила: «Поговорите с ним разумно, а если он не послушается разума, то выпорите его». Я спросил Брэнвелла, как лучше узнать разницу в мышлении мужчин и женщин, и он ответил: «Надо сравнить разницу в их телах». Затем я спросил Шарлотту, какая книга лучшая в мире? Она ответила: «Библия». – «А какая следует за ней?» – спросил я. «Книга природы», – ответила Шарлотта. Затем я спросил, какой вид учения больше всего подходит женщине? Она ответила: «Который заставит ее быть наилучшей хозяйкой в доме». Напоследок я спросил старшую, как наилучшим образом проводить время? Ответ был такой: «Потратить его на приготовление к счастливой вечной жизни». Может быть, я не совсем точно передаю их слова, но и не сильно искажаю, поскольку они глубоко отпечатались в моей памяти. Смысл, во всяком случае, был именно такой.

Станный и остроумный в своей простоте способ, с помощью которого отец сумел выяснить скрытые мысли детей, сам тон и характер этих вопросов и ответов показывают, что воспитание, получаемое маленькими Бронте, было весьма своеобразным. Они не были знакомы с другими детьми. Они не знали других способов мышления, кроме того, который черпали из отрывков разговоров о церковных делах, услышанных в гостиной, или обсуждения деревенских новостей в кухне. И тот и другой вид беседы имел свои характерные черты.

Их живо интересовали характеры людей, а также вопросы внутренней и внешней политики, которые обсуждались в газетах. О старшей дочери, Марии, отец рассказывает, что, когда девочке было всего одиннадцать лет, он мог вести с ней разговоры на любые злободневные темы совершенно свободно, как со взрослой, и получать от беседы немалое удовольствие.

Глава 4

Спустя год после смерти миссис Бронте к ним переехала из Пензанса ее старшая сестра, чтобы взять в свои руки хозяйство в доме зятя и позаботиться о детях. Мисс Брэнвелл была милой и добросовестной женщиной, обладавшей сильным характером, но несколько ограниченной во взглядах, как и все, кто провел жизнь на одном и том же месте. Из-за сильных предрассудков она вскоре возненавидела Йоркшир. Это и понятно: женщине за сорок лет было непросто переселиться из Пензанса, где цветы, которые мы на севере называем тепличными, растут повсеместно без какого-либо укрытия даже зимой и где теплый влажный климат позволяет людям во всякое время находиться, если они того пожелают, на свежем воздухе, – переселиться в места, где нет ни цветов, ни овощей и даже скромное деревце надо еще поискать, где блеклый снег подолгу не тает на вересковых пустошах, простираясь до горизонта от дверей того жилища, которое стало теперь ее домом, и где осенними и зимними ночами все четыре ветра, кажется, сцепляются в схватке, едва не разрывая на куски дом, и воют, словно рвущиеся внутрь дикие звери. Ей не хватало здесь обычных в маленьких городках визитов соседей с их добродушными разговорами. Не хватало друзей и давних знакомых, которые дружили еще с ее родителями. Ей не нравились местные обычаи, а больше всего пугал холод, исходящий от каменных плит пола в коридорах и комнатах хауртского пастората. Лестница, по-видимому, тоже была каменной, что неудивительно, поскольку каменные карьеры находились неподалеку, а за деревьями надо было ехать очень далеко. Мне говорили, что из страха простудиться мисс Брэнвелл всегда ходила по дому в деревянных башмаках, и их стук то и дело раздавался на лестнице. Из того же страха в последние годы жизни она проводила почти все время, и даже обедала, в своей спальне. Дети уважали ее и относились к ней с той привязанностью, которая порождается почтением, но едва ли любили. Резкая перемена места и образа жизни была тяжелым испытанием для женщины ее возраста, и, решившись на переезд, она совершила настоящий подвиг.

Едва ли мисс Брэнвелл учила своих племянниц чему-либо, кроме шитья и других домашних занятий, которыми впоследствии так много занималась Шарлотта. Регулярные уроки давал им отец, а кроме того, любознательные дети пользовались любым случаем, чтобы получить какие-нибудь сведения самостоятельно. Однако примерно за год до описываемых событий на севере Англии появилась школа для дочерей духовенства. Она располагалась в Кован-Бридж, деревеньке на большой дороге между Лидсом и Кендалом. Туда было легко добираться из Хаурта, поскольку по дороге ежедневно проезжал дилижанс, делавший остановку в Китли. Годичная плата за обучение для каждой ученицы (если верить правилам приема, изданным в 1842 году, – а я не думаю, что они сильно изменились со времен основания школы в 1823 году) была следующей:

§ 2. Плата за одежду, проживание, пансион и обучение – 14 фунтов в год; половина этой суммы оплачивается заранее, при приезде ученицы. Кроме того, взимается 1 фунт за включение в число учениц, а также за книги и т. п. В курс обучения входят история, география, пользование глобусами, грамматика, письмо и арифметика, все виды рукоделия, а также другие виды домоводства, такие как шитье тонкого белья, глажка и др. По желанию производится дополнительное обучение музыке или рисованию за дополнительную плату 3 фунта в год.

Третий параграф требовал, чтобы родственники или опекуны заявили о желаемом ими виде дополнительного обучения для своей дочери, исходя из планов на ее дальнейшую жизнь.

Четвертый параграф указывал, какую одежду и туалетные принадлежности девочка может привезти с собой, и заключался следующим:

Ученицы должны одеваться одинаково. Они носят простые соломенные шляпки, летом – белые полотняные платья по воскресеньям и нанковые в другие дни; зимой – пурпурные шерстяные платья и того же цвета плащи. Чтобы обеспечить однообразие одежды, они должны внести дополнительно по 3 фунта на платья, пальто, шляпки, накидки и оборки. Таким образом, полная сумма, которую следует внести при зачислении за каждую ученицу, составляет:

- 7 фунтов – предварительная плата;
- 1 фунт – вступительный взнос за книги;
- 1 фунт – вступительный взнос за одежду.

Восьмой параграф гласил: «Все письма и посылки должны проверяться директрисой школы». Впрочем, это обычное правило всех женских школ: считается естественным, что учительница обладает подобным правом, хотя с ее стороны было бы неразумно слишком часто им пользоваться.

Нет ничего примечательного и в других правилах, копию которых мистер Бронте, несомненно, получил в то время, когда решил отправить своих дочерей в школу Кован-Бридж и в июле 1824 года доставил туда Марию и Элизабет.

Теперь я приступаю к самой трудной части своего рассказа, поскольку свидетельства, касающиеся описываемого предмета, разнятся настолько, что добраться до правды не представляется возможным. Мисс Бронте неоднократно говорила мне, что она не взялась бы писать то, что она написала о ловудской школе в романе «Джейн Эйр», если бы знала, что это место немедленно отождествят с Кован-Бридж, – хотя в ее повествовании не было ничего, кроме правды, о том, что она там видела. Она говорила также, что не считала необходимым стремиться в художественном произведении к той объективности, которая требуется в судебном разбирательстве: искать причины происшедшего, учитывать чувства учениц и стараться беспристрастно анализировать поступки тех, кто руководил тогда школой. Полагаю, она была бы рада возможности исправить слишком сильное впечатление, произведенное на читателей нарисованной ею живой картиной, несмотря на то что сама мисс Бронте всю жизнь страдала душой и телом от последствий того, что происходило в школе, и до самого конца сохраняла веру в необходимость говорить правду, и только правду.³

В основании этой школы большую роль сыграл священник, живший близ Кёрби-Лонсдейл, – преподобный Уильям Карус Уилсон⁴⁷. Это был энергичный, целеустремленный и упорный человек, не жалевший усилий для достижения своих целей и готовый пожертвовать ради этого всем, кроме власти. Он понимал, что духовенству, с его невеликими дохо-

³ Многие читатели предыдущего издания этой книги решили, что я почерпнула сведения о пребывании мисс Бронте в Кован-Бридж от нее самой. Должна заметить, она говорила со мной об этом только однажды: это было на второй день после нашего знакомства. Помню, в тот день маленький ребенок не хотел доедать за обедом кусок хлеба, и мисс Бронте, наклонившись к нему, тихо сказала, что была бы рада в его возрасте кусочку хлеба. Когда мы – я не уверена, что именно я, – попросили рассказать подробнее, она отвечала сдержанно и нерешительно, по-видимому боясь, что разговор приведет к обсуждению ее книги. Она рассказала об овсяных лепешках в Кован-Бридж (такие же пекут в Уэстморленде), которые отличались от йоркширских лепешек на дрожжевом тесте, и потому она в детстве их ненавидела. Кто-то из сидевших за столом припомнил подобное детское отвращение, описанное в истории «ужасных вязальщиц из Дента» из «Книги выписок» Саути. Мисс Бронте слегка улыбулась и добавила, что важны были не эти различия: беда состояла в том, что по вине неопрятной кухарки еду в школе дурно готовили, и потому она и ее сестры испытывали отвращение к пище. Она рассказала, как обрадовалась, когда врач признал мясо негодным и даже выплюнул его. Вот и все подробности, которые я от нее слышала. Мисс Бронте избегала говорить о личностях и даже ни разу не произнесла при мне имя мистера Каруса Уилсона. Я не сомневаюсь, что в целом мои собеседники передавали мне верные сведения, – я имею в виду тех, кто сообщил и даже торжественно повторил пересказанное мною, – но ради справедливости я должна подтвердить, что, кроме только что описанного, ничего не слышала от нее по этому поводу.

дами, создать такую школу было не по силам, и придумал план, согласно которому каждый год по подписке собиралась бы определенная сумма в дополнение к вносимым родителями четырнадцати фунтам в год, что могло обеспечить ученицам серьезное и солидное английское образование. Взносы родителей предполагалось использовать только для оплаты жилья и питания, а все расходы на учебу покрывала подписка. Назначили двенадцать попечителей. Мистер Уилсон был не только одним из них, но также казначеем и секретарем. Впоследствии ему пришлось взять на себя большую часть руководства делами школы, поскольку он жил к ней ближе других ответственных лиц. Таким образом, от его благоразумия и рассудительности в определенной степени зависел успех или неуспех всей деятельности школы в Кован-Бридж, и именно она стала делом его жизни. Однако мистер Уилсон оказался незнаком с главным правилом, определяющим хорошего руководителя: находить компетентных лиц, которым можно поручить отдельные части своего предприятия, и затем возлагать на этих лиц ответственность и судить об их работе только по ее результатам, не пытаясь постоянно и неблагоразумно вникать в детали. Мистер Уилсон своими неустанными попечениями сделал для школы много добра, и я не могу не сожалеть о том, что в то время, когда он уже состарился и начал терять силы, его ошибки (несомненно имевшие место) оказались выставлены на всеобщее обозрение, причем в форме, которой талант мисс Бронте придал необыкновенную выразительность. Перед тем как написать эти строки, я перечитала слова, которые мистер Уилсон произнес, покидая должность секретаря школы в 1850 году. Он говорил о том, что «вынужден по нездоровью оставить попечение о школе, за жизнью которой столько лет следил с искренней заинтересованностью», и что уходит в отставку, вознося благодарность Господу за то добро, которое сумел сотворить для школы, но с прискорбием сознавая всю ненадежность и недостойность себя как инструмента в руках Божьих.

Кован-Бридж – это шесть или семь домов, тесно стоящих по обоим концам моста, построенного на большой дороге из Лидса в Кендал при пересечении ею небольшой речки под названием Лек. В наше время эта дорога уже почти заброшена, но раньше жители промышленных районов Уэст-Райдинга ездили по ней на север – покупать шерсть у фермеров в Уэстморленде или Камберленде. Дорога никогда не пустовала, и деревушка Кован-Бридж, по всей вероятности, имела тогда более цветущий вид, чем нынче. Расположена она в весьма живописном месте, где горные пустоши вдоль течения Лека сменяются долинами и по берегам растут ольхи, ивы и кусты лесного ореха. Реке приходится огибать большие камни, отколовшиеся от серых скал, и дно ее устлано большой округлой белой галькой. Вода перекатывает камешки, прибивая их к берегам так, что кое-где они образуют чуть ли не целые стены. Вдоль берегов мелководного, искрящегося, стремительного Лека расстилаются пастбища с обычной для наших нагорий низкорослой, но густой травой. Кован-Бридж расположен на равнине, но и вам, и Леку придется еще долго спускаться вниз, прежде чем вы достигнете долины Льюна. Посетив эти места прошлым летом, я пришла в некоторое недоумение: как построенная тут школа могла оказаться столь нездоровым местом? Казалось бы, сам здешний воздух – свежий, наполненный ароматом тимьяна – должен быть целебен. Однако в наше время все знают, что дом, предназначенный для проживания многих людей, следует выбирать с большей осторожностью, чем дом для одной семьи: ведь у сообщества живущих рядом склонность к болезням, как заразным, так и иным, гораздо выше.

До наших дней сохранился дом, который некогда составлял часть школьных построек. Это длинное приземистое здание с эркерами, разделенное теперь на две части. Дом обращен фасадом к Леку, и между ним и речкой остается пространство примерно в семьдесят ярдов, которое раньше занимал школьный сад. Перпендикулярно к сохранившемуся школьному зданию раньше стояла фабрика с водяным колесом. Она выходила к реке, и колесо, вращавшее механизм, было сделано из ольхи, которая в большом количестве произрастает в окрестностях Кован-Бридж. Мистер Уилсон приспособил фабричное помещение для нужд

школы: на первом этаже поместились классы, а на втором – спальни. Что касается сохранившегося дома, то в нем жили учителя, а также помещались столовая, кухня и несколько маленьких спален. Я посетила его и выяснила, что то его крыло, которое примыкает к большой дороге, было впоследствии обращено в трактир самого низкого разряда, а затем пришло в полное запустение. Теперь уже трудно представить, как выглядело это помещение в те годы, когда оно содержалось в чистоте, оконные рамы не были выломаны, а потрескавшаяся и потерявшая цвет штукатурка сияла белизной и чистотой. Другое крыло имеет вид старинного жилого дома, с низкими потолками и каменными полами. Окна тут не открываются полностью, а лестницы, ведущие наверх, в спальни, узки и кривы. В доме дурно пахнет, повсюду видны следы сырости. Тридцать лет назад мало кто заботился о санитарном состоянии. Заполучить такой просторный дом рядом с большой дорогой, да к тому же находящийся неподалеку от жилища мистера Уилсона, автора всей школьной затеи, наверняка казалось большим счастьем. Необходимость появления школы была большая, небогатое духовенство единодушно приветствовало идею мистера Уилсона и спешило записать своих дочерей в ученицы готового принять их учреждения. Мистер Уилсон был, несомненно, польщен тем выражением нетерпения, с которым встретили его проект, и решился открыть школу, имея на руках меньше сотни фунтов капитала, притом что число учениц было невелико. По мнению мистера У. У. Каруса Уилсона, сына основателя школы, число учениц составляло семьдесят человек, а мистер Шешард, его зять, полагает, что их было только шестнадцать⁴⁸.

Мистер Уилсон, по-видимому, считал, что вся ответственность за осуществление его плана лежит на нем самом. Той платы, которую вносили родители, едва хватало на еду и издержки, связанные с проживанием. Подписка не дала больших средств в условиях, когда школа еще не успела завоевать хорошей репутации, и потому потребовалась самая жесткая экономия. Мистер Уилсон был полон решимости лично наблюдать за ее соблюдением, постоянно инспектируя школу, и его властность, похоже, часто выражалась в совершенно лишней и раздражавших окружающих мелочных придирках. Экономия соблюдалась очень строго, однако нельзя сказать, что она доходила до скарденности. Мясо, мука, молоко и другие продукты выдавались в ограниченном количестве, но были отменного качества, и питание учениц, как я убедилась, посмотрев сохранившиеся записи, не было ни дурным, ни нездоровым, ни скудным. На завтрак овсянка, для тех, кому нужен второй завтрак, – кусок овсяного пирога; на обед – запеченная или вареная говядина или баранина, картофельный пирог и разнообразные пудинги. В пять часов хлеб и молоко для младших и только один кусок хлеба для старших (это единственное правило, ограничивавшее количество пищи), но они получали перед сном еще по куску хлеба. Мистер Уилсон сам заказывал продукты и следил за их качеством, но кухарка, которая пользовалась его доверием и на которую долгое время никто не решался пожаловаться, была беспечной и расточительной неряхой. Некоторым ученицам овсянка казалась пищей неприятной и, следовательно, была нездоровой, даже если бы ее готовили как следует. Однако в Кован-Бридж овсянку варили из рук вон плохо: она не только постоянно подгорала, но и часто содержала в себе какие-то противные кусочки другой пищи. Говядина, а ее надо тщательно солить для сохранности, портилась от небрежного хранения. Соученицы сестер Бронте, с которыми мне довелось беседовать, вспоминают, что во время правления этой кухарки в доме всегда – утром, днем и ночью – стоял запах прогорклого жира, исходивший из той самой печи, где готовили большую часть их пищи. Той же небрежностью отличалось и приготовление пудингов. Один из них делался из вареного риса и подавался с соусом из патоки и сахара. Он часто оказывался несъедобным, потому что вода, в которой варился рис, черпалась из бочки, куда с грязной крыши стекала дождевая вода, причем старая деревянная бочка прибавляла свой запах к аромату этой дождевой воды. Молоко тоже было, говоря по-деревенски, «с запашком», причем запах был гораздо хуже, чем у скисшего молока, и происходил отнюдь не оттого, что оно портилось в тепле, а по

той причине, что молочные бидоны плохо мыли. По субботам подавали пирог или, точнее говоря, некую смесь мяса и картошки из накопившихся за неделю остатков пищи. Ошметки мяса, извлеченные из грязной, содержавшейся в беспорядке кладовой, внушали отвращение, и я думаю, что в первые дни существования школы ученицы ненавидели субботние обеды больше всего. Можно представить себе, какой мерзкой казалась эта еда девочкам, не отличавшимся большим аппетитом, однако привыкшим к пище пусть и скромной, но приготовленной с той аккуратностью, которая делает ее и привлекательной, и здоровой. Много раз маленькие сестры Бронте вставали из-за стола, не съев ни крошки и в то же время страдая от голода. Они не отличались крепким здоровьем даже в начале, когда только приехали в Кован-Бридж, поскольку совсем недавно оправались от последствий кори и коклюша. Да и оправались ли?

Известно, что в июле 1824 года велись долгие переговоры с руководством школы о том, смогут ли Мария и Элизабет поступить на учебу. В сентябре того же года мистер Бронте снова приехал сюда и привез с собой Шарлотту и Эмили, которые тоже должны были стать ученицами.

Может показаться странным, что никто из учителей не сообщил мистеру Уилсону о том, как обстояли дела с питанием в школе. Но надо помнить, что кухарка была в течение долгого времени связана с семейством Уилсон, в то время как учительницы приехали сюда, чтобы заниматься не хозяйством, а обучением. Им недвусмысленно дали понять, что не следует вмешиваться не в свое дело. Обязанности покупки и распределения провизии лежали на мистере Уилсоне и кухарке. Учителям не хотелось подавать жалобы по таким вопросам⁴⁹.

Было и другое испытание, которое сказывалось на здоровье учениц школы. Каждое воскресенье они отправлялись из Кован-Бридж в танстольскую церковь, где служил мистер Уилсон. Дорога – более двух миль – шла по продуваемым всеми ветрами холмам. Летом такая прогулка была делом веселым и освежающим, но зимой дети дрожали от холода, особенно те, кто еле передвигал ноги от недоедания. Церковь не отапливалась, в ней не было ни печей, ни камина. Она стояла прямо посреди поля, и влажные туманы пропитывали ее стены и пробирались в оконные щели. Отправляясь в церковь, девочки брали с собой холодный обед и съедали его в промежутке между службами, в комнате над входом, откуда можно было попасть на галерею. Эти походы в церковь оказывались очень трудны для слабых детей, и особенно для тех, кто пав духом, мечтал только о родном доме – как, вероятно, мечтала бедная Мария Бронте. Ей становилось все хуже, ее мучил застарелый кашель – последствие коклюша. Девочка была куда сообразительнее своих соучениц и потому чувствовала себя среди них одинокой, но в то же время порой делала такие грубые ошибки, что учителя выставляли ее на позор перед другими, а одна из наставниц невзлюбила не на шутку. Это была та самая учительница, которая в романе «Джейн Эйр» получила фамилию Скэтчерд, а истинное ее имя я скрою из соображений гуманности. Вряд ли нужно говорить, что образ Эллен Бёрнс представляет собой точную копию Марии Бронте – настолько точную, насколько позволял необыкновенный талант ее сестры. Даже в последние годы жизни Шарлотты, когда нам довелось встретиться, у нее начиналось сердцебиение от бесплодного негодования при воспоминании о той жестокости, с которой эта женщина обращалась с ее нежной и терпеливой умирающей сестрой. Вся эта часть «Джейн Эйр» – буквальное воспроизведение сцен, которые разыгрывались между ученицей и наставницей. Все, кто учился в школе в те времена, узнали бы девочку, с которой описаны в романе страдания Эллен Бёрнс. А еще они легко узнали бы учительницу, названную в книге «мисс Темпл»⁵⁰, – по ее достоинству и доброжелательности и признали бы в ее образе достойную дань той, чью память чтут все, кто ее знал. А в сцене, где мисс Скэтчерд подвергается позору, нетрудно распознать бессознательную месть автора мучительнице своей сестры.

Одна из соучениц Шарлотты и Марии Бронте рассказала мне много дурного о школе, и среди ее рассказов был и такой. Спальня, где приходилось спать Марии, представляла собой длинную комнату, по обеим сторонам которой теснились узенькие кровати для учениц. В конце этого дортуара находилась дверь, ведущая в отдельную спальню, предназначенную для мисс Скэтчерд. Кровать Марии была ближайшей к этой двери. Однажды утром она почувствовала себя совсем плохо, и на боку у нее появился большой волдырь на месте болячки, которая не была как следует вылечена. Прозвенел колокольчик, возвещавший подъем, и бедная Мария смогла только вымолвить, что она так больна, так ужасно больна, что хотела бы остаться сегодня в постели. Некоторые девочки убеждали ее именно так и поступить и обещали все объяснить мисс Темпл, директорисе. Однако мисс Скэтчерд была рядом, и с ее гневом им предстояло столкнуться раньше, чем смогла бы вмешаться добрая и разумная мисс Темпл. Поэтому больная девочка принялась одеваться, дрожа от холода. Не вылезая из постели, она медленно натягивала на истощенные ноги черные шерстяные колготки (моя собеседница рассказывала обо всем так, словно видела перед собой эту картину, и ее лицо горело от негодования). Как раз в этот момент мисс Скэтчерд вышла из своей комнаты и, не спрашивая ни о чем у больной и напуганной девочки, схватила ее за руку как раз с той стороны, где был нарыв, и одним рывком стащила ее с кровати на середину прохода, ругая при этом за неопрятность. По словам рассказчицы, когда воспитательница ушла, Мария почти не могла говорить. Она лежала на полу и лишь умоляла самых возмущенных девочек успокоиться. Затем она оделась и, еле двигаясь, медленно, с большими остановками, спустилась по лестнице – и там была наказана за опоздание.

Можно представить себе, какое впечатление этот случай произвел на Шарлотту. Меня удивляет, что она никак не протестовала против решения отца отослать ее и Эмили обратно в Кован-Бридж после смерти Марии и Элизабет. Но дети часто не осознают, какое воздействие их простые откровения могут оказать на взрослых. Кроме того, Шарлотта, отличавшаяся с ранних лет редкой разумностью, понимала важность образования – инструмента, который она хотела и могла использовать, и наверняка отдавала себе отчет в том, что школа в Кован-Бридж представляет наилучшую возможность для получения знаний из всех, какие мог себе позволить ее отец.

Еще до смерти Марии Бронте, весной 1825 года, началась эпидемия тифа, о которой рассказывается в романе «Джейн Эйр». Мистер Уилсон был в высшей степени встревожен ее первыми симптомами, обычная самоуверенность покинула его. Он не понимал, с какой именно болезнью пришлось столкнуться: девочки становились апатичными и слабо реагировали на его внушения. Их не трогали ни священные тексты, ни духовные наставления. Они просто сидели, погруженные в себя, совершенно безразличные ко всему вокруг. Тогда мистер Уилсон отправился к одной доброй женщине, имевшей некоторое отношение к школе (насколько я знаю, она стирала там белье), с просьбой приехать и объяснить, что же такое творится с ученицами. Та охотно откликнулась и приехала в школу вместе с мистером Уилсоном в его двуколке. Войдя в дом, она увидела, что больше десяти девочек не в силах подняться на ноги. Кто-то из них сидел, положив голову на стол, другие просто лежали на полу. Глаза у всех были остановившиеся, красные, безразличные, во всех движениях сквозила усталость, ноги и руки ломило. По ее словам, в комнатах ощущался особенный запах, по которому она распознала «лихорадку», и немедленно объявила об этом мистеру Уилсону, добавив, что не может здесь долго находиться из страха принести инфекцию собственным детям. Священник попытался уговорить ее остаться и позаботиться о больных. Она в ответ твердила, что ей надо домой, поскольку там нет никого, кто мог бы заменить ее. Тогда мистер Уилсон, не слушая ее, сел в свою двуколку и уехал. Оставленная в школе таким бесцеремонным образом, эта женщина повела себя как нельзя лучше. Она оказалась превосходной нянькой, хотя, как признается она теперь, тогда ей пришлось нелегко. Мистер Уилсон прислал все

лекарства, выписанные докторами, и даже оказал дополнительную помощь, лично попросив приехать в школу своего зятя, весьма толкового доктора из Кёрби, с которым священник прежде не поддерживал добрых отношений. Именно этот врач осудил ту пищу, которую ежедневно получали ученицы, причем самым решительным образом: он просто выплюнул все, что попробовал с тарелки. Около сорока девочек заразились тифом. Никто из них не умер в Кован-Бридж, хотя вскоре одна ученица скончалась от последствий пережитого, но уже у себя дома. Никто из сестер Бронте не заразился. Но те же самые причины, которые воздействовали на здоровье других учениц во время тифа, медленно, но столь же неумолимо подтачивали и их здоровье. Главной из причин было питание, и вина за это лежала в первую очередь на кухарке. Ее уволили, и та женщина, которую заставили вопреки ее воле побыть нянькой во время эпидемии, заняла место экономки. Теперь еда в школе готовилась превосходно, и никаких жалоб на нее уже не поступало. Разумеется, никто и не ожидал, что новое учреждение, в котором надо было обеспечить проживание и учебный процесс почти для ста учениц, с самого начала заработает без сучка и задоринки. Все, о чем здесь написано, случилось в первые два года работы школы. Однако мистер Уилсон, похоже, обладал несчастным даром раздражать даже тех, к кому он был добр и ради кого постоянно жертвовал своим временем и средствами. Раздражение это происходило оттого, что он никогда не поощрял в ученицах самостоятельности – ни во мнениях, ни в поступках. Кроме того, он так плохо знал человеческую природу, что полагал, будто постоянные напоминания девочкам об их зависимом положении и о том, что они получают образование на средства благотворителей, сделают их скромными и неприязнательными. Наиболее чувствительные остро реагировали на такое обращение и вместо благодарности, которую им действительно следовало выразить за полученные блага, преисполнялись гордости, многократно усиленной унижением. Болезненные впечатления глубоко укоренялись в сердцах нежных и болезненных детей. То, что здоровый ребенок пережил бы всего несколько мгновений и потом полностью забыл, невольно давало больным пищу для размышлений и запоминалось надолго – может быть, и без чувства обиды, но тем не менее как воспоминание о страдании, которым оказалась отмечена жизнь. Впечатлениям, идеям и представлениям, полученным от жизни восьмилетним ребенком, суждено было возродиться в гневных словах четверть века спустя. Девочка могла видеть только одну, не самую привлекательную, сторону личности мистера Уилсона, но и многие из хорошо знавших его людей уверяли меня, что ему были присущи заносчивость, властолюбие, незнание человеческой природы и вытекающее из этого отсутствие чуткости. Однако в то же время они сожалели, что эти качества вынуждают забывать о его благородстве и добросовестности.

Я получила достаточно заверений в благородстве мистера Уилсона и возвышенности его намерений. В течение нескольких последних недель мне почти ежедневно приходили письма, касающиеся темы этой главы. Некоторые писали расплывчато, другие – очень определенно; одни выражали любовь и восхищение мистером Уилсоном, другие – неприязнь и негодование, однако лишь немногие письма содержали безусловные факты. Хорошенько обдумав множество противоречащих друг другу свидетельств, я решила внести в главу определенные изменения и сделать некоторые необходимые пропуски. Следует заметить, что большая часть сведений любезно предоставлена мне бывшими ученицами и они чрезвычайно высоко оценивают мистера Уилсона. Среди полученных мною писем есть одно, которое следует особенно выделить. Оно написано супругом той, что изображена в романе под именем «мисс Темпл». Сама эта дама скончалась в 1856 году, однако ее муж, священник, написал мне по просьбе одного из друзей мистера Уилсона следующее: «От своей покойной дорогой жены я часто слышал о ее пребывании в Кован-Бридж, и всякий раз она выражала восхищение мистером Карусом Уилсоном, его отеческой любовью к ученицам, на которую те отвечали взаимностью. Что касается пищи и общего устройства дел в школе, то она счи-

тала их удовлетворительными. Я слышал, как она говорила о незадачливой кухарке, у которой, случалось, подгорала овсянка, однако эта женщина была довольно скоро уволена».

У тех, кто знал в эти годы сестер Бронте, остались о них довольно смутные воспоминания. Сестры словно бы специально скрывали свои пылкие сердца и незаурядные умы под покровом приличных манер и сдержанности в выражении чувств, как их отец в свое время спрятал лица детей под маской. Мария была слабого сложения, не по годам развитая умственно и слишком задумчивая для своего возраста, нежная и не особенно аккуратная. Последнее качество часто вызывало гнев старших – о ее страданиях и терпении я уже написала выше.

Единственная возможность заглянуть в душу Элизабет, которая прожила столь короткую жизнь, – это письмо, написанное мне «мисс Темпл».

Вторая сестра, Элизабет, – единственная из всех Бронте, о ком у меня сохранились живые воспоминания. С ней произошел несчастный случай, вследствие чего я оставила ее на несколько дней и ночей у себя в спальне, не только ради ее покоя, но и для того, чтобы самой присматривать за ней. Она сильно поранила голову, но переносила боль с образцовым терпением и тем снискала к себе большое уважение с моей стороны. Что касается двух младших (если их было две), то у меня о них почти не осталось воспоминаний, за исключением того, что с самой младшей, милой крошкой пяти лет от роду, нянчилась вся школа.

Эта младшая была Эмили. Шарлотту же считали самой разговорчивой из сестер – «ясным, умненьким ребеночком». Ее лучшей подругой была некая «Меллани Хейн» (так мистер Бронте пишет ее имя), девочка из Ост-Индии, плату за обучение которой вносил ее брат. Она не имела никаких примечательных способностей, кроме склонности к музыке, которую не позволяло ей развивать общественное положение ее брата. Эта «вечно голодная, добродушная, самая обыкновенная девочка» была старше Шарлотты и всегда выражала готовность защищать ее от мелких придирок и нападений со стороны старших воспитанниц. Шарлотта всегда вспоминала ее с благодарностью.

Я процитировала слово «ясный» по отношению к Шарлотте, но полагаю, что 1825 год был последним, когда этот эпитет был еще применим к ней. Весной этого года Марии стало так плохо, что послали за мистером Бронте. Он до того времени не знал о болезни дочери, и ее состояние поразило его. Отец отвез Марию домой на лидском дилижансе, и в минуты проводов все девочки высыпали на дорогу, чтобы увидеть, как ее экипаж взбирается на мост, проезжает мимо домиков деревни и затем навсегда исчезает из виду. Мария умерла через несколько дней после возвращения домой. Возможно, пришедшее через неделю известие о смерти той, которая была одной из них, заставило учениц Кован-Бридж с большей опаской присмотреться к симптомам болезни Элизабет, явно указывавшим на чахотку. Она была отослана домой в сопровождении надежного школьного служителя и умерла в начале лета того же года. Таким образом, Шарлотта оказалась старшей дочерью в лишенном матери семействе, и это накладывало на нее определенные обязанности. Она помнила, как старалась ее дорогая сестра Мария, с присущей ей серьезностью и ответственностью, быть помощницей и советчицей для них всех, и теперь она сама как бы получала в наследство эти обязанности от только что умершей маленькой страдалицы.

Шарлотта и Эмили вернулись в школу в тот же несчастный год после летних каникул⁵¹. Однако еще до наступления зимы было решено взять их на время домой, поскольку стало

совершенно ясно, что сырость школьного здания в Кован-Бридж может пагубным образом сказаться на здоровье девочек.⁴

⁴ Что касается моего собственного мнения о состоянии школы в настоящее время, то оно основано на очень кратком и поверхностном знакомстве с нею, – думаю, я пробыла в доме не более получаса. Однако я там была, и мне показалось, что дом в Кастертоне выглядит вполне благополучным, он содержится в хорошем состоянии и расположен в живописном месте. Ученицы показались мне веселыми, счастливыми и здоровыми, а директриса школы – необыкновенно располагающей к себе особой. В ответ на мой вопрос о том, как организовано здесь обучение, она ответила, что со времени открытия школы учебный план существенно изменился. Если бы я знала, что моему мнению, основанному на столь поверхностном знакомстве со школой, придадут такое значение, я бы поместила это свидетельство в первое издание этой книги.

Глава 5

По причинам, о которых я только что сказала, обеих девочек отправили домой осенью 1825 года, когда Шарлотте было чуть больше девяти лет.

Как раз в это время в пасторском доме появилась новая служанка – немолодая женщина из Хаурта⁵². Она проживет в семействе Бронте тридцать лет, и длительность ее верной службы, преданность дому и всеобщее уважение, которым она пользовалась, заслуживают специального упоминания. И по манере говорить, по внешности и характеру Тэбби была истинной йоркширкой. Ей было не занимать ни практичности, ни проницательности. Она никогда не льстила своим хозяевам, но при этом не пожалела бы жизни ради тех, кого любила. С детьми она обращалась весьма резко, но в то же время никогда не ворчала, если ей приходилось затратить лишние усилия, чтобы доставить им какую-нибудь маленькую радость из числа ей доступных. В ответ она ожидала, что ей будут отвечать взаимностью и считать своей подругой. Много лет спустя мисс Бронте рассказывала мне, с каким трудом ей приходилось смиряться с желанием Тэбби быть в курсе всех семейных дел, особенно когда служанка с годами начала терять слух и оглохла настолько, что слова, которые ей повторяли, становились известны любому, кто находился в то время в доме. Чтобы не разглашать секретов, мисс Бронте выводила Тэбби на прогулку по пустошам и там, выбрав какое-нибудь уединенное место и усевшись на траву или вереск, не спеша рассказывала старушке все, что та хотела услышать.

Тэбби жила в Хаурте еще в те годы, когда мимо деревни раз в неделю проезжали почтовые лошади с колокольчиками и веселыми украшениями из пряжи. Они везли местную продукцию из Китли через холмы в Колн и Бёрнли. Более того, она помнила здешнюю лощину во времена, когда феи навевались лунными ночами на берега реки, и знавала людей, которые видели этих фей собственными глазами. Все это было еще до появления фабрик, когда фермеры мотали шерсть вручную, сидя дома. «Фабрики эти отсюда фей и прогнали», – говорила Тэбби.

Она, без сомнения, много рассказывала о стародавних временах: об обычаях, о живших неподалеку людях, о том, как приходило в упадок мелкое дворянство, пока совсем не исчезло без следа, о семейных трагедиях, о мрачных проклятиях и разных суевериях. При этом она не пыталась что-либо смягчить или приукрасить, рассказы ее текли свободно и были полны подробностей.

Мисс Брэнвелл регулярно занималась с детьми теми предметами, которым она могла их научить, для чего превратила свою спальню в классную комнату. А у отца была привычка пересказывать им политические новости, интересовавшие его самого. Знакомство с его резкими и независимыми суждениями давало детям немалую пищу для ума, но я не слышала, чтобы мистер Бронте когда-либо выступал для них в роли учителя в узком смысле слова. Шарлотта, с ее серьезным отношением к обязанностям, почти болезненно воспринимала свой долг по отношению к остававшимся в живых сестрам. Она родилась всего лишь на одиннадцать месяцев раньше Эмили, но Эмили и Энн чувствовали себя подругами и играли вместе, в то время как Шарлотта была для них скорее матерью и опекуницей. Эти новые обязанности заставляли девочку чувствовать себя гораздо старше своего действительного возраста.

Патрик Брэнвелл, их единственный брат, рос весьма незаурядным мальчиком, выказывавшим признаки рано развившихся талантов. Друзья мистера Бронте советовали ему отправить сына в школу. Однако тот, помня о собственных самостоятельных поступках в юности, полагал, что Патрику лучше оставаться дома и что он сам обучит его так же хорошо, как учил других до него. Поэтому Патрик, или, как называли его в семье, Брэнвелл, жил в Хау-

орте, каждый день по многу часов занимаясь с отцом. Однако, когда последнему приходилось обращаться к своим пасторским обязанностям, мальчик был предоставлен самому себе и, поскольку юность тянется к юности, а дети к детям, находил приятелей среди деревенских подростков.

В то же время Патрик Брэнвелл участвовал в играх и развлечениях сестер. Игры эти были по большей части малоподвижными, умственными. У меня хранится любопытная папка, содержащая большое количество рукописей, все они выполнены на крошечных листах бумаги. Здесь есть повести, пьесы, стихи, приключенческие романы. Написаны они в основном Шарлоттой, причем таким мелким почерком, что без увеличительного стекла ничего нельзя разобрать. Ни одно описание не может дать такого представления о миниатюрности ее почерка, как приложенное здесь факсимиле одной из страниц.

Среди бумаг есть и список сочинений Шарлотты, который я привожу в качестве любопытного доказательства того, как рано ее захватила страсть к сочинительству.

КАТАЛОГ МОИХ КНИГ, С УКАЗАНИЕМ ВРЕМЕНИ ИХ ЗАВЕРШЕНИЯ,

на 3 августа 1830 г.

– Два романтических рассказа в одном томе, а именно: «Двенадцать искателей приключений» и «Искатели приключений в Ирландии»; 2 апреля 1829 г.

– «В поисках счастья», рассказ; 1 августа 1829 г.

– «Часы досуга», рассказ и два отрывка; 6 июля 1829 г.

– «Приключения Эдварда де Крака», рассказ; 2 февраля 1830 г.

– «Приключения Эрнста Алемберта», рассказ; 26 мая 1830 г.

– «Любопытные случаи из жизни наиболее известных личностей нашего века», рассказ; 10 июня 1830 г.

– «Рассказы об островитянах» в четырех томах. Содержание первого тома: 1) «Об их происхождении»; 2) «Описание острова Видения»; 3) «Покушение Рэтгена»; 4) «Приключение лорда Чарльза Уэлсли и маркиза Доуро»; закончено 31 июня 1829 г. Второй том: 1) «Школьное восстание»; 2) «Станный случай из жизни герцога Веллингтона»; 3) «Рассказ его сыновьям»; 4) «Рассказ маркиза Доуро и лорда Чарльза Уэлсли их маленькому королю и королевам»; закончено 2 декабря 1829 г. Третий том: 1) «Приключение с герцогом Веллингтоном в пещере»; 2) «Визит герцога Веллингтона, маленьких короля и королевы к конногвардейцам»; закончено 8 мая 1830 г. Четвертый том: 1) «Три старые прачки из Стратфилдсея»; 2) «Рассказ лорда Ч. Уэлсли своему брату»; закончено 30 июля 1830 г.

– «Личности великих людей нашего времени»; 17 декабря 1829 г.

– «Журнал молодых людей» в шести выпусках, с августа по декабрь (последние номера – сдвоенные); закончен 12 декабря 1829 г. Основное содержание: 1) «Подлинная история»; 2) «Причины войны»; 3) «Песня»; 4) «Разговоры»; 5) «Подлинная история» (продолжение); 6) «Дух Кавдора»; 7) «Интерьер трактира», стихотворение; 8) «Стеклянный город», песня; 9) «Серебряная чашка», рассказ; 10) «Стол и ваза в пустыне», песня; 11) «Разговоры»; 12) «Сцена на Большом мосту»; 13)

«Песня древних бриттов»; 14) «Сцена в моей кружке», рассказ; 15) «Американская история»; 16) «Строчки, написанные при виде сада Гения»; 17) «Баллада о Стеклянном городе»; 18) «Швейцарский художник»; 19) «Строки, написанные при посылке сего журнала»; 20) «О том же, но другой рукой»; 21) «Главные Гении в Совете»; 22) «Урожай в Испании»; 23) «Швейцарский художник» (продолжение); 24) «Разговоры».

– «Поэтастер», драма в двух томах; 12 июля 1830 г.

– «Книга стихов», закончена 17 декабря 1829 г. Содержание: 1) «Красота природы»; 2) Стихотворение; 3) «Размышления во время прогулки по канадскому лесу»; 4) «Песня изгнания»; 5) «При виде руин Вавилонской башни»; 6) Произведение из 14 строк; 7) «Строки, написанные на берегу реки летним вечером»; 8) «Весна», песня; 9) «Осень», песня.

– Различные мелкие стихотворения; закончено 30 мая 1830 г. Содержание: 1) «Кладбище»; 2) «Описание дворца герцога Веллингтона на приятных берегах Лузивы»; эта статья представляет собой маленький рассказ в прозе, или случай; 3) «Удовольствие»; 4) «Строчки, написанные на вершине высокой горы в Северной Англии»; 5) «Зима»; 6) Два отрывка, а именно: «Видение» и короткое стихотворение без заглавия; «Вечерняя прогулка», стихотворение; 23 июня 1830 г.

Все вместе составляет двадцать два тома.

Ш. Бронте, 3 августа 1830 года

Поскольку каждый том содержит от шестидесяти до ста страниц и размер приведенной здесь страницы намного меньше среднего, общий объем сочинений оказывается очень велик, особенно если мы припомним, что все это было написано примерно за пятнадцать месяцев. Это то, что касается количества. Что же до качества, то оно представляется мне удивительным для девочки тринадцати-четырнадцати лет. Я позволю себе привести отрывок из четырехтомных «Рассказов об островитянах», как образчик стиля ее прозы этих лет и фрагмент, открывающий нам картину тихой домашней жизни, которую вели эти дети.

12 марта 1829 года

Игра в «Островитян» началась в декабре 1827 года, и произошло это следующим образом. Однажды вечером, в то время когда мокрый снег и унылый ноябрьский туман чередовались с метелями и пронизывающие ночные ветры доказывали, что зима уже пришла, мы все сидели вокруг ярко горевшей печи на кухне. Мы только что поспорили с Тэбби о том, следует или нет зажечь свечу, и она вышла из этого спора победительницей: свеча зажжена не была. Последовало продолжительное молчание, которое наконец прервал Брэнвелл, сказавший лениво: «Не знаю, чем заняться». То же, как эхо, повторили Эмили и Энн.

Тэбби. А в кровать отправиться ты не хочешь?

Брэнвелл. Нет, я бы чем-нибудь другим занялся.

Шарлотта. Тэбби, почему ты сегодня такая сердитая? Давайте-ка мы представим, что у каждого из нас есть собственный остров.

Брэнвелл. В таком случае я бы выбрал остров Мэн.

Шарлотта. А я бы – остров Уайт.

Эмили. Мне бы подошел остров Арран.

Энн. А я хочу Гернси.

Затем мы выбрали тех, кто будут самыми главными на наших островах. Брэнвелл выбрал Джона Буля, Этли Купера и Ли Ханта; Эмили – Вальтера

Скотта и мистера Локхарта; Энн – Майкла Сэдлера, лорда Бентинка, сэра Генри Халфорда. Я же выбрала герцога Веллингтона и его двух сыновей, Кристофера Норта с компанией и мистера Эбернети⁵³. Здесь разговор был прерван печальным для нас боем часов, отсчитывавших семь, и мы отправились спать. На следующий день мы добавили еще многие имена в наш список, пока не перебрали почти всех известных людей королевства. После этого в течение долгого времени ничего примечательного не происходило. В июне 1828 года мы построили на вымышленном острове школу аж на тысячу учеников. Строительство осуществлялось следующим образом. Периметр острова составлял пятьдесят миль, и весь он был скорее результатом колдовства, чем реальностью...

Две вещи поражают меня больше всего в этом отрывке: во-первых, удивительная наглядность, с которой описано и время года, и вечерний час в доме, и ощущение, что снаружи холодно и темно, завывания ночного ветра, проносящегося по занесенным снегом вересковым пустошам и приближающегося к деревне, и, наконец, дрожание двери в комнату – вот она распахивается, открывая взгляду темную, безвидную пустыню, – и контраст, который эта картина составляет с ярким, пылким, радостным сиянием, охватившим кухню, где собрались эти чудесные дети. Тэбби рассказывает по кухне в своем странном деревенском наряде, бережливая, властная, примечательная малейшую ошибку, но при этом, будьте уверены, никогда не позволяющая другим ругать своих подопечных. И еще одно примечательное обстоятельство – это то, с какой сознательной политической симпатией они выбирают «великих людей»: почти все названные деятели известны твердой приверженностью партии тори. Более того, дети не ограничиваются симпатиями к местным героям. Их выбор гораздо шире, и они слышали о тех, кто обычно не попадает в сферу внимания ребенка. Маленькая Энн – ей едва исполнилось восемь лет – выбирает в качестве правителей своего острова современных политиков.

От того же времени сохранился еще один листок бумаги, на котором весьма неразборчивым почерком сделана запись, способная дать представление об источнике их симпатий.

ИСТОРИЯ 1829 ГОДА

Однажды папа дал моей сестре Марии книгу. Это была старая книга по географии. Она написала в ней на чистой странице: «Папа дал мне эту книгу». Книге было сто двадцать лет. Сейчас она лежит передо мной. Я пишу эти строки на кухне в пасторском доме в Хауорте. Тэбби, наша служанка, моет посуду после завтрака, а Энн, моя самая младшая сестра (Мария была самая старшая), стоит на коленках на стуле и смотрит на пироги, которые Тэбби печет для нас. Эмили сейчас в гостиной, она подметает ковер. Папа и Брэнвелл уехали в Китли. Тетушка наверху, в своей комнате, а я сижу за столом на кухне и пишу. Китли – это маленький городок в четырех милях отсюда. Папа и Брэнвелл отправились за газетой «Лидс интеллидженсер» – это самая лучшая газета тори, ее редактирует мистер Вуд, а ее владелец – мистер Хеннеман. Мы получаем две, а просматриваем три газеты в неделю. Мы получаем «Лидс интеллидженсер» – газету тори, а также «Лидс меркюри» – газету вигов, которую редактируют мистер Бейнс, его брат, его зять и два его сына, Эдвард и Тэлбот. А просматриваем мы «Джон Буль» – истинное издание тори, очень резкое в суждениях. Нам ее одалживает мистер Драйвер вместе с «Блэквудс мэгэзин» – самым популярным здесь

журналом⁵⁴. Ее редактор – мистер Кристофер Норт, старик семидесяти четырех лет, у него день рождения 1 апреля, а его компания – это Тимоти Тиклер, Морган О’Догерти, Макрабин Мордекай, Муллион, Уорнелл и Джеймс Хогг, удивительно гениальный человек, он шотландский пастух. Мы поставили следующие пьесы: «Молодые люди» (июнь 1826 г.), «Наши друзья» (июль 1827 г.), «Островитяне» (декабрь 1827 г.). Это три наши самые лучшие пьесы, которые мы ни от кого не скрываем. Еще у меня и у Эмили есть «кроватьные» пьесы, которые поставлены 1 декабря 1827 года, а другие в марте 1828 года. «Кроватьные» пьесы – значит секретные, они очень хорошие. Все наши пьесы очень странные. Я их не буду описывать на бумаге, потому что я их никогда не забуду. «Молодые люди» – пьеса, которая получилась из деревянных солдатиков, они есть у Брэнвелла. «Наши друзья» – из Эзоповых басен. А «Островитяне» – от разных событий. Я попробую описать происхождение наших пьес поподробнее. Во-первых, «Молодые люди». Папа купил Брэнвеллу в Лидсе деревянных солдатиков. Когда папа вернулся домой, была уже ночь и мы лежали в постелях. А на следующее утро Брэнвелл принес к нашей двери коробку с солдатиками. Мы с Эмили выскочили из кроватей, я их схватила и воскликнула: «Это герцог Веллингтон! Вот этот будет герцогом!» Когда я это сказала, Эмили тоже взяла одного из солдатиков и объявила, что этот будет ее герой. Тогда подбежала Энн и тоже сказала, что один из солдатиков будет ее героем. Но мой самый красивый из всех, самый высокий, самый лучший во всей коробке. А у Эмили какой-то печальный, и мы назвали его Печалькиным. А у Энн солдатик маленький и чудной, как она сама, и мы его назвали Ждущим Мальчиком. А Брэнвелл тоже выбрал себе солдатика и назвал его Буонопарте.

Этот отрывок показывает, что именно читали маленькие Бронте. Но их жажда знаний не ограничивалась чтением газет и распространялась на многие другие вещи, о чем свидетельствует найденный мной «Список художников, чьи работы я хотела бы увидеть», составленный Шарлоттой, когда ей было тринадцать лет: «Гвидо Рени, Джулио Романо, Тициан, Рафаэль, Микеланджело, Корреджо, Аннибале Каррачи, Леонардо да Винчи, фра Бартоломео, Карло Чиньяни, Ван Дейк, Рубенс, Бартоломео Раменги».

Маленькая девочка в далеком йоркширском пасторате, которая, по всей вероятности, ни разу в жизни не видела ничего достойного называться живописью, изучает жизнеописание старых итальянских и фламандских мастеров, чьи работы она хотела бы когда-нибудь, в отдаленном туманном будущем увидеть! Сохранилась рукопись, содержащая записи на память и критические замечания, касающиеся гравюр в «Предложении дружбы» за 1829 год⁵⁵. Они показывают, как рано сформировались у Шарлотты те способности к пристальному наблюдению и терпеливому анализу причин и следствий, которые впоследствии сослужили верную службу ее гению.

То обстоятельство, что мистер Бронте приобщил детей к своим политическим интересам, помогло им избежать умственной ограниченности, которой отмечены все, кто занят одними только местными сплетнями. Я приведу единственный сохранившийся личный фрагмент из «Рассказов островитян»: он помещен во введении ко второму тому и содержит извинение за то, что истории не получили своевременного продолжения, поскольку писатели были в течение долгого времени слишком заняты, а в последнее время слишком увлеклись политикой.

Началась сессия парламента, где был поставлен великий католический вопрос⁵⁶ и были раскрыты меры, предпринятые герцогом, – и все обернулось клеветой, насилием, предвзятостью и смятением. Ах, эти шесть месяцев, со времени королевской речи и до конца! Никто не мог писать, думать или говорить ни о чем, кроме католического вопроса, герцога Веллингтона и мистера Пиля. Я припоминаю день, когда вышел номер «Интеллидженс экстродинари» с речью мистера Пиля: ставились условия, при которых католики могли быть допущены. Папа нетерпеливо разорвал конверт, мы все сгрудились вокруг него и стали слушать, затаив дыхание. Подробности дела раскрывались и объяснялись одна за другой превосходнейшим образом. Когда все было прочитано, тетушка сказала, что все устроилось просто замечательно и при таких мерах безопасности католики не смогут навредить. Помню также, что нас одолевали сомнения: будет ли этот закон утвержден палатой лордов, и кое-кто предсказывал, что не будет. Когда же пришла газета, в которой содержалось решение, то беспокойство, с каким мы слушали ее чтение, было поистине ужасным. Вот открываются двери, наступает тишина. Входят члены королевской семьи в своих мантиях и великий герцог в камзоле с зеленой орденской лентой. Все собравшиеся встают. Он произносит речь – папа говорит, что его слова были как драгоценное золото. И наконец большинством голосов – один к четырем (sic!) – принимается билль. Но это было отступление...

Шарлотта написала это, когда ей не исполнилось еще четырнадцать лет.

Думаю, читателям было бы интересно узнать, чем отличались в это время ее чисто художественные, то есть представляющие собой плод воображения, произведения. Как мы уже убедились, описания реальных вещей и событий получались у Шарлотты подробными, наглядными и весьма убедительными. Когда же она давала волю воображению, ее фантазия и язык становились необузданными, дикими и странными, доходя временами чуть ли не до галлюцинаций. Чтобы в этом удостовериться, достаточно привести один пример. Вот письмо, которое она направила редактору «Литл мэгэзин».

Сэр!

Как известно, Гении провозгласили, что если они не будут ежегодно выполнять некоторые из своих тяжких обязанностей – таинственных обязанностей! – то все миры в небесных сферах будут сожжены, после чего соберутся в один могущественный шар, который в величественном одиночестве начнет вращаться в огромной пустой Вселенной, населенной только четырьмя принцами Гениев, до тех пор, пока время не уступит свое место Вечности. Дерзость этого заявления сопоставима только с другим их утверждением, а именно что с помощью своих чар они способны обратить весь мир в пустыню, чистейшие Воды – в потоки синевато-багрового яда, ясные озера – в стоячие болота, смертоносные пары которых лишат жизни все живые существа, за исключением кровожадных лесных зверей и ненасытных горных птиц. Однако посреди этого опустошения воздвигнется сверкающий дворец Верховного Гения, и леденящий кровь военный клич будет разноситься по всей земле и утром, и в полдень, и ночью. Каждый год они станут справлять тризну над костями мертвых и каждый год праздновать победы. Я думаю, сэр, что нечестие этих дел не нуждается в пояснениях, и потому спешу подписаться...

14 июля 1829 года

Не исключено, что приведенное письмо могло иметь некий аллегорический или политический смысл, скрытый от нас, но вполне понятный тем чудным выдумщикам, которым адресовался. Политика явно входила в число их главных интересов, а герцог Веллингтон был их кумиром. Все к нему относящееся несло на себе отпечаток героической эпохи. Если Шарлотте требовался для ее писаний странствующий рыцарь или преданный возлюбленный, то маркиз Доуро или Чарльз Уэлсли всегда были к ее услугам⁵⁷. Едва ли можно найти какое-либо ее прозаическое сочинение того времени, в котором они не оказались бы главными героями и где их «августейший отец» не появлялся бы как Юпитер-громовержец или как «бог из машины».

Чтобы показать, насколько Уэлсли занимали ее воображение, я перепишу несколько названий ее произведений из разных журналов:

«Замок Лиффи» – рассказ лорда Ч. Уэлсли;

«Пути к реке Арагуа» – сочинение маркиза Доуро;

«Необыкновенная мечта» – сочинение лорда Ч. Уэлсли;

«Зеленый карлик, рассказ совершенного вида» – сочинение лорда Чарльза Альберта Флориана Уэлсли;

«Странные события» – сочинение лорда Ч. А. Ф. Уэлсли.

Жизнь в далекой деревне, в уединенном доме не дает многих впечатлений, которые могли бы запасть в память ребенка, чтобы дать пищу для долгих размышлений. Порой здесь ничего не происходит в течение многих дней, и тогда какое-нибудь мелкое происшествие из недавнего прошлого приобретает загадочное и таинственное значение. Поэтому дети, растущие в глуши и уединении, часто оказываются задумчивыми и мечтательными. Впечатления, которые производят на них необычные виды земли и неба, случайные встречи с людьми, обладающими странными лицами и фигурами, – встречи редкие в этих отдаленных местах – подчас преувеличиваются ими так, что приобретают смысл почти сверхъестественный. Эту странность я очень ясно вижу в произведениях Шарлотты, написанных в то время, и если принять во внимание обстоятельства, в которых они создавались, то странность исчезнет и покажутся черты, общие для всех персонажей – от халдейских пастухов («одиноких пастырей, по половине летнего дня возлежащих на зеленом дерне») до одинокого монаха, – детские впечатления, растущие и оживающие в воображении, воплощающиеся в образы, становящиеся сверхъестественными видениями, сомневаться в реальности которых было бы кощунством.

Однако наряду с подобными склонностями Шарлотта обладала и прекрасным здравым смыслом, он уравновешивал тягу к сверхъестественному и склонял следовать практическим требованиям быта. Шарлотта должна была не только делать уроки, прочитывать необходимое количество страниц и извлекать из книг определенные идеи, но и убирать комнаты, бегать с поручениями, помогать на кухне, служить по очереди товарищем в играх и старшей ученицей для своих младших сестер и брата, шить и штопать, а также учиться экономии у своей хозяйственной тетушки. Поэтому хотя ее воображение и было чрезвычайно сильно развито, однако прекрасное понимание практической стороны жизни очищало его от фантазий и не давало им воплощаться в реальности. Вот что записала она однажды на клочке бумаги.

22 июня 1830 года, 6 часов вечера

Хауорт, близ Бредфорда

Нечто странное случилось 22 июня 1830 года: в этот день папа чувствовал себя очень плохо и оставался в постели; он был так слаб, что не мог подняться без посторонней помощи. Мы с Тэбби были вдвоем в кухне около половины десятого утра. Вдруг мы услышали стук в дверь. Тэбби

поднялась и отворила ее. На пороге стоял старик, который не стал входить внутрь. Он заговорил и спросил у Тэбби:

Старик. Здесь живет пастор?

Тэбби. Да.

Старик. Он мне нужен.

Тэбби. Ему не по себе, он не встает с постели.

Старик. У меня к нему послание.

Тэбби. От кого?

Старик. От Господа.

Тэбби. От кого?

Старик. От Господа. Он велел мне сказать, что жених грядет, и что нам следует готовиться встретить его, и что узы скоро порвутся, и что золотой кувшин будет разбит, как разбит глиняный кувшин у колодезя.

На этом он закончил свою речь, развернулся и ушел своей дорогой. Когда Тэбби закрыла дверь, я спросила, знает ли она этого старика. Она ответила, что никогда ни его, ни даже никого похожего раньше не видела. Хотя я и была уверена, что это какой-то фанатик – может быть, и благонамеренный, но совершенно не представляющий истинной набожности, – однако, услышав его слова, которые прозвучали столь неожиданно, не смогла сдержать слез.

Дата написания приводимого ниже стихотворения не может быть установлена с точностью, однако мне кажется, что лучше всего напечатать его именно здесь. Скорей всего, оно написано до 1833 года, но насколько раньше – узнать нельзя. Я привожу его как образец замечательного поэтического таланта, который проявляется во многих миниатюрах, написанных Шарлоттой в описываемое время, по крайней мере в тех, которые я смогла прочесть.

РАНЕННЫЙ ОЛЕНЬ

Я шла вчера лесной тропой,
Вдруг – руку протяни —
Олень израненный лежит
Под деревом в тени.

Сквозь ветви скудный, тусклый свет
Страдальца освещал,
Совсем один в густой траве
Он предо мной лежал.

Наполнен болью каждый член,
Венец его разбит,
Горячая слеза из глаз
На землю пасть спешит.

О, где теперь твои друзья,
Подруга игр твоих?
Как тяжко кровью истекать
Тебе, не видя их.

Глядит совсем как человек,
Заброшен, одинок.

Как вскрикнул он, когда стрела
Ему пронзила бок!

Что он почувствовал тогда?
Была ли боль сильнее
Мучений от сердечных ран,
Предательства друзей?

Нет, это не его судьба,
Так только человек
На смертном ложе может свой
Окончить тяжкий век.

Глава 6

Наверное, пришло время дать описание личности и внешности мисс Бронте. В 1831 году она была тихой, задумчивой пятнадцатилетней девочкой, миниатюрной – «чахлой», как она сама о себе говорила. Однако ее голова, руки и ноги были вполне пропорциональны по отношению к ее тоненькому, хрупкому телу – и даже речи не могло идти о физическом уродстве. Она была шатенкой с мягкими густыми волосами и удивительными глазами. Я много раз всматривалась в них впоследствии, но мне очень трудно описать их. Они были большие, очень красивой формы, красновато-карие, хотя, глядя в ее зрачок, можно было обнаружить множество оттенков. Обычно эти глаза выражали спокойствие и готовность к пониманию собеседника, но по временам, в моменты живого интереса или справедливого негодования, они вспыхивали так, словно в глубине этих выразительных глаз зажегся какой-то нездешний свет. Никогда я не видела ничего подобного ни у кого другого. Что касается черт лица, то они были обыкновенны, несколько великоваты и не очень красивы. Однако они не привлекали внимания, так как глаза и выразительная мимика компенсировали мелкие недостатки – несколько искривленный рот и большой нос. В целом лицо Шарлотты обращало на себя внимание наблюдателя и обязательно привлекало к ней тех, кого она сама хотела привлечь. Ее руки и ноги были самими миниатюрными из всех, что мне приходилось видеть. Когда она пожимала мне руку, казалось, что какая-то птичка легко касалась моей ладони. Длинные изящные пальцы были необыкновенно чувствительны – и в этом таилась одна из причин того, почему все, что создавали ее руки, будь то письмо, шитье или вязание, оказывалось сделано очень тщательно. В одежде она была необыкновенно опрятна и при этом отличалась вкусом в выборе обуви и перчаток.

Как мне кажется, то исполненное достоинства серьезное выражение лица, которым Шарлотта отличалась в годы нашего знакомства и которое придавало ей сходство со старыми венецианскими портретами, не было приобретением поздних лет жизни, а возникло уже в юности, когда Шарлотта вдруг стала старшей сестрой для лишившихся матери младших детей. Но девочку-подростка с таким выражением лица должны были считать «старообразной». И в 1831 году, в тот период, о котором я сейчас рассказываю, ее следует представлять маленькой, малоподвижной, как бы преждевременно состарившейся девочкой, очень тихой и очень старомодно одетой. Помимо убеждений ее отца о том, что жены и дочери деревенского священника должны одеваться как можно проще⁵⁸, надо учесть и то, что ее тетушка, на которую в основном и ложились обязанности следить за гардеробом племянниц, ни разу не была в обществе с тех пор, как восемь или девять лет назад покинула Пензанс, и потому пензанские моды старого времени оставались близки ее сердцу.

В январе 1831 года Шарлотту снова отправили в школу. На этот раз она училась у мисс Вулер⁵⁹, жившей в Роу-Хеде, очень милым просторным деревенском доме, стоявшем в поле, несколько в стороне от дороги из Лидса в Хаддерсфилд. Два ряда старинных полукруглых окон этого дома выходили на длинный зеленый склон-пастбище, за которым начинался старинный парк сэра Джорджа Эрмтейджа⁶⁰, именуемый Кирклис. Расстояние между Роу-Хедом и Хауортом не превышает двадцати миль, однако выглядят они совершенно по-разному, словно находятся в разных климатических зонах. Холмы вокруг Роу-Хеда образуют мягкие подъемы и спуски, которые кажутся легкими и воздушными, а расположенные внизу долины пронизаны солнцем и манят путника теплом и зеленью. Именно такие места любили выбирать для своих монастырей монахи, и следы времен Плантагенетов⁶¹ можно обнаружить здесь повсюду, бок о бок с фабриками современного Уэст-Райдинга. Здесь мы находим парк с его солнечными лужайками и глубокими тенями от старых тисов, саму усадьбу Кирк-

лис – огромное серое здание, некогда принадлежавшее «сестрам во Христе», а также рассыпающийся камень в лесной чаще, под которым, по легенде, лежит Робин Гуд. Неподалеку от парка стоит старый дом с остроконечной крышей – теперь в нем находится придорожный трактир, однако называется он «Три монахини» и имеет на своей вывеске соответствующую картину. Этот старинный дом посещают одетые в бумазейные блузы рабочие близлежащих шерстяных фабрик, благодаря им проложена дорога из Лидса в Хаддерсфилд, на которой возникли здешние деревни. Таковы контрасты – и в образе жизни, и в приметах истории, и в природных условиях, поджидающих путешественника на дорогах Уэст-Райдинга. Мне кажется, что нет другого места в Англии, где разные века соприкасались бы так тесно, как в районе, где расположен Роу-Хед. На расстоянии пешей прогулки от дома мисс Вулер, слева от дороги из Лидса, находятся развалины Хаули-холла, ныне принадлежащего лорду Кардигану, а ранее бывшего собственностью одной из ветвей рода Сэвилов. Возле него расположен «источник леди Энн»: эта леди, согласно легенде, сидела у ручья, когда на нее напали волки. Рабочие с шерстяных фабрик в Бёрсталле и Бэтли, где они занимаются окраской тканей, приходят сюда в Вербное воскресенье, когда воды источника приобретают замечательные целительные свойства. Кроме того, существует поверье, что в шесть утра в этот день вода начинает играть странными цветовыми оттенками.

Участок земли держит в аренде фермер, живущий в том здании, что осталось от Хаули-холла, а вокруг него возвышаются современные каменные дома, населенные людьми, зарабатывающими себе пропитание работой на шерстяных фабриках. И вот новые соседи постепенно вытесняют владельцев старинных домов. Эти старые дома видны повсюду – очень живописные, с остроконечными крышами, с каменными украшениями в виде гербов. Они принадлежат пришедшим в упадок семействам, которые под влиянием жизненных обстоятельств вынуждены уступать свои наследственные земли, поле за полем, богатым фабрикантам.

Густой дым окутывает дома бывших йоркширских сквайров, чернит и губит старые деревья. Пройти к ним теперь можно только по тропинкам, усыпанным шлаком. Землю вокруг распродают под строительство, однако местные жители, хотя и вынуждены покориться изменившимся обстоятельствам, все еще помнят, что их предки находились в зависимости от владельцев здешних холмов, и сохраняют величавые традиции прошедших веков. Взять, к примеру, Оаквелл-холл. Он стоит в чистом поле, на обычном пастбище, в четверти мили от большой дороги. Только это расстояние отделяет его от шумных паровых машин на шерстяных фабриках Бёрсталла, и если вы пройдетесь от бёрсталлской станции до Оаквелл-холла в обеденное время, то встретите множество измазанных синей краской рабочих, которые жадно и торопливо поедают принесенную с собой еду, сидя на обочине большой дороги. Повернув направо, вы подниметесь по холму через пастбище и вскоре окажетесь на тропе, которую называют Кровавой: говорят, здесь бродит привидение некоего капитана Бэтта, негодяя, владевшего близлежащим поместьем в век Стюартов⁶². Кровавая тропа, вдоль которой растут старые деревья, выведет вас на пастбище, где и расположен Оаквелл-холл. Среди местных жителей он известен еще как «Филд-хэд», или «жилище Шерли»⁶³. Другие места действия располагаются неподалеку; по соседству имели место и подлинные события, которые легли в основу романа.

В одной из спален Оаквелл-холла вам покажут кровавый отпечаток ступни и расскажут историю, связанную и с этим следом, и с тропой, по которой вы пришли в поместье. Владелец имения капитан Бэтт находился в долгой отлучке, а семья его оставалась дома. И вот однажды зимним вечером, в сумерках, все услышали, как по тропе кто-то идет твердой поступью. Это был капитан: он открыл дверь, поднялся по лестнице, зашел в свою комнату, где бесследно исчез. Впоследствии узнали, что в день своего появления, 9 декабря 1684 года, он был убит в Лондоне на дуэли.

Камни, из которых сложен старый дом, некогда составляли часть бывшего на этом месте пастората: предок капитана Бэтта захватил его во времена Реформации. Этот предок, Генри Бэтт, присваивал чужие дома и деньги без всяких угрызений совести и дошел до того, что утащил к себе большой колокол бёрсталлской церкви. За такое святотатство на его земли был наложен штраф, который и по сей день выплачивает владелец поместья.

Однако уже в начале прошлого столетия Бэтты выпустили из своих рук Оаквелл. Дом переходил из рук в руки, и каждый владелец оставлял какой-то след своего пребывания в этом месте. В большом зале прибиты к стене огромные олени рога, а под ними висит табличка, удостоверяющая, что 1 сентября 1763 года состоялось большое соревнование охотников, во время которого и был убит этот олень. В охоте участвовало четырнадцать джентльменов, и затем они отобедали своей добычей вместе с Фэрфаксом Фернли, эсквайром, владельцем поместья. Выписаны и имена четырнадцати охотников – все они, без сомнения, были «мужами силы», однако в настоящий момент, в 1855 году, мне о чем-то говорят только фамилии генерального прокурора сэра Флетчера Нортон и генерал-майора Бёрча.

За Оаквеллом дома попадаются и справа и слева от дороги. Каждый из них был хорошо известен мисс Бронте в годы учебы в Роу-Хеде: это гостеприимные дома ее соучениц. От дороги тропинки поднимаются к пустошам, где в выходные можно славно погулять, а затем вы окажетесь у белых ворот, за которыми начинается тропа, ведущая непосредственно к Роу-Хеду.

Комната с эркером на первом этаже, откуда открывается этот приятный вид, – гостиная. Вторая комната там же – класс. Окно столовой выходит на дорогу.

Число учениц в этой школе в годы пребывания здесь мисс Бронте менялось от семи до десяти. Для такого количества не нужен был весь дом, и потому третий этаж пустовал, если не считать поверья о некоей леди, шуршанье шелкового платья которой можно услышать, тихонько остановившись на лестничной площадке второго этажа.

Любящая материнская душа мисс Вулер и небольшое количество учениц придавали этому сообществу характер скорее семьи, чем школы. Кроме того, учительница, как и многие ее ученицы, была уроженкой здешних мест. Возможно, что Шарлотта, приехавшая из Хаурта, жила дальше всех от школы. Дом ее соученицы Э. находился в пяти милях⁶⁴, а две другие подруги (изображенные под именами Розы и Джесси Йорк в «Шерли») жили еще ближе⁶⁵. Две или три девочки приехали из Хаддерсфилда, одна или две из Лидса.

Теперь я обращусь к выпискам из письма, любезно присланного мне Мэри, одной из этих подруг детства мисс Бронте. Выразительное и наглядное, это письмо дает представление о том, что происходило в Роу-Хеде при первом появлении здесь Шарлотты 19 января 1831 года.

Впервые я увидела ее, когда она выходила из закрытой кареты. Одетая Шарлотта была весьма старомодно и казалась совсем замерзшей и несчастной. Она приехала учиться в школу мисс Вулер. Когда Шарлотта появилась в классе, она переоделась, но и это, другое, платье было таким же старым. Девочка выглядела маленькой старушкой и была так близорука, что казалось, будто она постоянно что-то ищет, наклоняясь к вещам. По характеру она была робкой и нервной, а говорила с сильным ирландским акцентом. Когда ей давали книгу, она склоняла к ней голову так, что чуть ли не касалась страниц носом. Ей приказывали выпрямиться, и она поднимала голову, продолжая по-прежнему держать книгу у самого носа, и окружающие не могли удержаться от смеха.

Таково было первое впечатление, которое Шарлотта произвела на девочку, впоследствии ставшую ее близкой подругой. Другая бывшая ученица вспоминает, как Шарлотта в

свой первый день пребывания в школе стояла у окна классной комнаты, глядя на заснеженный пейзаж, и плакала, в то время как другие весело играли. Э. была моложе Шарлотты, и ее нежное сердце тронуло положение, в котором оказалась эта странно одетая и странно выглядящая девочка тем зимним утром, когда она «рыдала от тоски по дому» в новом месте, среди незнакомых людей. Слишком явные проявления доброты напугали бы маленькую дикарку из Хаурта, но Э. (чьи черты приобретет Каролина Хелстоун в «Шерли») сумела завоевать ее доверие и деликатно выразить сочувствие.

Вновь обращусь к письму, которое прислала мне Мэри: «Мы считали, что она совсем невежественна, поскольку ей никогда не приходилось учить грамматику и в очень малой степени географию».

Это мнение о невежественности Шарлотты разделяли и другие ее соученицы. Однако мисс Вулер была дамой весьма умной и в то же время деликатной и добросердечной: доказательством этого служит ее обращение с Шарлоттой. Девочка была весьма начитанна, но не получила систематических знаний. Мисс Вулер отвела ее в сторонку и сказала, что, по-видимому, ей придется некоторое время поучиться в младшем (втором) классе, пока она не догонит своих сверстниц по грамматике и другим предметам. Бедную Шарлотту это известие расстроило до слез. Тогда доброе сердце мисс Вулер смягчилось, и она мудро рассудила, что такую девочку лучше поместить в старший (первый) класс, одновременно давая ей отдельные уроки по тем предметам, где ее знания были слабы.

Она приводила нас в замешательство, демонстрируя знания, далеко выходящие за пределы нашего кругозора. Шарлотта узнавала стихотворные отрывки, которые мы заучивали наизусть, могла с ходу назвать их авторов и поэмы, из которых они были взяты, а иногда могла прочесть несколько идущих дальше страниц и пересказать нам сюжет. У нее была манера писать печатными буквами: она объясняла это тем, что издавала дома рукописный журнал. Он выходил раз в месяц, и его издатели желали, чтобы он как можно больше походил на настоящий. Шарлотта пересказала нам один рассказ, помещенный там. У журнала не было никаких читателей или авторов, за исключением ее самой, ее брата и двух сестер. Шарлотта обещала мне показать номера этого журнала, но потом взяла свои слова обратно, и мне так и не удалось ее переубедить. В часы, отведенные для игр, она сидела или стояла на одном месте с книгой. Однажды мы с подругами заставили ее поучаствовать в игре в мяч на стороне нашей команды. Шарлотта отказывалась, ссылаясь на то, что она никогда в это не играла и не знает, как это делается. Мы уговорили ее попробовать, и вскоре поняли, что она не видит, куда летит мяч, и оставили ее в покое. Шарлотта уступала нашим усилиям вовлечь ее в игры, однако к самим играм относилась безразлично и всегда была готова их бросить. Она предпочитала просто стоять под сенью деревьев рядом с площадкой для игр и пыталась объяснить нам, как приятна тень, когда солнце появляется в просветах облаков. Нам же эти радости были недоступны. По ее словам, в Кован-Бридж она любила стоять возле ручья, на большом камне, и созерцать течение воды. На это я сказала, что не лучше ли было заняться там ловлей рыбы? Шарлотта отвечала, что у нее никогда не возникало подобного желания. Физически она была совсем слабенькая. Я не помню, чтобы она ела в школе пищу животного происхождения. Как-то раз я заметила ей, что она совсем некрасива. Однако спустя несколько лет извинилась за подобную грубость. Ответ Шарлотты был таков: «Ты сделала мне добро своими словами, и не надо раскаиваться». Зато она рисовала быстрее и лучше всех и знала все о прославленных

картинах и художниках. Если Шарлотте попадалась картина или гравюра, она принималась тщательно ее рассматривать: подносила очень близко к глазам и вглядывалась долго и пристально, а мы спрашивали, что она там видит? Видела она очень многое и прекрасно разъясняла увиденное. Шарлотта пробудила во мне интерес к поэзии и рисованию, и я приобрела привычку, оставшуюся до сих пор, – мысленно сверяться с ее мнением во всех вопросах искусства, хотя и не только в них. Описывая ей определенные вещи, я начинаю припоминать то, что, казалось бы, совсем забыла.

Чтобы дать читателю почувствовать всю силу последних слов и показать, какое живое впечатление производила мисс Бронте на тех, кто был способен ее оценить, следует упомянуть, что постоянно ссылающаяся на мнение Шарлотты автор этого письма, датированного 18 января 1856 года, не видела свою подругу одиннадцать лет и провела эти годы на другом континенте, в совершенно иных условиях, можно сказать, среди антиподов.

Мы были захвачены интересом к политике, что неудивительно для 1832 года. Шарлотта помнила фамилии членов двух кабинетов министров – и того, что ушел в отставку, и того, что пришел на его место и провел «Билль реформы»⁶⁶. Она боготворила герцога Веллингтона, но про сэра Роберта Пиля говорила, что он не заслуживает доверия, поскольку не верит в принципы, как другие, а действует из соображений практической выгоды. Я разделяла взгляды крайних радикалов и потому отвечала: «Да как кто-либо из них вообще может доверять другому? Они же все негодяи!» Затем она принималась воздавать хвалы герцогу Веллингтону, описывая его деяния. Здесь мне нечего было возразить, поскольку я мало что о нем знала. Шарлотта признавалась, что стала интересоваться политикой уже в возрасте пяти лет. Свое мнение она формулировала не столько на основе суждений отца, сколько черпая сведения из газет и других изданий, которые он читал.

Чтобы проиллюстрировать правдивость этих слов, приведу отрывок из письма Шарлотты к брату (написано в Роу-Хеде 17 мая 1832 года).

Еще недавно мне казалось, что мой интерес к политике утерян. Однако бурная радость, которую я испытала при известии, что «Билль реформы» отвергнут палатой лордов, а также от новости об изгнании или отставке графа Грея и проч., убедила меня в том, что моя склонность к политике никуда не исчезла. Я чрезвычайно довольна тем, что тетя согласилась выписать «Фрейзерс мэгэзин»⁶⁷. Судя по твоему описанию, он в целом малоинтересен по сравнению с «Блэквудом», но все же получать его лучше, чем оставаться весь год в неведении, лишенными всякого доступа к периодическим изданиям. А именно таков и был бы наш случай: в затерянной среди пустошей деревеньке, где мы живем, нет библиотеки, где можно взять номер газеты. Надеюсь, установившаяся ясная погода поспособствует укреплению здоровья дорогого папы и напомнит тете о целебном климате ее родных мест.

Однако вернемся к письму Мэри.

Она, случалось, вспоминала своих старших сестер Марию и Элизабет, умерших в Кован-Бридж, и после ее рассказов они казались мне чудесами доброты и таланта. Однажды утром Шарлотта поведала мне только что приснившийся ей сон: как будто ей сказали, что ее ждут в гостинной, и там оказались Мария и Элизабет. Я просила ее продолжать, но она объявила,

что это все. «Но тогда ты должна продолжить! – вскричала я. – Придумать продолжение. Ты же умеешь это делать». Однако Шарлотта отказалась: ей не понравился сон, сестры в нем изменились и казались совсем другими. Они были модно одеты, высказывали недовольство гостиной и т. д.

Эта привычка «придумывать», присущая детям, которые чего-то лишены в действительной жизни, была в ней в высшей степени сильна. Вся семья любила придумывать истории, героев и события. Я ей иногда говорила: вы как проросшие картофелины в погребе. И она с грустью отвечала: «Да-да, именно так».

Кто-то из учениц сказал ей, что она «всегда говорит об умных людях – Джонсоне, Шеридане и т. д.». На это Шарлотта возразила: «Вы не понимаете смысла слова „умный“. Шеридан, возможно, и был умен. Да, определенно, он был умен, плуты часто бывают умными. Но у Джонсона не было и искорки ума». Никто не оценил ее высказывания, некоторые произнесли пару банальных замечаний по поводу «умственных способностей», и Шарлотта замолчала.

В этом эпизоде отразилась вся ее жизнь. И в нашем доме ее тоже некому было слушать. Мы не отличались такой нетерпимостью, как школьницы, но ставили практический ум выше поэзии. Ни она, ни мы не догадывались, что *чувствительные* люди мыслят одинаково с остальными, и вот мы продолжали состязаться в наших спорах.

Когда Шарлотта училась в школе, она еще не знала, что будет делать во взрослой жизни, за исключением того, что диктовали обстоятельства. Она понимала, что должна зарабатывать на пропитание и выбрать какое-то занятие – по крайней мере, начать об этом думать. Уже в школе она была занята самосовершенствованием: она воспитывала в себе определенные вкусы. Всегда говорила, что жизнь заставит нас усвоить немало практических и полезных знаний и что самое необходимое – это смягчить и очистить душу и ум. Она подбирала мельчайшие крупички сведений, относящихся к живописи, скульптуре, поэзии, музыке и т. п., словно это были частицы золота.

Все, что известно о школьных годах мисс Бронте из других источников, подтверждает правдивость этого замечательного письма. Она была прилежнейшей ученицей, все время читала и заучивала необходимое. У нее было твердое и весьма необычное для пятнадцатилетней девочки убеждение в ценности образования. Шарлотта не теряла зря ни минуты и даже выражала недовольство тем, что в школьном расписании полагались часы для отдыха и игр, – последнее отчасти объясняется ее неловкостью, которая, в свою очередь, была вызвана близорукостью. Однако, несмотря на склонность к одиночеству, Шарлотта была любима своими соученицами. Она всегда шла навстречу их желаниям, не сердилась, когда ее называли неловкой и не брали в спортивные игры. Зато по ночам она была незаменимой рассказчицей, пугавшей девочек чуть ли не до обморока. Однажды эффект оказался таким сильным, что одна из слушательниц громко вскрикнула. Мисс Вулер, поднявшись по лестнице, обнаружила, что у этой девочки сильное сердцебиение, – так взволновал ее рассказ Шарлотты.

Замечая, что ученица тянется к знаниям, мисс Вулер постоянно увеличивала для нее задания по чтению, и в конце второго года пребывания в Роу-Хеде Шарлотта впервые получила плохую отметку. Ей задали прочесть большой кусок из книги Блэра «Лекции по изящной словесности»⁶⁸, и она не смогла ответить на некоторые вопросы учительницы. Шарлотта Бронте получила «двойку»! Это расстроило мисс Вулер, и она пожалела, что так перегружала свою усердную воспитанницу. Сама Шарлотта горько рыдала. А ее подруги были не

просто расстроены – они негодовали. Девочки объявили, что даже столь небольшое наказание несправедливо по отношению к Шарлотте Бронте: кто же старался больше, чем она? – и продолжали протестовать до тех пор, пока мисс Вулер, сама желавшая поскорей забыть о первой ошибке хорошей ученицы, не вычеркнула плохую оценку. Тогда все девочки принялись относиться к своей наставнице с прежней любовью. Исключением стала только та, кого я называю Мэри: она полагала, что мисс Вулер поступала несправедливо, давая Шарлотте столь большие задания, что та не успевала их готовить. И потому Мэри решила не подчиняться школьным правилам в оставшиеся до конца полугодия несколько недель.

Учениц было так мало, что посещать занятия в определенные часы, принятые в других школах, не требовалось: приготовив урок, девочки просто сообщали об этом мисс Вулер. Она обладала необыкновенным умением прививать ученицам вкус к учебе и делать любые задания интересными для них, так что они брались за учение не из-под палки, а со здоровым интересом и жаждой знаний. И по окончании школы, когда учеба становилась необязательной, они не бросали читать. Их учили думать, анализировать, отвергать, оценивать. Шарлотта была очень довольна своей второй школой. Была здесь и разумная свобода в том, как проводить время вне класса. Девочки играли на поле по соседству с домом. По субботам – неполным учебным дням – они отправлялись на прогулки по тенистым лесным дорожкам, взбирались на холмы и осматривали окрестности, причем учительница рассказывала им о прошлом и настоящем этих мест.

Мисс Вулер превосходно владела искусством, которое французы называют *conter*: у нее был дар рассказчицы. Ее ученицы вспоминают истории, услышанные во время долгих прогулок: и об этом старом доме, и об этой новой мельнице, и о том, как влияло состояние общества на изменения, происходившие с годами в облике того или иного здания. Мисс Вулер хорошо помнила те времена, когда в ночи вдруг слышались отдаленные слова воинской команды и раздавался дружный топот марширующих: это тысячи отчаявшихся рабочих занимались военными упражнениями, готовясь к великому дню, о котором мечтали, – дню, когда они вступят в бой и одержат победу, когда народ Англии – рабочий люд Йоркшира, Ланкашира и Ноттингемшира – заставит услышать свой устрашающий голос, раз его законные и непрекращающиеся требования упорно игнорируются парламентом. Сейчас мы уже забыли, сколь стремительно совершились перемены к лучшему и сколь ужасными были условия жизни в момент окончания войны на Пиренейском полуострове⁶⁹. Остались в памяти только какие-то анекдоты об их недовольстве, а истинные причины страданий забыты. А между тем эти люди были доведены до отчаяния, и вся страна, как ясно видно теперь, находилась на грани гибели и была спасена только благодаря быстрым и решительным действиям, предпринятым некоторыми силами в правительстве. Мисс Вулер рассказывала о тех временах: и о таинственных ночных учениях, когда тысячи людей маршировали по вересковым пустошам, и о ропоте недовольства, раздававшегося из уст угнетенных, и, наконец, о предпринятых бунтовщиками действиях, среди которых немаловажным событием было сожжение фабрики Картрайта⁷⁰. Все эти рассказы прочно запали в память по крайней мере одной из ее слушательниц.

Мистер Картрайт был владельцем фабрики «Роуфолдс», расположенной неподалеку от Роу-Хеда, в Ливерсидже. Этот человек рискнул приобрести машины, помогающие очищать шерстяную пряжу, что было крайне непопулярной мерой в 1812 году, когда сошлось воедино множество обстоятельств, в итоге сделавших жизнь фабричных рабочих сплошным невыносимым страданием от голода и нищеты. Мистер Картрайт был в своем роде человек замечательный. У него была толика иностранной крови, что оказывалось приметно по высокому росту, темным глазам, цвету кожи и особой, хотя и вполне благородной манере себя вести. Он много времени провел за границей, хорошо говорил по-французски – и это само по себе в те дни вызывало подозрения у нетерпимых и фанатичных людей. К тому же

он был непопулярен еще и до того, как предпринял опрометчивый шаг и закупил машины, вместо того чтобы нанять новых рабочих. Мистер Картрайт был осведомлен о том, что его не любят, и предвидел последствия. Он подготовил свою фабрику и дом, находившийся на ее территории, к нападению: двери на ночь баррикадировались. А на случай, если восставшие все-таки ворвутся внутрь, на каждой ступени лестницы был укреплен валик с торчащими во все стороны острыми иглами – так чтобы попасть наверх было невозможно. Вечером 11 апреля 1812 года произошло нападение. Несколько сотен изголодавшихся рабочих собрались рядом с Кирклизом на склоне, ведущем вниз от того дома, который впоследствии заняла школа мисс Вулер. Вожаки вооружили этих людей пистолетами, топорами и дубинками. Часть оружия была отнята ночными разбойниками, рыскавшими в тех краях, у обитателей одиноко стоящих домов, лишив их средств самообороны. Посреди ночи молчаливая, хотя и озлобленная толпа двинулась к Роуфолдсу и там разразилась криками и угрозами. Мистер Картрайт проснулся и понял, что давно ожидавшееся наконец началось. У него было большое преимущество – крепкие стены фабрики, но сотням разъяренных бунтовщиков он мог противопоставить всего четырех рабочих, сохранивших верность хозяину, и пять пришедших ему на помощь солдат. Однако эти десять человек так метко стреляли из мушкетов и столь храбро отражали нападение, что смогли отбить все отчаянные попытки толпы высадить двери и ворваться в здание. После двадцатиминутной стычки поле боя осталось за мистером Картрайтом. Но он был настолько ошарашен и утомлен случившимся, что забыл о мерах, которые сам же и предпринял, и напоролся ногой на утыканные острыми шипами валики, лежавшие на ступенях лестницы. Собственный дом хозяина находился рядом с фабрикой. Восставшие объявили, что если он не сдастся, то они ворвутся туда и убьют его жену и детей. Это была ужасная угроза, поскольку для обороны жилого дома мистер Картрайт был вынужден оставить всего двух солдат. Супруга хозяина понимала, что ей угрожает смерть, и ей уже казалось, что она слышит приближение восставших. Тогда она схватила двух своих маленьких детей и, поместив их в корзину, подняла на веревке по большой дымовой трубе – обычной примете старых йоркширских домов. Выжившая благодаря этому дочь супругов Картрайт впоследствии с гордостью показывала нам следы мушкетных пуль на опаленных порохом стенах отцовской фабрики. Мистер Картрайт был первым, кто оказал сопротивление наступлению луддитов, ставших впоследствии столь многочисленными, что они уже напоминали взбунтовавшуюся армию. Поступок этого фабриканта восхитил его соседей, и они объявили подписку в его пользу, собрав в конечном итоге целых три тысячи фунтов.

Не прошло и двух недель после нападения на Роуфолдс, как случилось еще одно преступление. Другой фабрикант, рискнувший закупить несносные машины, был убит среди бела дня, когда проходил через Кроссландскую пустошь, – с ней соседствовала роща, где прятались злоумышленники. Читатели «Шерли», конечно, узнают эту историю, которую много лет спустя рассказали мисс Бронте люди, жившие в тех самых местах и хорошо помнившие времена, когда никто не мог быть уверен в сохранности своей жизни и собственности и преступления совершались людьми, движимыми жестоким голодом и слепой ненавистью.

Мистер Бронте жил среди этих людей: в 1812 году он был священником в Хартсхеде, отстоящем всего на три мили от Роуфолдса. Как я уже писала, именно в это опасное время он начал носить с собой заряженный пистолет. Будучи не только сторонником тори в политике, но и человеком, всегда ратуящим за верховенство закона, мистер Бронте презирал трусость местных властей, которые из страха перед луддитами отказывались вмешиваться в конфликты и защищать от разорения частные владения. Оказалось, что самыми храбрыми людьми в округе были священнослужители.

Среди них выделялся и оставил память о себе мистер Роберсон⁷¹ из Хилдс-холла, близкий друг мистера Бронте. Он жил в Хекмондауйке – большом грязном селе, растянувшимся

вдоль дороги в двух милях от Роу-Хеда. Население села составляли ткачи, изготавливавшие шерстяные одеяла на дому. Хилдс-холл, жилище преподобного Роберсона, был самым крупным домом в деревне. Этот священник построил за свой счет красивую церковь на Ливерском кряже, прямо напротив своего дома, и это строительство оказалось первой попыткой угнаться за ростом населения в Уэст-Райдинге. Мистер Роберсон был человек твердых, старомодных, консервативных взглядов как в религии, так и в политике, всегда готовый пожертвовать личным во имя общественного. Малейшие признаки анархии вызывали его гнев. Всеми фибрами своей души он был предан церкви и королю и в любой момент с радостью пожертвовал бы ради того, что считал правым делом, своей жизнью. В то же время он был еще и человеком весьма властным, беспощадно подавлявшим всякое сопротивление, так что народная память придала ему даже какие-то демонические черты. Он дружил с мистером Картрайтом и, как гласит предание, узнав о готовящемся нападении на фабрику, вооружил себя и всех своих домочадцев, чтобы по первому сигналу прийти на выручку другу. Все это весьма правдоподобно: несмотря на свою мирную профессию, мистер Роберсон был человеком весьма воинственным.

Поскольку в имевшем тогда место противостоянии он принял враждебную народу сторону, в легендах сохранились одни преувеличения, восходящие к определенным чертам его характера. Рассказывают, что, приехав на другое утро после нападения поздравить с победой своего друга Картрайта, он запретил подавать воду раненым луддитам, остававшимся во дворе фабрики. Более того, этот суровый и бесстрашный священник якобы пускал к себе на постой солдат, присланных подавлять восстание, что вызвало еще большую ненависть рабочих, перепуганных видом красных мундиров. Не будучи судьей, мистер Роберсон тем не менее взялся за расследование упомянутого выше убийства фабриканта и, не пожалев усилий, проделал эту работу с такой решительностью и энергией, что в народе распространился слух, будто священнику помогает нечистая сила. Жители деревни, проходившие в сумерки по полям, окружавшим Хилдс-холл, впоследствии рассказывали, что видели, как пастор отплясывает в окружении кружащихся вокруг него чертей. Мистер Роберсон содержал также большую школу для мальчиков, и ученики не только уважали его, но и боялись. Помимо сильной воли, он отличался еще и своеобразным черным юмором, проявлявшимся в странных до нелепости наказаниях для нерадивых школьников: он заставлял их стоять на одной ноге в углу классной комнаты и при этом держать в каждой руке по тяжелой книге. Однажды, когда мальчик не выдержал такого наказания и сбежал домой, священник приехал к нему верхом, отобрал его у родителей и, привязав веревкой к стремяни, заставил бежать рядом с лошадей много миль, вплоть до самого Хилдс-холла.

Вот еще одна иллюстрация свойств его характера. Мистер Роберсон узнал, что у его служанки Бетти есть «преследователь», и, выждав удобный момент, когда этот парень по имени Ричард появится на кухне, вызвал его в столовую, где собрались ученики школы. Мистер Роберсон спросил у Ричарда: правда ли, что он домогается Бетти? Парень сознался, и тогда священник дал команду: «Ату его, ребята! Тащите к водокачке!» Бедного влюбленного выволокли на двор и стали окатывать водой. После каждого вылитого ведра его спрашивали: «Обещаешь ли больше не домогаться Бетти?» Ричард долго не сдавался, и после каждого отказа следовала команда: «Еще ведро, ребятки!» В конце концов мокрый «преследователь» вынужден был уступить и отказаться от Бетти.

Йоркширский характер мистера Роберсона не будет ясен читателю в полной мере, если я не упомяну о его страсти к лошадям. Он прожил долгую жизнь, умерев в глубокой старости уже где-то на рубеже тридцатых и сороковых годов, и даже в возрасте восьмидесяти лет получал огромное удовольствие, объезжая норовистых жеребцов. В случае необходимости он мог держаться на спине коня по полчаса, пока не приводил его к покорности. По этому поводу тоже сохранилась легенда: однажды он в порыве страсти застрелил и закопал

в карьере любимую лошадь своей жены. Спустя несколько лет земля якобы разверзлась и открыла на всеобщее обозрение скелет. На самом деле мистер Роберсон убил эту бедную старую клячу из жалости, чтобы избавить от мучительной смерти, и закопал в месте, где земля впоследствии просела от интенсивных разработок угольных пластов, в результате чего и показались наружу кости. Раскраска, которой подвергает действительный факт легенда, наглядно демонстрирует саму природу той памяти, которой иногда обладают люди. Однако есть и совсем другие воспоминания. Соседние священники помнят гордую фигуру человека с орлиным взором, в широкополой шляпе, верхом на красивой белой лошади: таким мистер Роберсон отправлялся по воскресеньям в церковь исполнять свой долг, подобно верному солдату, умирающему в полной амуниции. Эти люди воздают должное его преданности религиозному долгу и голосу совести и свято чтут его память. Однажды, когда мистер Роберсон был уже совсем стар, коллеги-священнослужители устроили ему чествование, чтобы выразить свое уважение.

Таков пример сильного характера, который нередко выказывают представители йоркширского духовенства, принадлежащие к официальной церкви. Мистер Роберсон был другом отца Шарлотты Бронте и жил всего в паре миль от Роу-Хеда в те времена, когда она там училась. До нее, несомненно, доходили слухи о его, тогда еще совсем недавних, словах и поступках.

Теперь следует поговорить немного о прихожанах диссентерской церкви, населявших окрестности Роу-Хеда. Шарлотте, безусловно, доводилось спорить со своими соученицами, происходившими из подобных семей, отличавшихся радикализмом в политике⁷². Она, дочь англиканского священника и сторонника тори, начавшая «интересоваться политикой уже в возрасте пяти лет», несомненно, хотела узнать получше тех, чьи мнения так не совпадали с ее собственными.

Большинство местного населения составляли диссентеры, в основном приверженцы «независимой» ветви этого церковного направления. В селе Хекмондуайк, в самом конце которого стоит школа Роу-Хед, было две большие церкви, принадлежавшие их общине, а также одна методистская. Все они заполнялись до отказа во время воскресных служб, а кроме того, по будням проводились разнообразные, тоже многочисленные, молитвенные собрания. Деревенские жители были не только усердными прихожанами, но и придиричвыми критиками проповедей, которые им доводилось выслушивать, настоящими тиранами по отношению к своим пастырям и яростными радикалами в политике. Одна моя подруга, хорошо знающая те места, где провела свои школьные годы Шарлотта Бронте, так описывает их жизнь:

Вот сцена, имевшая место в Нижней церкви Хекмондуайка, которая даст вам представление о тогдашних нравах. Когда молодожены после венчания впервые появлялись в церкви, было принято в конце службы, следом за последней молитвой, когда паства уже покидает здание, петь свадебный гимн. Хор, исполнявший этот гимн, получал денежные пожертвования, а затем устраивал пьяную гулянку на всю ночь, – по крайней мере, так рассказывал тамошний священник. Именно он и решил положить конец безобразному обычаю. В этом его поддержали многие из клира и прихожан. Однако демократическое начало в приходе было столь сильно, что возникла яростная оппозиция, участники которой дошли до того, что оскорбляли священника, встретив его на улице. Наступил день, когда в церковь должна была явиться молодая пара, и пастор объявил хористам, что запрещает им петь свадебный гимн. Те ответили, что все равно споют, и тогда он запер дверь, дающую доступ на ту большую скамью, где обычно сидели певцы. Однако они сломали замок и заняли свои места. Священник

объявил с кафедры, что сегодня пения гимна не будет, а вместо этого он прочтет фрагмент Писания. Однако не успел он произнести первое слово, как хористы встали со своих мест – возглавлял их регент, высокий, свирепого вида ткач, – и затянули гимн. Они старались петь как можно громче, и в этом им помогали находившиеся среди паствы приятели. Те прихожане, которые не одобряли поведения хористов и приняли сторону священника, не встали со своих мест во время исполнения гимна. Затем пастор снова начал читать Писание, а по окончании чтения произнес проповедь. Он собирался уже заключить службу молитвой, как вдруг опять поднялись с мест хористы и снова грянули гимн. Безобразные сцены повторялись несколько недель, и противостояние среди паствы достигло такого накала, что прихожане едва удерживались от потасовок, встретив врагов вблизи церкви. В конце концов священник оставил свое место, и вместе с ним церковь покинули наиболее сдержанные и уважаемые члены конгрегации. Таким образом, хористы восторжествовали.

При выборах пастора в церкви Хекмондуайка страсти накалились так, что пришлось зачитать на церковном собрании «Акт о бунте»⁷³.

Разумеется, *soi-disant*⁷⁴ христиане, лет десять назад силой изгнавшие мистера Редхеда из Хаурта, имели много общего со своими братьями-язычниками, *soi-disant* христианами из Хекмондуайка, хотя первые принадлежали к официальной церкви, а вторые были диссентерами.

Письмо, цитату из которого я привела выше, написано жительницей тех мест, где провела свои школьные годы Шарлотта Бронте, и описывает ситуацию, относящуюся ко времени ее ученичества в Роу-Хеде. Вот что пишет она далее:

Привыкнув к почтительному обращению со стороны сельского населения, я была поначалу удивлена и даже встревожена той свободой, которой пользовался рабочий класс Хекмондуайка и Гомерсала по отношению к лицам, стоявшим выше их на социальной лестнице. Обращение «девчушка» было здесь столь же общепринятым по отношению к молодой леди, как слово «девица» в Ланкашире. Крайне неопрятный вид деревенских жителей в первое время вызывал шок, хотя ради справедливости надо признать, что хозяйки домов, как и сами их жилища, не были так уж грязны и даже имели цветущий, хотя и грубоватый, вид (за исключением периодов, когда дела приходили в упадок), что редко встретишь в сельских районах. Рядом со входом в дом обычно можно было увидеть кучу угля с одной стороны и приспособления для варки домашних напитков – с другой, а в самом жилище вас встречал запах солода и хмеля – «домашнее пиво» варилось повсеместно. Не было и нехватки гостеприимства – одного из главных достоинств йоркширцев. Гостей обильно и назойливо потчевали овсяными лепешками, сыром и пивом.

Был в Хекмондуайке и ежегодный праздник, полурелигиозный и полусветский, под названием «Чтение». Мне кажется, что традиция его празднования восходит еще ко времени нонконформистов⁷⁵. Накануне праздника приглашенный священник читал проповедь в Нижней церкви, а на следующий день сразу две проповеди читались, одна за другой, в Верхней. Разумеется, служба длилась очень долго, и, поскольку это происходило в июне, в жаркое время, мы с подругами получали мало удовольствия,

оттого что проводили все утро в церкви. Затем начиналось собственно празднование: в село стекалось множество приезжих. Ставили палатки для торговли игрушками и особыми имбирными коврижками, имевшими название «ярмарочных». Обычно к празднику дома белили и красили, чтобы придать им нарядный вид.

Деревня Гомерсал (где жила с родителями Мэри, подруга Шарлотты) была куда красивее Хекмондуайка. В ней привлекал внимание очень странный дом, построенный из неотесанных, выпиравших во все стороны камней, на которых были вырезаны ухмыляющиеся рожи. На камне, венчавшем входную дверь, большими буквами значилось: «Дом злобы». Это сооружение один из жителей деревни возвел прямо напротив дома своего врага, который только что выстроил себе превосходный особняк с прекрасным видом на долину, – именно этот вид и заслонил дом-урод.

Девять юных учениц мисс Вулер прогуливались среди жителей деревни без всякого страха – они ведь были со всеми знакомы. Сама учительница родилась и выросла среди этих грубых, сильных, подчас свирепых людей и хорошо знала, какая доброта и верность таятся под личиной дикости и непокорства. Девочки обсуждали то, что видели вокруг, и у каждой из них было свое мнение, их ожесточенные дискуссии напоминали споры взрослых. Среди них прожила два года уже всеми любимая (если кое-кто иногда над ней все еще посмеивался, то только в лицо), близорукая, странно одетая, прилежная девочка по имени Шарлотта Бронте.

Глава 7

Мисс Бронте покинула Роу-Хед в 1832 году, заслужив искреннюю любовь как своей учительницы, так и соучениц. Две подруги, приобретенные в эти годы, остались близки к ней в течение всей жизни. Та, которую я называю именем Мэри, к сожалению, не сохранила писем Шарлотты. Однако другая, обозначенная здесь как Э., любезно согласилась поделиться со мной всей оставшейся у нее корреспонденцией. Просмотрев самые ранние письма, я была поражена их безнадежным тоном. В том возрасте, когда девочки обычно радостно смотрят в будущее, и считают свои чувства, равно как и чувства подруг, вечными, и не медлят обнаружить эти чувства, Шарлотта выражает удивление тем, что Э. держит слово и пишет ей письма. Когда я познакомилась с мисс Бронте, меня поразило, что она не надеется на лучшее и вообще не верит в будущее. Узнав о несчастьях, которые ей довелось претерпеть, я поспешила заключить, что именно память о перенесенном горе лишила ее жизнерадостности и надежд. Но письма свидетельствуют о другом: грусть была присуща ей изначально. Хотя не исключено и то, что причиной послужила острая боль после смерти двух старших сестер в соединении с телесной слабостью Шарлотты. Если бы вера в Бога была в ней не так сильна, это могло бы породить постоянную депрессию. Однако, как мы еще увидим в дальнейшем, мисс Бронте старалась везде и всюду «вручать свою судьбу милости Божьей».

Вернувшись домой из Роу-Хеда, Шарлотта стала учительницей для младших сестер, которых она теперь намного превышала в знаниях. Течение жизни в пасторском доме описано в ее письме от 21 июля 1832 года.

Отчета об одном дне достаточно для описания всей моей жизни. Утром с девяти до половины первого я занимаюсь обучением сестер, а также рисованием. Затем мы гуляем до обеда. После обеда и до чая я шью, а после чая либо пишу и читаю, либо что-нибудь выдумываю, либо снова рисую в свое удовольствие. Таким приятным, хотя и несколько монотонным, образом проходит моя жизнь. С тех пор как я вернулась домой, я только дважды была в гостях. Мы ждем посетителей сегодня вечером, а в следующий вторник мы приглашаем всех учительниц из воскресной школы на чай.

Здесь будет уместно привести отрывок из письма, которое я получила от Мэри после публикации предшествующих изданий этой книги.

Вскоре после того, как Шарлотта покинула школу, она призналась, что читала что-то из Кобетта⁷⁶. По ее словам, он ей не понравился, но «все, что попадает в сеть, – рыба». Как она сама писала в то время, чтение и рисование были ее единственными развлечениями, однако запас книг в доме был очень мал для нее. О своей тетушке она никогда не рассказывала. Сама я видела мисс Брэнвелл, и она произвела на меня впечатление весьма аккуратной и педантичной дамы, хотя выглядела странно: вся ее одежда была очень старомодной. Она одернула одну из нас, услышав слово «плевок» или «плевать». Брэнвелл был ее фаворитом. Она научила племянниц шить (не знаю, с определенной целью или нет) и не поощряла их занятия, имевшие отношения к культуре. Заставляла девушек шить одежду для раздачи бедным и убеждала меня, что это приносит добро не получающим, а дающим. «Им следует этим заниматься», – говорила она.

Никогда, насколько мне известно, Шарлотта не бывала в приподнятом, восторженном настроении. Если она чувствовала себя хорошо, то разговаривала довольно охотно, а если пребывала в унынии, действительно

могла вовсе не вступать в беседу. Она делилась тем, что было у нее на сердце, только в самом лучшем расположении духа, в других состояниях ей не хватало смелости и она высказывалась расплывчато и неопределенно. <... >

Шарлотта говорила, что может общаться с любым человеком, у которого есть шишка на затылке (она имела в виду честность). Я в этом отношении мало отличалась от нее, за исключением того, что она слишком терпимо относилась к глупым людям, если находила в них хоть крупицу доброты.

В то время мистер Бронте нанял своим детям учителя рисования, который оказался человеком талантливым, но нетвердым в моральных принципах. Хотя младшие Бронте и не стали профессиональными художниками, они немало почерпнули из его уроков, – по-видимому, им хотелось научиться воплощать те образы, которые порождало их воображение, в зримых формах. Шарлотта рассказывала мне, что в тот период рисование и прогулки с сестрами составляли главные радости ее жизни.

Три девочки обычно шли наверх, к «черно-лиловым» пустошам, однообразная поверхность которых перемежалась то там, то здесь каменными карьерами. Если у них хватало времени и сил на дальний переход, они добивались до водопада – места, где ручей низвергался со скалы на каменистое дно. Вниз, в деревню, они спускались редко: стеснялись встретить кого-нибудь даже из числа знакомых и не решались заходить без приглашения в чужие дома, даже самые бедные. Они прилежно преподавали в воскресной школе, этому занятию особенно предана была Шарлотта, и она продолжала учить детей уже в те годы, когда осталась одна. Но сестры Бронте никогда не вступали в общение с другими по собственной инициативе, предпочитая одиночество и свободу вересковых пустошей.

В сентябре того же года Шарлотта впервые побывала в гостях у своей подруги Э. Она снова оказалась в окрестностях Роу-Хеда и с радостью встретила с прежними соученицами. После этой поездки мисс Бронте и ее подруга договорились переписываться по-французски, чтобы улучшить знание языка. Однако это улучшение едва ли было велико и привело только к увеличению словарного запаса, поскольку никто не мог объяснить им, что дословный перевод английских идиом еще не составляет французского текста. Само по себе это стремление тем не менее было похвальным. Оно показывало, насколько обе девушки хотели продолжать обучение, начатое в школе мисс Вулер. Я приведу фрагмент из этой переписки. Что бы мы ни думали о языке, этот пример рисует весьма выразительную картинку: старшая сестра возвращается к младшим после двухнедельного отсутствия.

J'arrivait à Haworth en parfaite sauté sans le moindre accident ou malheur. Mes petites soeurs couraient hors de la maison pour me rencontrer aussitôt que la voiture se fit voir, et elles m'embrassaient avec autant d'empressement, et de plaisir, comme si j'avais été absente pour plus d'an. Mon Papa, ma Tante, et le monsieur dont mon frère avoit parlé, furent tous assemblés dans le Salon, et en peu de temps je m'y rendis aussi. C'est souvent l'ordre du Ciel que quand on a perdu un plaisir il y en a un autre prêt à prendre sa place. Ainsi je venoit de partir de très chers amis, mais tout à l'heure je revins à des parens aussi chers et bons dans le moment. Même que vous me perdiez (ose-je croire que mon départ vous était un chagrin?) vous attendites l'arrivée de votre frère, et de votre soeur. J'ai donné à mes soeurs les pommes que vous leur envoyiez avec tant de bonté; elles disent qu'elles sont sûres que Mademoiselle E. est très aimable et bonne; l'une et l'autre sont extrêmement impatientes de vous voir; j'espère qu'en peu de mois elles auront ce plaisir⁷⁷.

Но прежде чем подруги смогли встретиться, должно было пройти некоторое время, и они договорились обмениваться письмами раз в месяц. Эта корреспонденция, как правило, не описывает событий, происходивших в Хаурте. Спокойные дни, занятые преподаванием и хозяйственными делами, не давали пищи для рассказа, и поэтому Шарлотта делилась впечатлениями от прочитанных книг.

Книги были разных видов и жанров и в зависимости от своих качеств располагались в доме в разных местах. Отличавшиеся хорошими переплетами выстраивались рядами в святилище – кабинете мистера Бронте. Покупка книг была для пастора не только роскошью, но и необходимостью, и перед ним часто возникал вопрос, переплести ли заново старую книгу или приобрести новое издание знакомого тома, который жадно прочли все члены семейства и для которого самым подходящим местом теперь оказывалась полка в спальне. В доме было довольно много солидных собраний сочинений. Произведения сэра Вальтера Скотта, стихотворения Вордсворта и Саути⁷⁸ числились среди литературы для легкого чтения. Были здесь и книги, принадлежавшие ранее Брэнвеллам и носившие на себе отпечаток характера этих корнуолльских последователей праведного Джона Уэсли. А были и книги, о которых можно сказать, как о чтении Каролины Хелстоун в «Шерли»: «Там было несколько старых дамских альманахов, в свое время совершивших со своей владелицей морское путешествие, повывавших бурю и потому испещренных пятнами соленой воды; несколько сумасшедших методистских журналов, наполненных всяческими чудесами, видениями, сверхъестественными пророчествами, зловещими снами и безудержным фанатизмом; такие же сумасшедшие „Письма миссис Элизабет Роу от мертвых к живым“...»⁷⁹

Мистер Бронте поощрял в дочерях страсть к чтению, хотя тетушка Брэнвелл и держала эту страсть в узде, постоянно предлагая сестрам разнообразные занятия по хозяйству и занимая ими добрую часть дня. Им разрешалось также брать книги из передвижной библиотеки в Китли. До городка было четыре мили, и сестры провели немало часов, шагая по дороге со связкой новых книг и, разумеется, заглядывая в них. Далекое не все эти книги были новыми. В начале 1833 года Шарлотта и ее подруга Мэри почти одновременно принялись читать «Кенилворт»⁸⁰. Вот что писала об этом мисс Бронте:

Я очень рада, что тебе понравился «Кенилворт», хотя он больше напоминает любовный, чем исторический, роман. Мне кажется, это одно из самых интересных произведений, когда-либо выходящих из-под пера великого сэра Вальтера. Варни, безусловно, олицетворение абсолютного зла. Рисуя этого зловещего и хитроумного человека, Скотт показывает удивительное знание человеческой природы и поразительное искусство передачи чувств. Он просто заставляет своих читателей перенять это знание.

Может показаться, что этот отрывок содержит только общие места, однако я считаю его примечательным в нескольких отношениях. Во-первых, вместо того, чтобы пересказать сюжет произведения, Шарлотта анализирует исключительно характер Варни. А во-вторых, эта девушка, не знающая ничего о действительности (из-за юного возраста и уединенности от внешнего мира), уже не доверяет «человеческой натуре» до такой степени, что считает злобу и хитроумие ее неотъемлемыми качествами.

Поначалу переписка мисс Бронте с Э. носила довольно церемонный и натянутый характер, однако тон постепенно менялся. Барышни побывали друг у друга в гостях, и после этого в письмах стали мелькать подробности, касавшиеся интересовавших их людей и мест. Летом 1833 года Шарлотта приглашает подругу в гости.

Тетушка считает, что было бы лучше отложить твой приезд до середины лета: не только зима, но и весна в наших горах бывает очень холодной и пасмурной.

Первое впечатление, которое произвели на Э. сестры ее школьной подруги, было следующим. Эмили – высокая, длиннорукая девушка, уже сейчас переросшая старшую сестру, ведущая себя весьма сдержанно. Есть разница между робостью, которую можно разыграть так, что она понравится окружающим, и сдержанностью, когда человеку безразлично, нравится он или нет. Энн, подобно Шарлотте, была робкой, Эмили – сдержанной.

Брэнвелл был красивым мальчиком с «золотистыми» волосами, хотя сама мисс Бронте определяла этот цвет не столь поэтически. С точки зрения Э., все Бронте были очень умны, оригинальны и совершенно не похожи на других ее знакомых. Ее визит обрадовал всех, и Шарлотта впоследствии писала подруге:

Если я правдиво опишу тебе впечатление, которое ты произвела на наших, то ты решишь, что я лышу. Папа и тетя постоянно приводят тебя в качестве примера того, как мне надо себя вести. Эмили и Энн утверждают, что в жизни не видели никого приятнее тебя. И Тэбби, которую ты совершенно очаровала, изливает целые потоки разной чепухи, но я не решусь ее повторить. Однако уже так темно, что я не могу писать дальше, – и это несмотря на способность видеть в темноте, которую приписывали мне юные леди в Роу-Хеде.

Посетителю пастората было непросто заслужить благоволение Тэбби: служанка, с ее йоркширской прямоотой и резкостью, привечала далеко не всех.

Деревня Хаурт была построена без соблюдения каких-либо санитарных правил. Большое кладбище располагалось выше всех домов, и страшно подумать, как загрязнялись из-за этого источники питьевой воды. Зимой 1833/34 года, особенно дождливой и промозглой, в деревне умерло множество людей. Для обитателей пастората это было безотрадное время: пустоши превратились в болота, и гулять по ним, как прежде, было нельзя. То и дело раздавался мрачный похоронный звон. Он еще не успевал затихнуть, как уже слышалось: «вжик! вжик!» – это каменотес в стоявшем неподалеку сарае вырезал надписи на могильных плитах. В обитателях пастората должно было давно утвердиться равнодушное отношение к смерти, ведь их дом соседствовал с кладбищем и зрелища и звуки, связанные с последним прибежищем, им приходилось видеть и слышать ежедневно. Но у Шарлотты такого отношения не возникало. Одна из ее подруг пишет: «Помню, как она побледнела и чуть не упала в обморок в хартсхедской церкви, когда кто-то из нас заметил, что мы ступаем по могилам».

Где-то в начале 1834 года Э. впервые отправилась в Лондон. Намерение подруги посетить столицу подействовало на Шарлотту самым странным образом. Последствия этого визита, надо полагать, виделись ей такими, какими их можно представить по изданиям «Британских эссеистов», «Рэмблера», «Миррора» и «Лаунджера»⁸¹, которые наверняка стояли среди других книг на полках пасторского дома. Шарлотта, очевидно, воображала, что после посещения громадного города у человека полностью меняется характер, причем к худшему, и была рада увидеть, что ее подруга Э. осталась самой собой. Когда уверенность в этом вернулась, воображение Шарлотты захватили картины тех чудес, которые можно увидеть в столь громадном и знаменитом городе.

Хаурт, 20 февраля 1834 года

Твое письмо доставило мне истинное удовольствие, смешанное, однако, с немалым удивлением. Мэри еще раньше написала о твоём отъезде в Лондон, и я не решалась рассчитывать, что ты найдешь

время прислать весточку, когда тебя окружает великолепие этого великого города, который называют торговой столицей Европы. По моему мнению, деревенская девушка, впервые попавшая в мир, где все вызывает интерес и привлекает внимание, должна позабыть, по крайней мере на время, обо всех оставшихся вдали знакомых и полностью отдаться обаянию того, что предстало ее взору. Однако твое милое, интересное и приятное послание показало, что я ошибалась и заслуживаю осуждения за свои предположения. Меня поразила беззаботный тон, с которым ты описываешь Лондон и его чудеса. Разве не чувствовала ты трепет, глядя на собор Сент-Пол и Вестминстерское аббатство? Разве не чувствовала живого интереса при виде Сент-Джеймского дворца, в котором жило столько английских королей, чьи изображения можно видеть на стенах? Не надо бояться показаться провинциалкой; величие Лондона заставляло изумляться и опытных путешественников, повидавших чудеса и красоты мира. Довелось ли тебе увидеть кого-нибудь из тех великих деятелей, которых сейчас удерживает в Лондоне сессия парламента: герцога Веллингтона, сэра Роберта Пиля, графа Грея, мистера Стэнли, мистера О'Коннела? На твоём месте я не тратила бы много времени на чтение во время пребывания в городе. Не лучше ли дать глазам другое задание: смотреть вокруг – и отложить на время те очки, которыми вооружают нас писатели?

В постскриптуме было добавлено:

Будь добра, сообщи мне, пожалуйста, сколько участников в королевском военном оркестре?

В том же духе написано и другое письмо.

19 июня

Моя дорогая, милая Э.,

теперь я могу с полным правом называть тебя так. Ты уже вернулась или возвращаешься из Лондона, великого города, который кажется мне столь же легендарным, как Вавилон, Ниневия или Древний Рим. Ты удаляешься от мирской суеты, и твое сердце – насколько позволяют судить твои письма – остается столь же простодушным, естественным и правдивым, как и до поездки. О, я совсем, совсем не спешу поверить в доказательства противного! Я знаю свои чувства, свой склад ума, но внутренний мир других людей – это для меня запертая на замок книга или свиток, покрытый иероглифами, и мне не отпереть замка и не прочесть рукописи. Однако время, усердие и долгое знакомство помогут одолеть эти трудности; и в твоём случае, мне кажется, они уже славно поработали, сделав ясным тот тайный язык, все те сложности и темные места, которые приводили в недоумение исследователей, пытавшихся разгадать человеческую душу. <...> Я чрезвычайно благодарна тебе за то, что ты не забываешь о столь ничтожном существе, как я, и надеюсь, удовольствие, которое я чувствую от этого, не совсем эгоистично. Хотя бы отчасти оно происходит от сознания, что характер моей подруги оказался более возвышенным и непреклонным, чем я думала раньше. Немногие девушки способны на такое: увидев весь блеск, все ослепительное великолепие Лондона, остаться верной себе, сохранить от пагубных влияний свое сердце. В твоих письмах не видно никакого жеманства, никакого легкомыслия, никакого фривольного

презрения к простоте, никакого следа восхищения поверхностными людьми и вещами.

В наше время, когда дешевые железнодорожные билеты значительно облегчили передвижение, кажется забавной сама мысль, что короткая поездка в Лондон может оказать сколько-нибудь глубокое влияние на человека – как на его нравственные, так и на умственные качества. Но в воображении Шарлотты Лондон, этот огромный апокрифический город, был тем «градом», каким его представляли столетие назад: местом, куда суетные дочери тащат своих сопротивляющихся отцов, где можно встретить неблагоприятных друзей, чье влияние пагубно скажется на душевных качествах или приведет к разорению. Другими словами, это была та «ярмарка тщеславия», о которой говорится в «Путешествии пилигрима»⁸².

Однако заслуживает восхищения то чувство, с которым она относится к данному предмету.

Хауорт, 4 июля 1834 года

В последнем письме ты просишь меня указать на твои недостатки. Ну разве можно быть такой глупенькой! Нет, я не буду указывать на твои недостатки, потому что я их не вижу. И кем надо быть, чтобы, получив чувствительное и доброе письмо от любимой подруги, приняться в качестве ответа за список ее изъянов! Только вообрази, что я этим занялась, и подумай, каких эпитетов в таком случае я заслужила бы. Высокомерная и лицемерная зазнайка – вот, наверное, самые мягкие из них. Милая моя, у меня никогда не было ни времени, ни желания размышлять в твоё отсутствие о твоих недостатках. К тому же твои милые письма, подарки и все прочее постоянно напоминают мне о твоих достоинствах. И вокруг тебя довольно рассудительных родственников, которые лучше, чем я, исполняют столь малоприятную просьбу. Полагаю, они никогда не отказывают тебе в советах, так зачем же мне предлагать еще свои? Если ты не послушаешься их, то никто, даже воскресший из мертвых, не сможет научить тебя. Прошу, если ты только меня любишь, прекратим этот несносный разговор. Мистер ***⁸³ собирается жениться – правда ли это? Что ж, его будущая жена кажется умной и любезной дамой, насколько я могу судить по нашему короткому знакомству и по твоим рассказам. А теперь, после столь лестного отзыва, не набросать ли мне список ее недостатков? Ты пишешь, что размышляешь о том, не уехать ли тебе из ***?⁸⁴ Мне очень жаль: *** – очень милое место, настоящий старый английский дом, окруженный лужайками и лесами. Дом, хранящий память о прошлом и внушающий (мне, по крайней мере) счастливые чувства. М. считает, что ты мало выросла? Я же не подросла совсем и осталась такой же коротышкой, как и раньше. Ты просишь рекомендовать тебе книги для чтения. Попробую перечислить несколько. Если тебе нравится поэзия, то вот что я поставила бы в первый ряд: Мильтон, Шекспир, Томсон, Голдсмит, Поуп (если захочешь, но у меня он восторга не вызывает), Скотт, Байрон, Кэмпбелл, Вордсворт и Саути. Не пугайся имен Шекспира и Байрона. Оба они великие люди, и их труды подобны им самим. Ты научишься выбирать добро и избегать зла; лучшие фрагменты – это всегда самые чистые; плохие всегда вызывают отвращение, тебе не захочется их перечитывать. Отбрось комедии Шекспира и «Дон-Жуана» (а может быть, и «Каина») Байрона, хотя это и величественная поэма, а прочее читай без страха. Только развращенный ум может научиться злему, прочитав «Генриха VIII», «Ричарда III», «Макбета», «Гамлета» и «Юлия

Цезаря». Чудесная, дикая, романтическая поэзия Вальтера Скотта тоже не причинит тебе вреда⁸⁵. То же можно сказать о Вордсворте, Кэмпбелле, Саути (по крайней мере о большей части его творчества; другая часть весьма спорна). Для знания истории читай Юма, Роллена, а также, если сумеешь, «Всеобщую историю» – сама я не смогла ее одолеть⁸⁶. Из прозы читай исключительно Вальтера Скотта: с его романами не сравнятся никакие иные. Из биографий прочитай «Жизнь поэтов» Джонсона, «Жизнь Джонсона» Босуэлла, «Жизнь Нельсона» Саути, «Жизнь Бёрнса» Локхарта, «Жизнь Шеридана», «Жизнь Байрона» Мура и «Реликвии» Чарльза Вулфа⁸⁷. В выборе духовной литературы полагись на советы своего брата. Я же скажу только одно: придерживайся традиционных авторов и избегай новых.

Из этого списка видно, что в распоряжении Шарлотты была изрядная библиотека и она могла выбирать себе чтение по вкусу. Становится ясно и то, что две юные леди живо интересовались вопросами, которые занимали людей весьма религиозных. Моральность Шекспира для чувствительной Э. нуждалась в подтверждении со стороны Шарлотты. А чуть ниже она спрашивает, позволительно ли танцевать на вечерах, где проводишь по несколько часов и где присутствуют девушки и юноши. На это Шарлотта отвечает:

Не без колебаний выражу точку зрения, расходящуюся с мнением мистера *** и твоей чудесной сестры. Дело представляется мне следующим образом. Позволительно несомненно, поскольку грех состоит вовсе не в самом действии «дрыганья ногами» (как говорят шотландцы), а в часто сопровождающих его последствиях, а именно: фривольности и пустом времяпрепровождении. Однако, когда этим занимаются так, как ты описываешь, – ради физического упражнения и забавы в течение часа среди молодых людей (чья веселость, безусловно, не нарушает никаких Божьих заповедей), этих последствий можно не опасаться. Ergo⁸⁸ (такое заключение диктует моя манера рассуждения), подобное развлечение совершенно невинно.

Расстояние между Хауортом и Б. составляло всего семнадцать миль, и пройти этот путь пешком, не нанимая двуколки или иной повозки, было тяжело. Поэтому каждая поездка Шарлотты к подруге требовала приготовлений. Хауортская двуколка не всегда была свободна, а мистер Бронте часто не желал способствовать встречам в Бредфорде или где-то еще – встречам, которые могли принести хлопоты другим людям. И отца, и дочь отличала некая гордость, заставлявшая их избегать одолжений. Всякий раз, бывая у кого-то в гостях, они боялись «засидеться». Мистер Бронте был мнителен и при этом кичился знанием человеческой природы. Сама же Шарлотта всегда боялась слишком открыто выражать привязанность, чтобы не утомлять тех, кого любишь. Она часто сдерживала свои теплые чувства и всегда проявляла осторожность, даже когда ее присутствие безусловно радовало истинных друзей. Поэтому, когда Шарлотту приглашали в семейство Э. погостить на месяц, она приезжала не более чем на две недели. Радужные хозяева с каждым разом относились к ней все лучше и лучше, принимая ее с такой радостью, словно она была сестрой Э.

Интерес к политике, возникший еще в детстве, по-прежнему оставался в силе. В марте 1835 года Шарлотта писала:

Что ты думаешь о направлении, которое принимают политические дела? Задаю этот вопрос, полагая, что теперь они тебя живо интересуют, хотя раньше ты была ими не слишком занята. Как видишь, Б. торжествует. О, ничтожный! Всем сердцем ненавижу его. Нет на свете человека, к которому

я относилась бы хуже. Между тем оппозиция разделена – «раскаленные докрасна» и «теплые», а герцог (лучше так: Герцог) и сэр Роберт Пиль не подают признаков беспокойства, хотя их уже дважды побеждали. «Courage, mon amie!»⁸⁹ – как говаривали в старину рыцари перед битвой.

В середине лета 1835 года в пасторском доме собрался большой семейный совет. Обсуждали важный вопрос: к какому занятию следует готовить Брэнвелла? Ему уже исполнилось восемнадцать лет, и пришло время принять решение. Юноша был, несомненно, очень умен, более того, его считали самым талантливым в этой совсем не обделенной дарованиями семье. Впрочем, сестры не спешили признавать собственные таланты – ни каждая свои, ни друг друга, но это не распространялось на обожаемого брата. Отец, ничего не знавший о многочисленных проступках сына, также гордился даровитым отпрыском, и достижения Брэнвелла охотно демонстрировались всем желающим. Восхищение окружающих льстило молодому человеку. В результате он оказывался желанным гостем на всех «арвиллах» и других деревенских гулянках: йоркширцы умели ценить ум и талант. Хозяин таверны «Черный бык» неизменно рекомендовал своим заезжим посетителям, заскучавшим в одиночестве над кружкой, разделить компанию с этим молодым человеком: «Не желаете ли, чтобы кто-нибудь помог вам прикончить эту бутылку, сэр? Если желаете, я пошлю за Патриком». (Жители деревни называли его до самой смерти по первому имени.) И пока мальчишка бегал за Брэнвеллом, хозяин развлекал гостя рассказами о поразительных талантах юноши, о его необыкновенно рано развившемся уме, способности поддерживать разговор – обо всем, что составляло гордость всей деревни.

Приступы нездоровья, которым был подвержен в поздние годы мистер Бронте, заставляли его обедать в одиночестве (во избежание соблазнов разделить с кем-то нездоровую для себя пищу), а следующие за трапезой часы проводить в полном покое. Эта необходимость, а также пасторские обязанности были причиной того, что мистер Бронте почти ничего не знал о том, как проводит внеклассное время его сын. Собственная юность будущего священника прошла среди людей, занимавших примерно то же место в обществе, что и товарищи Брэнвелла; однако мистер Бронте обладал большой силой воли, характером, решительностью в достижении поставленных целей – именно теми качествами, которых не доставало его сыну.

Просто удивительно, с какой охотой все члены семейства занимались рисованием. Мистер Бронте приложил немалые усилия, чтобы его дети получили хорошие уроки, однако девочки и так любили все связанное с этим искусством. Их увлекали любые описания знаменитых картин или сделанные с них гравюры, а за неимением гравюр довольствовались случайными оттисками или рисунками: внимательно изучали их, обращая внимание на то, какая идея вложена в композицию картины, что это произведение должно было внушить зрителю по замыслу художника и что на самом деле внушает. Так же девочки относились к плодам собственного воображения: им, правда, не хватало мастерства, но они никогда не испытывали недостатка в идеях. Одно время Шарлотта подумывала о том, чтобы зарабатывать на жизнь рисунками, и испортила себе глаза, вырисовывая каждую деталь так же тщательно, как это делали предшественники Рафаэля, – хотя и без их достоверности, поскольку ее рисунки исходили по большей части из воображения, а не из природы.

В таланте Брэнвелла как живописца никто не сомневался. Мне довелось видеть его картину, которая была написана маслом приблизительно в то время. Она изображала его сестер в полный рост, в три четверти. По технике исполнения картина немногим превосходила вывески, однако сходство было схвачено удивительно. Я могу судить об этом, поскольку видела, как похожа была на свое изображение Шарлотта, державшая это полотно в тяжелой раме и, соответственно, стоявшая вплотную к нему. Прошло десять лет с момента написания, но сходство оставалось замечательным, и можно предположить, что столь же похожими на свои портреты были и две другие сестры. Картину разделяла почти посередине большая

колонна⁹⁰. С освещенной солнцем стороны этой колонны стояла Шарлотта, одетая в характерное для той эпохи платье с рукавами «жиги ягненка» и с широким отложным воротником. С другой, затемненной стороны стояла Эмили – ее плечо было скрыто нежным личиком Энн. Лицо Эмили поражало своей скрытой силой, лицо Шарлотты – озабоченностью, а лицо Энн – нежностью. Младшие сестры были изображены с короткими волосами и в детских платьицах: они еще явно не достигли взрослых лет, хотя Эмили на картине ростом уже выше Шарлотты. Я помню, как вглядывалась в эти печальные, серьезные, чем-то омраченные лица и пыталась найти в них знаки, мистическим образом предсказывающие раннюю смерть. И мной владела суеверная надежда на то, что эта колонна, отделяющая судьбы двух сестер от судьбы третьей, стоящей несколько в стороне, является знаком того, что Шарлотта выживет. Мне было по душе, что светлая сторона колонны обращена именно к ней и что на нее падает свет на этом портрете. Я оказалась бы более проницательной, если бы смогла угадать в ее изображении – нет, в ее живом лице – то, что она умрет в расцвете сил. Сходство, повторяю, было удивительным, хотя техника исполнения оставляла желать лучшего. Думаю, семья предрекала Брэнвеллу, что он мог бы стать великим художником, и, наверное, он стал бы им, если бы не недостаток способностей и, увы, моральных качеств.

Лучший способ подготовить его к художественному поприщу был, разумеется, отъезд в столицу и поступление в Королевскую академию искусств. Полагаю, сам юноша страстно желал пойти по этому пути прежде всего потому, что тогда он попал бы в Лондон – тот великий Вавилон, который, похоже, буквально заполонил воображение молодых членов уединенно живущего семейства. А для Брэнвелла этот город был больше чем воображаемой картиной – он уже превращался в своего рода действительность. Молодой человек внимательно изучал карты и прекрасно знал весь город, включая самые укромные закоулки, словно долго жил в нем. Бедный юноша! Эта жажда увидеть Лондон, это стремление к славе так и не были удовлетворены. Ему было суждено рано умереть, прожив несчастную жизнь. Но в тот год, о котором мы говорим, – 1835-й, – домашние только и думали, как бы помочь Брэнвеллу осуществить его мечты. Что именно входило в планы семейства, пусть объяснит Шарлотта. Сестры Бронте были не первыми в мире, кто жертвовал своими судьбами в пользу брата, – они сотворили из Брэнвелла кумира. Однако пусть Господь сделает так, чтобы они стали последними, кто получил в ответ так мало!

Хауорт, 6 июля 1835 года

Я надеялась иметь счастье увидеть тебя в Хауорте этим летом, но человек не может предсказать развитие событий, и наши решения должны согласовываться с внешними обстоятельствами. Мы все собираемся разъехаться в разные стороны. Эмили отправится в школу, Брэнвелл – в Лондон, а я стану гувернанткой. Это последнее решение я приняла сама, понимая, что такой шаг неизбежен и лучше сделать его «раньше, чем позже», как говорят шотландцы. Кроме того, я рассудила, что папин, и без того небольшой, доход еще уменьшится, если Брэнвелл поступит в Королевскую академию, а Эмили – в Роу-Хед. Ты спросишь, и где же я собираюсь поселиться? Всего в четырех милях от тебя, в месте, весьма знакомом нам обоим: не где-нибудь, а в том самом Роу-Хеде, о котором я только что упомянула. Да! Я собираюсь стать учительницей в той же школе, где училась сама. Мисс Вулер предложила мне место, и я предпочла его двум другим местам гувернантки в частных домах, которые мне предлагали раньше. Мне грустно, и очень грустно, от мысли, что придется покинуть родной дом. Однако долг и необходимость – это две суровые госпожи, которых нельзя не послушаться. Разве не говорила я тебе много раз, что ты должна быть благодарна судьбе за свою независимость? Могу только повторить это сейчас

с большей настойчивостью. Если что и радует меня, так это то, что я окажусь поблизости от тебя. Разумеется, вы с Полли станете навещать меня – в этом не может быть никаких сомнений, ведь вы всегда были так добры ко мне. Мы с Эмили отправляемся 27 числа сего месяца. То обстоятельство, что мы будем с ней вместе, нас несколько утешает, и, по правде говоря, мне следует отнестись к происходящему с большей легкостью. «Межи мои прошли по прекрасным местам»⁹¹. Я и люблю, и уважаю мисс Вулер.

Глава 8

Шарлотта, которой было чуть больше девятнадцати лет, 29 июля 1835 года приступила к выполнению обязанностей учительницы в школе мисс Вулер. С ней приехала и Эмили – поступила в школу в качестве ученицы. Однако вскоре младшая Бронте в буквальном смысле слова заболела тоской по дому, она не могла приспособиться к новой жизни и спустя всего лишь три месяца, проведенные в Роу-Хеде, вернулась в пасторат, к своим любимым пустошам.

Мисс Бронте так объяснила причины, почему Эмили не смогла остаться у мисс Вулер:

Моя сестра Эмили очень любила наши пустоши. Цветение вереска казалось ей ярче роз, и синевато-серый склон горы преобразался в ее воображении в настоящий Эдем. Наше бедное захолустье было исполнено для нее многими радостями, не последней из них была свобода. Свобода – это воздух, которым дышала Эмили, без нее она бы погибла. И переезд из родного дома в школу означал конец того тихого, уединенного, но в то же время ничем не ограниченного и естественного образа жизни, который она привыкла вести раньше, а строгой дисциплины (хотя и под покровительством самых благожелательных наставниц) Эмили не могла вынести. Весь склад ее души противился здешней жизни. Каждое утро, пробуждаясь ото сна, она видела родной дом и вересковые поля, и весь предстоящий день казался ей темным и грустным. Никто, кроме меня, не понимал, что ее угнетало. Но я-то знала это очень хорошо. Под влиянием происходившей в ней внутренней борьбы здоровье Эмили вскоре оказалось подорвано: сестра выглядела бледной, сильно похудела и быстро теряла силы. Я предчувствовала, что она умрет, если не вернется домой, и по этой причине добилась ее возвращения. В школе Эмили пробыла всего три месяца, и прошло еще несколько лет, прежде чем мы снова решились отослать ее из дома⁹².

То, что Эмили в отрыве от Хаурта испытывала физические недомогания, подтверждалось несколько раз и в конце концов было признано всеми. Поэтому, если сестрам приходилось покидать родной дом, они обычно оставляли Эмили дома, где в одиночестве ей становилось легче. За всю жизнь она уезжала из Хаурта только два раза: впервые – чтобы занять место учительницы в Галифаксе (это продлилось три месяца), а другой раз – когда сопровождала Шарлотту в поездке в Брюссель (в течение десяти месяцев). Дома Эмили брала на себя главный труд по приготовлению пищи, гладила для всех одежду, а когда состарившаяся Тэбби уже не могла работать, именно Эмили пекла хлеб для всей семьи. Проходя мимо кухни, частенько можно было увидеть, как Эмили замешивает тесто и одновременно, глядя в раскрытый учебник, учит немецкий. Как бы ни увлекала ее учеба, это не сказывалось на качестве хлеба – он всегда получался легким и вкусным. Никого в доме не удивляло, что книги часто оказывались на кухне: отец учил девушек теоретическим предметам, а тетюшка давала практические наставления по части домашнего хозяйства. Делать что-либо по дому сестры считали всего-навсего долгом любой женщины. Однако, бережно относясь ко времени, они часто находили несколько минут, чтобы почитать, при этом приглядывая за выпечкой, и им удавалось делать два дела одновременно лучше, чем королю Альфреду.

Шарлотту, пока ее здоровье оставалось в порядке, вполне удовлетворяла жизнь у мисс Вулер. Она искренне любила свою бывшую учительницу, а теперь коллегу и подругу. Ученицы тоже не были ей совсем чужими: некоторые из них приходились младшими сестрами

ее однокашницам. Даже если дневные труды могли утомить однообразием, то вечером всегда выпадало два-три счастливых часа, когда Шарлотта могла посидеть вдвоем с мисс Вулер, иногда до поздней ночи проводя время в тихих и приятных разговорах или даже в молчании, поскольку каждая чувствовала: любая ее мысль или замечание найдет немедленный отклик у собеседницы и потому им не надо заставлять себя «поддерживать разговор»⁹³.

Мисс Вулер делала все от нее зависящее, чтобы предоставить мисс Бронте возможность отдохнуть. Однако было очень трудно убедить Шарлотту принять приглашения и провести субботу и воскресенье в гостях у Э. или Мэри, куда можно было добраться от школы пешком. Мисс Бронте считала, что позволить себе отдохнуть денек – значит отступить от своего долга, и с упорством настоящего аскета отвергала любые предложения развеяться, нарушая тем самым важное для сохранения здоровья равновесие телесного и душевного. Это подтверждает письмо от Мэри, на которое я уже ссылалась. Вот фрагмент из него:

Спустя три года (после их совместного обучения в школе) я узнала, что она устроилась учительницей к мисс Вулер, и посетила ее там. Я спросила, зачем она так надрыгается за столь малые деньги, в то время как могла бы вполне обойтись без этого? Ведь после того, как она купила одежду для Энн и для себя, у нее ровным счетом ничего не осталось, хотя она и рассчитывала кое-что скопить. Шарлотта признала, что положение ее совсем не блестящее, и спросила, как же ей быть? Я не нашлась ничего ответить. Похоже, у нее не было других интересов, кроме того, что диктовал ей долг, и в свободное время она просто сидела в одиночестве и «придумывала». Впоследствии она рассказала, что как-то раз засиделась в гардеробной, пока не стало совсем темно, и вдруг как бы охватила одним взглядом всю комнату и испытала приступ страха.

Нет никаких сомнений, что именно этот случай мисс Бронте припомнила, когда описывала ужас, охвативший Джейн Эйр. Вот что она написала в романе:

И вот, созерцая эту белую постель и тонувшие в сумраке стены, а также бросая время от времени тревожный взгляд в тускло блестящее зеркало, я стала припоминать все слышанные раньше рассказы о том, будто умершие, чья предсмертная воля не выполнена и чей покой в могиле нарушен, иногда посещают землю... <...> Всеми силами я старалась отогнать от себя эту мысль, успокоиться. Откинув падавшие на лоб волосы, я подняла голову и сделала попытку храбро обвести взором темную комнату. Какой-то слабый свет появился на стене. Я спрашивала себя, не лунный ли это луч, пробравшийся сквозь отверстие в занавесе? Нет, лунный луч лежал бы спокойно, а этот свет двигался; пока я смотрела, он скользнул по потолку и затрепетал над моей головой. Теперь я охотно готова допустить, что это была полоска света от фонаря, с которым кто-то шел через лужайку перед домом. Но в ту минуту, когда моя душа была готова к самому ужасному, а чувства потрясены всем пережитым, я решила, что неверный трепетный луч – вестник гостя из другого мира. Мое сердце судорожно забилося, голова запылала, уши наполнил шум, подобный шелесту крыльев; я ощущала чье-то присутствие...⁹⁴

Мэри продолжает:

После того случая она стала воображать мрачные и пугающие вещи. С ней ничего нельзя было поделать: Шарлотта все равно продолжала об

этом думать. Она не могла забыть этот мрак, не спала по ночам и имела отсутствующий вид днем.

Разумеется, такое состояние пришло не сразу, и эти строки не следует принимать за описание состояния ее здоровья в 1836 году. Но даже тогда в ее письмах сквозило некоторое уныние, напоминавшее письма Купера⁹⁵. Примечательно, насколько глубоко впечатлили Шарлотту его стихотворения. Я полагаю, что его строчки она припоминала чаще, чем слова кого-либо еще из поэтов⁹⁶.

По свидетельству Мэри, все они читали поэму Купера «Отверженный» и так высоко ее ценили, как будто она была написана о них самих.

Шарлотта как-то раз сказала, что Брэнвелл так считал. Конечно, его угнетенное состояние духа стало результатом его заблуждений, однако само по себе оно мало отличалось от приступов уныния, преследовавших Шарлотту. Оба страдали не только душой, но и телом. Она, конечно, замечала, что ее состояние не меняется, и догадывалась о причинах. Религиозное смирение было в ней сильнее, чем в людях мало испытавших, и ее советы уповать на Господа подразумевали, что это приносит утешение; однако она не навязывала никому свои советы. Однажды я рассказала о том, как один человек спросил меня о моей вере (имея в виду обратиться ко мне в свою), и я ответила, что это не касается никого, кроме меня и Бога. Эмили (помню, она в тот момент лежала на ковре перед камином), услышав мой рассказ, воскликнула: «Верно!» – и это было единственное ее высказывание по религиозным вопросам, которое мне доводилось слышать. На Шарлотту, если она чувствовала себя неплохо, религиозные мысли не навевали уныния. Если же она чувствовала себя неважно, угнетенное душевное состояние возвращалось. Вам, вероятно, встречались подобные случаи в жизни. Есть люди, которые не борются с трудностями; они просто забывают о них, когда позволяет здоровье, желудок или какой-нибудь другой орган, причиняющий беспокойство тем, кто ведет сидячий образ жизни. Я слышала от нее осуждения соционизма⁹⁷, кальвинизма и множества других «измов», несогласных с доктриной англикан. Меня всегда удивляло, что она разбирается в подобных вопросах.

10 мая 1836 года

Твое письмо, переданное вместе с зонтиком, меня сильно удивило. В нем виден такой интерес к обстоятельствам моей жизни, какого я была не вправе ожидать ни от кого на земле. Не буду разыгрывать лицемерку: я не смогу ответить на твои милые дружеские вопросы так, как тебе хотелось бы. Пожалуйста, не обманывай себя, воображая во мне те достоинства, которых нет. Моя дорогая, если я была бы похожа на тебя, я обратила бы лик свой к Сиону, хотя предрассудки и заблуждения иногда и омрачали бы сияющую картину перед моими глазами, – однако я не ты. Если бы ты только знала мои мысли, поглощающие меня мечтания, те пламенные картины, какие временами порождает мое воображение, заставляя меня чувствовать отвращение к пошлому обществу, то тебе пришлось бы пожалеть меня и даже, может быть, испытать ко мне презрение. Но я знаю, ценю и люблю сокровища, которые дарует нам Писание. Я ясно вижу сияющую Стену Жизни, но, когда я склоняюсь, чтобы зачерпнуть чистой воды, она избегает моих губ, словно губ Тантала⁹⁸.

Я благодарна тебе за столь любезные и частые приглашения в гости. Ты приводишь меня в смущение. Отказать тебе я не в состоянии, но и принять их выше моих сил. Как бы там ни было, на этой неделе я не смогу приехать, поскольку мы сейчас находимся в самой *melée*⁹⁹ повторений. Я выслушивала ужасный пятый раздел, когда принесли твое письмо. Однако мисс Вулер говорит, что мне надо в следующую пятницу навестить Мэри, – она обещала мне это на Троицу, – и, значит, в воскресенье утром мы увидимся с тобой в церкви, и тогда, если тебе будет удобно, я могла бы остаться до понедельника. Вот какое смелое предложение! Мисс Вулер подвигла меня на него. В этом сказывается ее характер.

Милая, добрая мисс Вулер! Какими бы однообразными и утомительными ни были обязанности, которые исполняла Шарлотта в школе, с ней всегда была ее доброжелательная и внимательная подруга, убеждавшая ее не упускать возможности немного развлечься. И во время летних каникул 1836 года другая подруга Шарлотты – Э. – приехала в гости в Хауорт. Это предвещало счастливое для обеих время.

Далее последует ряд писем – недатированных, но несомненно написанных в том же году чуть позже; и нам снова придется вспомнить о нежном и меланхоличном Купере.

Моя дорогая, дорогая Э.,

я только что прочитала твое письмо и не могу унять дрожи от волнения. Я никогда не получала такого письма: это свободное излияние доброго, нежного, щедрого сердца. <...> Благодарю тебя от всей души за доброту. Я не буду больше воздерживаться от ответов на твои вопросы. Я действительно хотела бы стать лучше, чем я есть сейчас, и иногда молю Господа сделать меня лучше. Я мучаюсь угрызениями совести, чувствую раскаяние, временами меня посещают видения священных, невыразимых явлений, о которых я ничего не знала раньше. Все это может прекратиться, и я останусь в полной тьме, но я умоляю милосердного Искупителя: если это только рассвет Благодати, то пусть она воссияет в полную силу. Пожалуйста, не вводи меня в заблуждение, не говори, что я уже достигла добродетели: я только желала бы этого. О, как я ненавижу свою прежнюю ветреность и самоуверенность! Увы, я и сейчас не лучше, чем была. Я пребываю в состоянии ужасной, мрачной неуверенности и предпочла бы сделаться седовласой старухой, стоящей на краю могилы, если это помогло бы мне примириться с Господом и спастись благодатью Сына Его. Я никогда не забывала полностью об этом, но истина была скрыта от меня, и теперь покрывающие ее тучи сгущаются все сильнее и я все больше падаю духом. Ты утешаешь меня, моя милая, и порой – на мгновение, на малый атом времени – мне кажется, что я могла бы назвать тебя своей сестрой в Духе, но проходит волнение, и я снова чувствую себя столь же несчастной и беспомощной, как раньше. Сегодня вечером я буду молиться так, как ты просила меня. О, только бы Всемогущий был милостив ко мне! Я смею надеяться, что он снизойдет к моим молитвам, ибо ты укрепишь мои нечистые слова своими чистейшими просьбами. Все суета и смятение вокруг меня: приходится заботиться о деньгах и об уроках... Если ты меня любишь, пожалуйста – пожалуйста, пожалуйста! – приезжай в пятницу: я не сомкну глаз, ожидая тебя, а если ты обманешь мои ожидания, я буду плакать. Как мне хотелось бы, чтобы ты почувствовала ту дрожь восхищения, которую

испытала я, когда, стоя у окна в столовой, увидела... как он пронесся мимо и перебросил твой маленький сверток через ограду.

Рыночный день в Хаддерсфилде был важнейшим событием в Роу-Хеде. В этот день девочки, обежав дом и миновав рощу с тенистой аллеей, могли увидеть отца или брата, отправлявшегося в повозке на рынок, и помахать ему вслед. Шарлотта Бронте, стоявшая у окна, где ученицам стоять запрещалось, увидела, как белый сверток, брошенный сильной рукой, перелетает через ограду, в то время как человека, его бросившего, увидеть было нельзя.

Я очень устала после тяжелого дня <...> и теперь присела написать несколько строчек моей дорогой Э. Прости меня, если я говорю бессмыслицу, мой ум совсем утомлен и дух подавлен. Сегодня выдался ненастный вечер, ветер издает непрерывный протяжный вой, и это подавляет меня еще больше. В такие дни и в таком настроении я всегда стараюсь найти утешение в какой-нибудь спокойной и безмятежной идее и сегодня вызываю в воображении твой образ, который всегда успокаивает меня. Вот ты сидишь передо мной, как наяву: прямая и спокойная, в своем черном платье и белой шали, с лицом бледным, как мрамор. Кажется, ты сейчас заговоришь со мной. Если нам суждено разлучиться, если жребий судил нам жить вдалеке друг от друга и никогда не встретиться снова, даже в старости, то я смогу все же воскрешать в памяти молодость, и какое же грустное счастье это будет – вспоминать о подруге юных дней! <...> В моем характере много такого, что делает меня несчастной, много чувств, которые ты не сможешь разделить и которые почти никто не понимает. Я вовсе не горжусь такими особенностями и стараюсь скрыть и подавить их, насколько это в моих силах, однако они порой вырываются наружу, и те, кто их замечает, не могут не презирать меня, да и сама я потом еще долго ненавижу себя. <...> Я получила твое письмо и то, что к нему приложено. Не могу понять, что заставляет тебя и твоих сестер тратить запасы своей доброты на такое создание, как я. Я столь многим обязана им: пожалуйста, передай им это. Обязана и тебе – и за письмо больше, чем за подарок. Первое доставило мне радость, второй почти причинил боль.

Нервное возбуждение, часто посещавшее Шарлотту во время пребывания у мисс Вулер, похоже, снова стало беспокоить ее в описываемое время. По крайней мере, сама она пишет о болезненной раздражительности, которая, разумеется, представляла собой всего лишь временное недомогание.

Ты была очень добра ко мне в последнее время, и я благодарна за то, что ты перестала подшучивать над моей несчастной чувствительностью. Эти шутки раньше каждый раз заставляли меня вздрагивать, словно от прикосновения к горячему утюгу. Действительно, явления, которых никто не замечает, ранят меня и вливают в мою душу яд. Я понимаю, что такие чувства нелепы, и стараюсь скрывать их, но они жалят меня еще безжалостней за свое сокрытие.

Попробуйте сравнить это состояние ума с той тихой покорностью, с которой Шарлотта признавала себя ни на что не годной или соглашалась, когда соученицы замечали, что она некрасива, – всего три года назад.

Со времени нашей последней встречи жизнь моя проходила однообразно и без перемен. Ничего, кроме учения, учения и учения с

утра и до ночи. Наибольшее разнообразие в мое существование внесло твое письмо, а также чтение новых книг. Из последних надо упомянуть «Жизнь Оберлина»¹⁰⁰ и особенно «Семейные портреты» Ли Ричмонда¹⁰¹ – она увлекла меня чрезвычайно. Прошу тебя, одолжи ее у кого-нибудь немедленно или даже укради. И с особым вниманием прочти «Воспоминания Уилберфорса»¹⁰² – это краткое повествование о недолгой и лишенной событий жизни; я никогда его не забуду, ибо оно превосходно не только по части литературного стиля и детальным описаниям, но и по простоте рассказа о жизни молодого, талантливого и искреннего христианина.

Примерно в это время школа мисс Вулер переехала из прекрасного, открытого свежему ветру дома в Роу-Хеде в другое место – Дьюсбери-Мур, всего в трех милях от первого. Эта резиденция была расположена в низине, и воздух там казался куда менее чистым и бодрящим – особенно тем, кто вырос в горной деревне Хаурт. Шарлотта сильно переживала из-за этого переезда, волнуясь не столько за себя, сколько за сестру Энн. Более того, Эмили решила поступить на место учительницы в школу, находящуюся в Галифаксе, где занимались почти сорок учениц. «Со времени ее отъезда я получила всего одно письмо, – жаловалась Шарлотта 2 октября 1836 года, – и оно содержало ужасное описание ее служебных обязанностей: тяжелый труд с шести утра до одиннадцати ночи, с перерывом всего на полчаса. Боюсь, она не выдержит такого рабства».

Когда сестры встретились дома на Рождество, они подробно рассказали друг другу о своей жизни и обсудили те перспективы, которые могла им дать работа и полагающееся за нее жалованье. Они считали своим долгом освободить отца от бремени финансовой поддержки дочерей, если и не всех трех сразу, то по крайней мере двух старших. Из этого следовало естественное решение: Шарлотта и Эмили должны найти себе оплачиваемые занятия. Они понимали, что на наследство рассчитывать не стоит. Мистер Бронте получал скромное жалованье и в то же время был человеком щедрым и тороватым. Тетушка получала пятьдесят фунтов ренты, но после ее смерти эти деньги должны были перейти к другим родственникам, и племянницы не могли получить ее сбережения. Что же им оставалось? Шарлотта и Эмили пытались преподавать, но большого дохода это не приносило. Старшей повезло: ее работодательницей оказалась близкая подруга, а кроме того, Шарлотта была окружена знающими и любящими ее людьми. Однако жалованье оказалось столь незначительным, что из него нечего было откладывать на черный день, а имеющееся у Шарлотты образование не позволяло ей претендовать на что-либо большее. Малоподвижный и монотонный образ жизни, который ей приходилось вести, угнетал ее душу и пагубно сказывался на здоровье, хотя мисс Бронте, желавшая быть самостоятельной, едва ли призналась бы в этом даже себе. Куда хуже приходилось Эмили, этой неукротимой дикарке, которая чувствовала себя счастливой только рядом с родными бесконечными пустошами, – Эмили, не терпевшей чужих людей, но обреченной жить среди них, и не просто жить, но служить им, словно рабыня. То, что Шарлотта могла вытерпеть сама, казалось ей невыносимым по отношению к сестре. Так где же выход из этого положения? Когда-то ей казалось, что она сумеет стать художницей и зарабатывать на жизнь рисованием. Однако ее подвели глаза: зрение совсем испортилось, когда она взяла на себя скрупулезный и бесполезный труд, желая приблизиться к этой цели.

У сестер было обыкновение заниматься шитьем до девяти вечера. В это время мисс Брэнвелл обычно отправлялась спать и обязанности ее племянниц по дому считались оконченными. Тогда они откладывали работу и принимались ходить по гостиной туда и обратно – часто при погашенных из соображений экономии свечах. Их фигуры освещал только огонь камина, и они то выходили на свет, то скрывались в глубокой тени. В эти часы они обсуждали

заботы прошедшего дня, строили планы на будущее, давали советы друг другу. В более поздние годы по вечерам в эти часы они обсуждали сюжеты своих романов. А еще позже только одна оставшаяся в живых сестра расхаживала по опустевшей комнате, с грустью вспоминая «дни, которые не придут назад». Но на праздновании Рождества 1836 года надежды и упования на будущее были еще сильны. Давным-давно сестры попробовали свои силы в писательстве, выпуская крохотный домашний журнальчик, – они вечно что-нибудь «выдумывали». Они писали также стихи и имели некоторые основания считать, что неплохие, но при этом понимали, что следует трезво относиться к себе и что их суждения о творчестве друг друга не могут быть объективными. Поэтому Шарлотта, как старшая, решила написать письмо Роберту Саути. Мне кажется (на основании одного высказывания в письме, о котором я скажу позже), что она также просила совета у Колриджа¹⁰³, однако мне никогда не попадалась хотя бы часть их переписки.

29 декабря письмо, адресованное Саути, было отослано по назначению. От волнения – впрочем, вполне естественного для девушки, которая решила написать поэту-лауреату с просьбой высказать мнение о своих стихах, – Шарлотта использовала в своем послании ряд высокопарных выражений, и они, по всей вероятности, внушили адресату уверенность, что он имеет дело с весьма романтически настроенной юной леди, незнакомой с реальной жизнью.

Это письмо, похоже, было первым из нескольких смелых писем, отправленных из маленького почтового отделения в Хауорте. Обратные письма доставлялись в деревню в выходные по утрам, и не одно такое утро прошло в тщетном ожидании ответа. Сестры разъехались, и Эмили, вернувшаяся к своим тяжелым обязанностям, так и не узнала до отъезда, достигло ли письмо Шарлотты назначения.

В отличие от сестер, Брэнвелл не был обескуражен задержкой ответа и поступил похожим образом, отправив нижеследующее примечательное письмо Уильяму Вордсворту. Впоследствии, в 1850 году, когда фамилия Бронте стала известной и даже знаменитой, поэт передал это письмо мистеру Квиллинэну¹⁰⁴. У меня нет оснований утверждать, что мистер Вордсворт ответил на это послание, однако можно предположить, что он посчитал письмо оригинальным, поскольку не только сохранил его, но и сумел припомнить, когда читающей публике было раскрыто подлинное имя Каррера Белла¹⁰⁵.

Хауорт, близ Бредфорда, Йоркшир, 19 января 1837 года

Сэр,

весьма настоятельно прошу Вас прочесть приложенное к этому письму и высказать свое суждение. С самого рождения и до сего года, когда мне исполнилось девятнадцать лет, я проживаю в отдаленной горной местности, где невозможно понять, кто ты такой и к чему пригоден. Я читал всю жизнь книги по той же причине, по которой ем или утоляю жажду, – из естественной потребности натуры. И я писал так же, как говорил, – повинуюсь порыву и выполняю требования души. Не писать я не могу и как могу, так и пишу, – вот и все. Что же до моего самомнения, то оно не укреплено лестью, потому что до сего дня не более полудюжины человек на всем свете были осведомлены о том, что я пишу.

Однако теперь все переменялось, сэр, и я вошел в возраст свершений. Силы, которыми я наделен, должны вести меня к определенной цели, и, если я не знаю им цены, мне должно спросить других об их ценности. Однако в наших краях нет никого, кто мог бы мне помочь, и я не хотел бы терять время на развитие своего дара, если он ничего не стоит.

Прошу простить меня, сэра, за то, что я осмеливаюсь представить одному из тех, чьи труды я почитаю более всего в нашей литературе и кто мнится мне божеством разума, – осмеливаюсь представить некоторые из своих сочинений и просить вынести им оценку. Мне необходимо показать их кому-нибудь, чей приговор не подлежит обжалованию, – тому, кто создал теорию поэзии наряду с ее практикой и в обоих случаях потрудились так, что останется в памяти человечества на тысячи лет.

Моя цель, сэра, – пробиться в большой мир, и для этого я полагаюсь не только на поэзию. Она должна только спустить на воду корабль, но дальше он поплывет без нее: чувствительная и ученая проза, смелые и бодрые усилия в продвижении по жизни помогут мне создать себе имя, и затем поэзия снова осветит и увенчает это имя славой. Но ничего нельзя начать без средств, а поскольку я их не имею, я должен быть готов предпринять усилия для их обретения. Разумеется, в наши дни, когда среди всей пишущей братии не найти поэтов, стоящих хотя бы грош, путь должен быть открыт для таланта, готового по нему пройти.

Посылаю Вам «Предварительную сцену», являющуюся частью большого сочинения, в котором я пытаюсь показать сильные страсти и слабые принципы, борющиеся с развитым воображением и тонкими чувствами. Борьба эта с годами, когда юность уступает место зрелости, оборачивается злыми делами, краткими наслаждениями и оканчивается безумием и разрушением телесной оболочки. Прислать Вам всю вещь значило бы подвергнуть большому испытанию Ваше терпение. То, что Вы прочтете, – не более чем описание воображаемого ребенка. Но прочтите этот отрывок, сэра, и осветите своим светом полную тьму, проявите столь ценимую Вами самим добросердечность: отправьте мне ответ, пусть даже одно слово о том, следует мне писать дальше или нет. Простите мне излишнюю горячность: мои чувства в данном случае не могут не быть горячи, и примите, сэра, уверения в самом глубоком почтении.

Ваш покорный слуга,

П. Б. Бронте.

Приложенные стихи кажутся мне весьма похожими на некоторые фрагменты самого письма, но, поскольку каждый предпочитает судить самостоятельно, я скопирую сюда шесть первых строф – это примерно треть всего произведения, и определенно не худшая.

Там, где Господь наш пребывает,
Где звезды ночью не мерцают,
Где райский свет всегда сияет,
Зачем меня там нет?

Когда под Рождество не спится
И в сумерках тоска клубится,
Картина страшная мне мнится:
На Древе Он умрет!

Я в детстве часто пробуждался
И крика своего пугался
От снов, в которых Он являлся,
Угасший Высший Свет.

Мать, утешая, говорила:
В тебе таится Слова сила,
Тебе не суждена могила,
Погибели уж нет.

Ура, я райский свет увижу,
Прощай, нелепый страх!
Я ясно этот день предвижу
Сквозь слезы на глазах.

Прилягу я среди могил,
Отвергну мир забот
И буду наблюдать светил
Волшебный хоровод.

Вскоре после возвращения из Дьюсбери-Мура Шарлотта услышала горестную весть: ее подруга Э. собиралась покинуть здешние края на довольно длительное время.

20 февраля

Что же я буду делать без тебя? Как долго продлится наша разлука? Отчего мы должны быть лишены общества друг друга? Все это непостижимая воля судьбы. Я так хотела побыть с тобой: всего пара дней или недель, проведенных вместе, укрепила бы во мне те чувства, которыми я так поздно стала дорожить. Ты первая указала мне путь, и я пытаюсь идти по нему по мере моих слабых сил, и вот теперь тебя не будет рядом со мной, и я должна двигаться вперед в печали и одиночестве. Отчего нам нужно разлучаться? Конечно, оттого, что нам грозит опасность слишком сильно полюбить друг друга и сбиться с пути Создателя, свернув на тропу идолопоклонства, поклонения созданию. Поначалу я не находила в себе сил провозгласить: «Да будет воля Твоя!» Дух мой противился, хотя я и знала, что поступаю неправильно. Оставшись сегодня утром на минуту одна, я обратилась к Господу с горячей мольбой дать мне силы подчиняться любому проявлению Его воли, даже если меня ждут куда более суровые испытания, чем теперь. После этого я почувствовала себя спокойнее и смиреннее, а следовательно – счастливее. В прошлое воскресенье я была в мрачном настроении духа и открыла Писание. Начав читать, я вдруг ощутила нечто такое, чего не было со мной много лет: приятную безмятежность, какая, помнится, посещала меня, когда я была совсем маленькой и летними воскресными вечерами стояла у открытого окна, читая о жизни некоего французского дворянина, сумевшего достичь высочайшей степени святости, какую только достигал человек со времен первых мучеников.

Дом Э. находился от Дьюсбери-Мура на таком же расстоянии, как и от Роу-Хеда, и субботними вечерами Мэри или Э., случалось, навещали Шарлотту. Они по очереди уговаривали ее погостить у них до утра понедельника, но она редко на это соглашалась. Мэри рассказывает:

За все время службы у мисс Вулер Шарлотта побывала в нашем доме всего два-три раза. Мы спорили о политике и религии. Она, сторонница тори и дочь англиканского священника, всегда оставалась в одиночестве

в спорах, случавшихся в среде диссентеров и радикалов. Ей приходилось каждый раз выслушивать произносимые *с апломбом* речи, которые я к ней уже обращала во время учебы в школе: о деспотичной аристократии, корыстолюбивом духовенстве и т. д. У Шарлотты не было сил защищаться; иногда она находила *некоторую* правду в чужих словах, но обычно просто молчала. Ее хрупкое здоровье вынуждало ее к уступчивости, и для того, чтобы противостоять другим, она собирала все свои слабые силы. Поэтому она кротко выслушивала мои советы и позволяла мне командовать и поучать, по временам выбирая из моих слов зерна разумных суждений, но никогда не позволяя никому нарушать своим вторжением независимость собственных мыслей и поступков. Ее молчание заставляло собеседника думать, что она с ним соглашается, в то время как на самом деле все было прямо наоборот. Шарлотта никогда никому не льстила, и потому каждое ее суждение было воистину золотым, будь то хвала или хула.

Отец Мэри был человеком недюжинного ума, но имел большие, чтобы не сказать дикие, предрассудки, сводившиеся в конечном итоге к яростной поддержке республиканства и диссентерства. Нигде, кроме Йоркшира, не мог бы появиться такой человек. Его брату довелось побыть *detenu*¹⁰⁶ во Франции, а после освобождения он добровольно остался в этой стране. Сам мистер Т. тоже многократно бывал за границей – как по делам, так и для того, чтобы осмотреть знаменитые картинные галереи на континенте. По слухам, он мог при случае неплохо объясниться по-французски, но в повседневной жизни предпочитал йоркширский диалект. Он скупал отлично выполненные гравюры с тех картин, которые ему нравились, и в его доме было множество книг и произведений искусства. Однако при этом он с удовольствием демонстрировал приезжему или незнакомцу грубую сторону своей натуры: на диалекте высказывал самые поразительные вещи о церкви и государстве – и затем, шокировав собеседника, постепенно начинал открывать ему свое доброе сердце, истинный вкус и тонкое воспитание. Его семейство состояло из четырех сыновей и двух дочерей, которые были воспитаны в республиканском духе. Независимость суждений и поступков поощрялась в этом доме, и никакие уловки не терпелись. Теперь Мэри живет в Новой Зеландии, Марта, младшая дочь, покоится на протестантском кладбище Брюсселя, мистер Т. скончался. Жизнь и смерть рассеяли общество «яростных диссентеров и радикалов», в которое двадцать лет назад вступила маленькая, тихая, но решительная и непоколебимая дочь англиканского священника, чтобы стать общей любимицей.

Прошли январь и февраль 1837 года, а ответа от Саути все не было. Шарлотта, вероятно, потеряла надежду и уже ничего не ждала, как вдруг в начале марта она получила письмо, которое впоследствии сын мистера Саути приведет в биографии своего отца (т. 6, стр. 327).

Извинившись за задержку, связанную с долгой отлучкой, во время которой скопилось множество писем, мистер Саути объяснил, что послание Шарлотты «лежало без ответа последним в длинной очереди, однако не из пренебрежения или безразличия к его содержанию, а оттого, что ответить на него действительно непросто; это не самая приятная задача – омрачить надежды и желания юности». Мистер Саути продолжает:

О Вас я сужу по Вашему письму, которое, кажется, написано от всего сердца, хотя, похоже, Вы подписались вымышленным именем. Однако, даже если это и так, само письмо и стихотворения имеют нечто общее, и если не ошибаюсь, то я понимаю состояние души, которое они выражают. <...>

Я собираюсь не столько дать совет о направлении, которое следует придать Вашим талантам, как Вы просили, сколько выскажу свое мнение

о них, хотя мнение стоит куда меньше, чем совет. Вы несомненно обладаете, и в немалой степени, тем качеством, которое Вордсворт называет «способностью к стихотворству». Надеюсь, я не принижу это Ваше свойство, когда скажу, что оно в наше время не редкость. Множество поэтических книг, которые теперь ежегодно публикуются, не привлекая внимания читателей, принесли бы авторам широкую известность, если были бы напечатаны полвека назад. Поэтому всякий, кто желает приобрести известность таким способом, должен быть заранее готов к неудаче.

Однако не ради известности Вам следует взращивать свой талант – Вы поймете это, если вспомните о радости творчества. Я, как человек, сделавший литературу своей профессией, посвятивший ей жизнь и ни разу ни на миг не пожалевший об этом выборе, тем не менее считаю своей обязанностью встречать каждого молодого человека, который обращается ко мне за одобрением и советом, предупреждением об опасности этого пути. Вы скажете, что женщине нет нужды в подобном предостережении: для нее опасности здесь быть не может. В определенном смысле так и есть. Но все же существует опасность, о чем я со всей благожелательностью и серьезностью должен Вас предупредить. Мечтания, которым Вы постоянно предаетесь, нарушают Ваше душевное равновесие. Все обыденное в этом мире начинает казаться Вам пошлым и безрадостным, и в то же время, теряя связь с повседневной действительностью, Вы не обрываете связи с чем бы то ни было еще. Литература не может, да и не должна стать делом жизни для женщины. Чем больше женщина занята выполнением свойственных ей обязанностей, тем меньше у нее времени для сочинительства, даже ради элемента образования или отдыха. К этим обязанностям Вы еще не были призваны, однако, когда это случится, Вы станете гораздо меньше думать о славе. Вам не придется искать волнений в области воображения: превратности судьбы, заботы и тревоги, которых никто не властен избежать, принесут Вам их в изобилии.

Однако не думайте, будто я хочу принизить и умалить тот дар, которым Вы обладаете. Вовсе нет, и я не хотел бы обескуражить Вас и заставить от него отказаться. Я всего лишь призываю Вас как следует подумать о нем и использовать его так, чтобы он всегда служил Вам только во благо. Пишите стихи ради самих стихов, а не из духа соперничества и не из упований на славу. Чем меньше Вы о ней думаете, тем больше Вы ее заслуживаете и тем скорее обретете. Стихи, так написанные, полезны для сердца и души и, возможно, являются вернейшим средством, стоящим близко к религии, для успокоения и возвышения духа. Вкладывая в поэзию свои лучшие мысли и заветные чувства, Вы тем самым закаляете и усиливаете их.

Всего наилучшего, сударыня. Я пишу Вам таким образом не потому, что забыл о собственной юности, но именно потому, что помню ее. Прошу Вас, не сомневайтесь ни в моей искренности, ни в моем к Вам расположении. Даже если сейчас мои слова совсем не гармонируют с Вашими взглядами и настроениями, надеюсь, что с годами они покажутся Вам более разумными. Хотя я и оказался нелюбезным советчиком, позвольте мне закончить пожеланиями счастья сейчас и в будущем и подписаться —
Ваш искренний друг Роберт Саути.

Я была рядом с мисс Бронте, когда она получила от мистера Катберга Саути письмо с просьбой включить это послание в готовившуюся им биографию отца. Тогда Шарлотта

заметила: «Письмо мистера Саути было очень добрым и достойным восхищения. Может быть, несколько строгим, но оно определенно принесло мне пользу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.